

ISSN 2949-4419

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2026

ВЫПУСК 1 (13)

Журнал выпускается с 2023 г.

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.).

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

2026

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026

ВЫПУСК 1 (13)

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор *Г. В. Файзиева*

Ответственный секретарь

кандидат педагогических наук, доцент *Т. В. Дымова*

Редакционная коллегия

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – главный редактор;

Галичкина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Шеховцева Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Дымова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экологии, природопользования, землеустройства и безопасности жизнедеятельности, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – ответственный секретарь;

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия;

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия;

Багринцева Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия;

Данилевская Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Емельянова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Есенова Тамара Саранговна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия;

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет МИТСО», г. Минск, Республика Белоруссия;

Илова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия;

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии, Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан;

Сарангаева Жанна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия;

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Юшкова Людмила Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия.

Журнал выходит 4 раза в год.

© Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Е. В. Малахова, С. В. Шустова

Эмотивные каузативы: to worry, to bother, to disturb, to concern, to trouble, to alarm лексикографический анализ 6

Е. В. Малахова, С. В. Шустова, Н. П. Сюткина

Каузация эмоциональной модификации: фразеологический аспект 30

Е. В. Рюмкова

Интертекстуальность и цитатность в англоязычном судебном дискурсе: лингвистический аспект 49

В. А. Сагалаев, Г. В. Файзиева

Топонимы как фрагмент языковой картины мира: этимологический и культурно-семантический аспекты (на материале топонимов Волгоградской области) 65

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

А. Б. Даулетова

К вопросу об особенностях формирования и функционирования спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах 106

И. В. Лысикова

Вопросы гендерной маркированности субстандартной лексики лексико-семантической группы «интеллект» в русском и английском языках (сравнительно-сопоставительный анализ) 133

ЛИНГВОДИДАКТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Е. Р. Гужвинская, Л. И. Тимофеева

Сериал как инструмент формирования социокультурной компетенции при обучении турецкому языку 148

А. Г. Неклюдова

Учебно-методическая стратегия курса «Аудиовизуальный перевод». Часть 1. Переводческий аспект 167

М. Ю. Рассохин

Медиатекст как дидактическая единица на уроках русского языка 196

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81-11

**ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ TO WORRY, TO BOTHER, TO DISTURB,
TO CONCERN, TO TROUBLE, TO ALARM:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Елизавета Вадимовна Малахова¹, Светлана Викторовна Шустова²

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

¹lisaveet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному лексикографическому анализу шести эмотивно-каузативных глаголов английского языка: *to worry, to bother, to disturb, to concern, to trouble, to alarm*. Актуальность исследования обусловлена проблемой выбора адекватного переводческого эквивалента для русского полисемантического глагола *тревожить*, что требует смыслового разграничения между близкими по значению английскими единицами. Цель работы – выявить инвариантные смысловые ядра и дифференциальные семантические признаки данных глаголов для построения чёткой системы их различий. Эмпирическую базу составили дефиниции и контексты из семи авторитетных лексикографических источников: Cambridge Dictionary, American Dictionary, Merriam-Webster, Better Words, LanGeek, Oxford Dictionary, Britannica Dictionary. Методология включает сопоставительный анализ словарных статей с выделением устойчивых семантических компонентов (сем) и периферийных значений. В результате установлено, что каждый глагол

обладает уникальным профилем. Семантический потенциал глагольной лексемы *to worry* включает значение внутреннего переживания, тревоги о будущих негативных событиях; глагол *to bother* указывает на причинение досады, неудобства и концепт приложения собственных усилий; глагольная единица *to disturb* обозначает активное внешнее вмешательство, нарушающее процесс, покой или порядок; глагол *to concern* отличается двойственной семантикой, сочетая значение вызывать беспокойство и иметь отношение, быть важным; глагольная лексема *to trouble* характеризуется широтой значений, охватывая создание объективных трудностей и причинение хлопот; глагол *to alarm* выражает наивысшую степень интенсивности, указывая на внезапный испуг или предупреждение о непосредственной опасности. Полученные данные позволяют системно разграничить сферы употребления данных глаголов, что минимизирует ошибки в переводе, связанные с искажением эмоциональной окраски или интенсивности действия. Результаты исследования имеют практическую ценность для переводчиков и лингвистов.

Ключевые слова: лексикографический анализ, английский язык, тревожить, эмотивные каузативы, семантика, ядро, периферия

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Эмотивные каузативы: *to worry, to bother, to disturb, to concern, to trouble, to alarm* лексикографический анализ // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 6–29.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81-11

**EMOTIVE CAUSATIVES TO WORRY, TO BOTHER, TO DISTURB,
TO CONCERN, TO TROUBLE, TO ALARM:
A LEXICOGRAPHIC ANALYSIS**

Elizaveta V. Malakhova¹, Svetlana V. Shustova²✉

Perm State National Research University, Perm, Russia

¹lisaveet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative lexicographic analysis of six emotive-causative verbs in the English language: *to worry*, *to bother*, *to disturb*, *to concern*, *to trouble*, and *to alarm*. The relevance of the study is determined by the problem of choosing an adequate translation equivalent for the Russian polysemantic verb *тревожить*, which requires semantic differentiation between closely related English units. The aim of the work is to identify the invariant semantic cores and differential semantic features of these verbs in order to construct a clear system of their distinctions. The empirical base comprises definitions and contexts from seven authoritative lexicographic sources: Cambridge Dictionary, American Dictionary, Merriam-Webster, Better Words, LanGeek, Oxford Dictionary, and Britannica Dictionary. The methodology includes a comparative analysis of dictionary entries, identifying stable semantic components (semes) and peripheral meanings. As a result, it has been established that each verb possesses a unique profile. The semantic potential of the verbal lexeme *to worry* involves the internal experience of anxiety

about future negative events; the verb *to bother* indicates causing annoyance, inconvenience, and the concept of applying one's own effort; the verbal unit *to disturb* denotes active external interference that disrupts a process, peace, or order; the verb *to concern* is characterized by a dual semantics, combining the meaning of causing worry and relating to, being important; the verbal lexeme *to trouble* is characterized by a breadth of meanings, encompassing the creation of objective difficulties and causing trouble; the verb *to alarm* expresses the highest degree of intensity, indicating sudden fright or a warning of immediate danger. The obtained data allow for a systematic differentiation of the usage spheres of these verbs, which minimizes errors in translation related to distorting the emotional coloring or intensity of the action. The results of the study have practical value for translators and linguists.

Keywords: lexicographic analysis, English language, to worry/to bother/to disturb/to concern/to trouble/to alarm, emotive causatives, semantics, core, periphery

For citation: Malakhova E. V., Shustova S. V. Emotive causatives: to worry, to bother, to disturb, to concern, to trouble, to alarm: a lexicographic analysis // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 6–29. (In Russ.).

Введение

Проблема адекватного перевода с одного языка на другой часто заключается не в отсутствии эквивалентов, а в их избытке, требующем смыслового разграничения. Глагол *тревожить* не имеет единого, универсального соответствия. Переводчику и лингвистам приходится выбирать из целого ряда синонимов, ключевыми среди которых являются *to worry* (беспокоить(ся), тревожить(ся)), *to bother* (беспокоить, волновать, надоедать), *to disturb* (мешать, нарушать (покой), беспокоить), *to concern* (касаться, затрагивать, беспокоить), *to trouble* (тревожить, беспокоить, причинять беспокойство / хлопоты), *to alarm* (тревожить, пугать, встревожить). Все они могут быть переведены как *тревожить*, однако каждому присуще уникальные

коннотативные оттенки и типичные контексты употребления. Неверный выбор глагола может исказить сообщение, придав действию неадекватную эмоциональную окраску или интенсивность. В рамках исследования в качестве эмпирической базы были избраны семь лексикографических источников: Cambridge Dictionary (CD), American Dictionary (AD), Merriam-Webster (MW), Better Words (BW), LanGeek (LGE), Oxford Dictionary (OD), Britannica Dictionary (BD). Целью исследования является системное описание и сопоставление семантики шести вышеперечисленных глаголов на основе их дефиниций в отобранных словарях. В задачи работы входит: 1) выявление инвариантного смыслового ядра каждого глагола; 2) анализ дифференциальных семантических признаков; 3) построение на основе полученных данных системы смысловых различий между глаголами.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Лексикографический анализ глагола *to worry*

Анализ исследуемой лексемы представляется логичным начать с этимологии: глагол *to worry* имеет свои корни в древнеанглийском языке, он произошёл от слова *wyrgan*, означающего *душить* или *причинять удушье*. В своём раннем употреблении *to worry* передавал идею настолько сильного душевного страдания или тревоги, что оно ощущалось как удушающее, подобное тому, как будто заботы сжимают горло. Со временем, в среднеанглийский период, значение лексемы эволюционировало, приняв современный смысл – испытывать тревогу, беспокойство или озабоченность по поводу конкретной ситуации, события или исхода. Преобразование *to worry* из описания физического ощущения в обозначение психологического состояния отражает устойчивую связь между ощущением сдавленности и душевным страданием, которое характеризует переживание беспокойства.¹ (The verb *to worry* has its roots in Old English, where it originated from the word *wyrgan*, meaning to strangle or choke. In its early use, *to worry* conveyed the notion of mental

¹ Здесь и далее перевод наш.

distress or anxiety so intense that it felt constricting, akin to being choked by one's concerns. Over time, the term evolved in Middle English, taking on the modern sense of experiencing anxiety, unease, or concern about a particular situation, event, or outcome. The transformation of *to worry* from a physical sensation to a psychological one reflects the enduring connection between the sensation of constriction and the mental distress that characterizes the experience of worry) [BW]. В словаре «Chambers's Etymological Dictionary» 1874 года даётся следующая дефиниция: *worry* (произн. *wur'i*), *v.t.* (переходный глагол) – букв. *душить*; разрывать зубами; досаждать, изводить; докучать. – *pr.p.* (причастие настоящего времени) *worrying*; *pa.p.* (причастие прошедшего времени) *worried*. – *n.* (существительное) – беспокойство, затруднение, досада. [От нидерл. *Worgen* – душить; нем. *würgen* – душить, давить; звукоподражательное (от звука удушения) [CED].

Переходя от исторической перспективы к современному состоянию языка, проанализируем словарные дефиниции глагола *to worry*: 1) Испытывать беспокойство / тревогу (*to feel anxiety, to be concerned about potential problems*) – фиксируется всеми рассмотренными лексикографическими источниками (CD, AD, MW, BW, LGE, OD, BD). Это значение описывает внутреннее состояние, в котором когнитивный процесс навязчивого обдумывания проблем вызывает эмоциональный отклик в виде страха или стресса, что можно проиллюстрировать примером: *She couldn't help but worry about her upcoming job interview* (BW) (Ср. Она не могла не волноваться из-за предстоящего собеседования).

2) Вызывать беспокойство / тревогу (у кого-либо) (*to cause anxiety in someone, to make someone worried*) зафиксирована в шести словарях (CD, AD, MW, LGE, OD, BD), описывает ситуацию, в которой субъект становится причиной тревоги для объекта. В этом случае глагол принимает форму прямого дополнения (*to worry somebody*), а причиной могут выступать как конкретное действие, так и бездействие объекта. Иллюстрацией служит пример из CD: *You*

worried your mother by not writing (Ср. Мама волновалась, потому что ты не написал), где бездействие адресата *by not writing* прямо обуславливает эмоциональное состояние матери.

3) Надоедать, раздражать, причинять беспокойство (to annoy, bother, pester) выделена в трёх словарях (MW, LGE, OD). В данном случае, акцент смещается с порождения внутреннего эмоционального состояния (тревоги) на провоцирование реакции на внешнее раздражение, где субъект доставляет неудобство, отвлекает или мешает объекту. *The child's whining started to worry the tired teacher* (Ср. Нытьё ребёнка начало раздражать уставшего учителя).

4) (О животных) Гонять, хватать зубами, терзать (of an animal: to chase, bite, attack). Это значение зафиксировано в 4 словарях (CD, MW, LGE, OD) и описывает агрессивное поведение, характерное для хищников, особенно собак. *Any dog caught worrying sheep in these fields will be shot* (Ср. Любая собака, замеченная в нападении на овец, будет застрелена).

5) Теревить что-либо (часто от нервного напряжения) (to touch or handle something repeatedly and nervously). Данное значение выделено лишь в одном словаре (LGE). Оно описывает невербальный, моторный акт, являющийся прямым физическим проявлением внутреннего беспокойства. *She nervously worried the edge of her napkin during the meeting* (Ср. Она нервно теребила край салфетки во время встречи).

6) (Переносное, архаичное) С трудом продвигаться (to move or proceed with difficulty). Данное значение, отмеченное как переносное и устаревшее, зафиксировано исключительно в словаре MW. Оно представляет собой метафорическое расширение семантики глагола, где трудность, препятствие или сложная задача наделяются свойствами активного противника, который «беспокоит», «задерживает» или «изматывает» субъекта, замедляя его прогресс. *The expedition worried its way through the dense jungle* (Ср. Экспедиция с трудом пробиралась сквозь густые джунгли). В этом предложении *worried* визуализирует медленное, сопряжённое с постоянными препятствиями

движение, где джунгли выступают в роли агрессивной среды «атакующей» путь исследователей.

Проведённый анализ дефиниций из семи лексикографических источников позволяет выделить устойчивые семантические компоненты глагола *to worry* и проследить степень их репрезентации в разных словарях. Базовым значением выступает семантический компонент *испытывать тревогу*, который фиксируется во всех рассмотренных источниках. Данный компонент интегрирует два аспекта: ментальный процесс, направленный на потенциальные негативные события (CD: think about problems... that might happen; OD: keep thinking about unpleasant things), и результирующее отрицательное эмоциональное состояние (AD, MW: anxious; LGE: upset and nervous; BD: fear and concern). Вторым ключевым компонентом является причинение аналогичного состояния другому лицу, что зафиксировано в шести из семи словарей (кроме BW). Дефиниции демонстрируют прямую причинно-следственную связь: make someone feel... (CD, AD), cause someone to feel... (LGE, BD), make anxious (MW, OD). Результаты лексикографического анализа обобщены в таблице 1.

Периферийные значения представлены следующими компонентами. Компонент, связанный с агрессивным поведением животных (собаки) отражён в авторитетных британских (CD, OD) и наиболее полном американском (MW) издании, а также в LGE. Компонент «надоедать, раздражать» демонстрируют меньшую интенсивность, чем «вызывать тревогу», что отмечается только в двух источниках: LGE (bother or irritate) и OD (annoy or upset). Отсутствие данного компонента в остальных словарях позволяет рассматривать это значение как контекстуально зависимый оттенок или менее частотный. Компонент физического манипулирования предметом (проявление нервозности): детально описан только в словаре LGE (handle or move something over and over...). Переносное значение «с трудом продвигаться», являющееся

архаичным, зафиксировано исключительно в MW (to move... by unceasing or difficult effort).

Таблица 1

Лексикографический анализ глагола to worry

Сема	CD	AD	MW	BW	LGE	OD	BD
1. Испытывать беспокойство/тревогу (To feel anxiety, to be concerned about potential problems)	+	+	+	+	+	+	+
2. Вызывать беспокойство/тревогу (у кого-либо) (To cause anxiety in someone, to make someone worried)	+	+	+	-	+	+	+
3. Надоедать, раздражать, причинять беспокойство (to annoy, bother, pester)	-	-	+	-	+	+	-
4. (О животных) Гонять, хватать зубами, терзать (of an animal: to chase, bite, attack)	+	-	+	-	+	+	-
5. Теревить что-либо (часто от нервного напряжения) (to touch or handle something repeatedly and nervously)	-	-	-	-	+	-	-
6. (Перен., арх./спец.) С трудом продвигаться (to move or proceed with difficulty)	-	-	+	-	-	-	-

Лексикографический анализ глагола to bother

Этимологический анализ показывает, что *to bother* восходит к среднеанглийскому слову *botheren*, которое означало *сбивать с толку* или *озадачивать*. Считается, что на его формирование повлияло древнеанглийское слово *bodan*, означавшее *возвещать* или *предсказывать*. Со временем *to bother* приобрёл значение причинять беспокойство, раздражение или неудобство, вероятно, через идею о том, что нечто, вызывающее замешательство или недоумение, может также быть и назойливым. Эволюция этого слова демонстрирует, как лингвистические концепции способны смещаться и расширяться в значении: *to bother* трансформировался из описания состояния умственной путаницы в обозначение действий или ситуаций, которые тревожат или раздражают людей, приводя к досаде или беспокойству. (The verb *to bother* has its etymological roots in the Middle English word *botheren*, which meant *to confuse* or *to perplex*. It is believed to have been influenced by the Old English word *bodan*, meaning *to announce* or *to foretell*. Over time, *to bother* took on the sense of causing disturbance, annoyance, or inconvenience, likely through the idea that

something that confuses or perplexes can also be bothersome. The evolution of this word showcases how linguistic concepts can shift and broaden in meaning, as *to bother* transformed from describing a state of mental confusion to representing actions or situations that trouble or vex individuals, leading to annoyance or disturbance) [BW]. *Bother v.t.* (переходный глагол) – смущать, ставить в тупик; докучать, надоедать: – *pr.p.* (причастие настоящего времени) *bothering*; *pa.p.* (причастие прошедшего времени) *bothered* [CED].

Для описания семантической структуры глагола *to bother* обратимся к данным лексикографических источников:

1) Проявлять усилие, старание, утруждать себя (*to make an effort / to take trouble to do something*). Данное значение представлено в 6 лексикографических источниках (CD, AD, MW, LGE, OD, BD). В этом значении *to bother* акцентирует добровольное затрачивание времени, энергии или усилий на действие, часто воспринимаемое как обременительное или необязательное. Оно особенно характерно для отрицательных и вопросительных конструкций, выражающих нежелание что-либо делать. *You could have phoned us but you just didn't bother* (Ср. Ты мог бы позвонить нам, но не удосужился).

2) Значение «досаждать, раздражать, причинять неудобство» (*to annoy, irritate, cause inconvenience*) представлено во всех словарях (CD, AD, MW, BW, LGE, OD, BD). Дефиниция описывает действие субъекта, которое вызывает у объекта чувство лёгкого или сильного раздражения, досады или неудобства. Воздействие часто связано с отвлечением внимания, нарушением покоя или возникновением мелких помех. *Stop bothering me when I'm working* (Ср. Перестань меня беспокоить, когда я работаю).

3) Значение «вызывать беспокойство, волнение, озабоченность» (*to cause worry, anxiety or concern*) представлено в 6 словарях (CD, AD, MW, LGE, OD, BD). Данный семантический компонент описывает более глубокое психологическое воздействие. Субъект становится источником тревоги, навязчивых мыслей или душевного дискомфорта для объекта, заставляя его

волноваться. *Something he said at the meeting has been bothering me* (Ср. Что-то, сказанное им на встрече, не даёт мне покоя).

4) Значение «вмешиваться, прерывать, нарушать покой» (to intrude, interrupt, disturb someone's space) представлено в четырёх словарях (MW, LGE, OD, BD). Данный семантический компонент конкретизирует способ причинения беспокойства: он описывает прямое физическое или вербальное вторжение в частное пространство, время или деятельность другого человека, нарушая его уединение или концентрацию. Это значение часто связано с вежливыми формулами извинения за беспокойство. *I'm sorry to bother you, but could you help me?* (Ср. Извините за беспокойство, не могли бы вы помочь?).

5) Значение «беспокоиться, заботиться, обращать внимание» (to care about, pay attention to – often in negative constructions) представлено в одном словаре (LGE). Данное значение выделено лишь в одном источнике, чаще всего реализуется в отрицательных конструкциях или вопросах. Оно описывает проявление интереса, заботы или внимания к чему-либо. *Don't bother with the extra details* (Ср. Не обращай внимание на лишние детали).

6) (Междометие) Выражать раздражение, досаду (Interjection: used to express annoyance) представлена в одном словаре (BD). Узкое, стилистически и диалектно маркированное употребление глагола в качестве восклицания для передачи моментального раздражения, аналогично русским «чёрт!» или «досада!». *Bother this car! It won't start!* (Ср. Чёртов автомобиль! Не заводится!). Данные, полученные в ходе анализа словарных дефиниций, систематизированы в таблице 2.

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить ядро значения глагола *to bother*, состоящее из двух компонентов: причинение неудобства (досада, беспокойство) и приложение собственных усилий. Периферийные значения, такие как физическое вторжение или междометное употребление, фиксируются лишь в некоторых словарях, что подчёркивает их контекстуально обусловленный характер.

Лексикографический анализ глагола *to bother*

Сема	CD	AD	MW	BW	LGE	OD	BD
1. Проявлять усилие, старание, утруждать себя (to make an effort / to take trouble to do something)	+	+	+	-	+	+	+
2. Досаждать, раздражать, причинять неудобство (to annoy, irritate, cause inconvenience)	+	+	+	+	+	+	+
3. Вызывать беспокойство, волнение, озабоченность (to cause worry, anxiety, or concern)	+	+	+	-	+	+	+
4. Вмешиваться, прерывать, нарушать покой (to intrude, interrupt, disturb someone's space)	-	-	+	-	+	+	+
5. Беспокоиться, заботиться, обращать внимание (to care about, pay attention to – often in neg. constructions)	-	-	-	-	+	-	-
6. (Междометие) Выражать раздражение, досаду (interjection: used to express annoyance – chiefly BrE)	-	-	-	-	-	-	+

Лексикографический анализ глагола *to disturb*

Прежде всего обратимся к происхождению слова: глагол *to disturb* этимологически восходит к старофранцузскому слову *destourber*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому термину *turbare*. На латыни *turbare* означает *приводить в беспорядок* или *нарушать спокойствие*. Само слово *turbare* связано с *turba*, что означает *суматоха* или *смятение*. Таким образом, этимология слова *disturb* отражает идею нарушения или расстройства состояния спокойствия, мира или порядка путём внесения суматохи или волнения. Это основное значение причинения беспокойства сохранилось в семантике слова на протяжении веков, делая его подходящим термином для описания действий, которые нарушают безмятежность или разрушают гармоничную ситуацию. (The verb *to disturb* has its etymological roots in the Old French word *destourber*, which can be traced back to the Latin term *turbare*. In Latin, *turbare* means *to throw into disorder* or *to disturb*. The word *turbare* itself is related to *turba*, meaning *tumult* or *commotion*. Therefore, the etymology of *disturb* reflects the idea of disrupting or unsettling a state of calm, peace, or order by introducing turmoil or commotion. This core notion of causing a disturbance has persisted in the

word's meaning over time, making it a fitting term to describe actions that interrupt tranquility or disrupt a harmonious situation) [BW]. Disturb *v.t.* (переходный глагол) – разъединять, раздвигать, разбрасывать (как толпу); приводить в беспорядок, смешивать; волновать, тревожить; прерывать: – *pr.p.* (причастие настоящего времени) *disturbing*; *pa.p.* (причастие прошедшего времени) *disturbed*. – *n.* (существительное) *disturb'er* (нарушитель, возмутитель спокойствия). От лат. *Dis* – врозь, раздельно, и *turbo* – волновать, приводить в смятение – от *turba* – толпа [CED].

Для описания семантической структуры глагола *to disturb* обратимся к данным лексикографических источников:

1) Значение «прерывать, мешать (кому-либо), вторгаться в чьё-либо пространство» представлена во всех лексикографических источниках (CD, AD, MW, BW, LGE, OD, BD). Значение глагола описывает действие, которое физически или вербально прерывает чью-либо деятельность (работу, сон, отдых), нарушает их покой или уединение. *Please, don't disturb your sister – she's trying to do her homework* (Ср. Пожалуйста, не мешай сестре – она пытается сделать домашнее задание).

2) Значение «вызывать беспокойство, волнение, расстраивать» (to cause worry, upset, or emotional distress) представлено в шести лексикографических источниках (CD, AD, MW, LGE, OD, BD). *His behavior disturbs me* (Ср. Его поведение тревожит меня).

3) Значение «физически перемещать, изменять положение / форму» (to move or change something from its usual position, arrangement, or shape) представлено в пяти лексикографических источниках (CD, AD, LGE, OD, BD). Это значение описывает физическое воздействие на объекты, приводящее к изменению их исходного или упорядоченного состояния. Речь может идти о предметах или установленном порядке. *Don't disturb papers on my desk* (Ср. Не трогай бумаги на моём столе).

4) Значение «нарушать порядок, нормальное состояние или функционирование» (to disturb the usual order, peace, or operation of something) отмечено в четырёх словарях (MW, BW, LGE, OD). Данный семантический компонент может относиться как к социальным процессам (нарушение общественного порядка), так и к работе механизмов, систем, природных явлений. *The construction work disturbed the delicate ecological balance of the area* (Ср. Строительные работы нарушили хрупкое экологическое равновесие региона).

5) Значение «причинять неудобство, нарушать комфорт или рутину» зафиксировано лишь в одном словаре (LGE) и представляет собой периферийное значение, близкое к первой семе, но с акцентом на дискомфорт, а не на прерывание деятельности как таковое. *I hope the noise isn't disturbing you* (Ср. Надеюсь, шум не доставляет вам неудобства). Результаты лексикографического анализа обобщены в таблице 3.

Таблица 3

Лексикографический анализ глагола to disturb

Сема	CD	AD	MW	BW	LGE	OD	BD
1. Прерывать деятельность / покой (to interrupt an activity or a person's peace)	+	+	+	+	-	+	+
2. Вызывать беспокойство, волнение, расстраивать (to cause worry, upset, or emotional distress)	+	+	+	-	+	+	+
3. Физически перемещать, изменять положение / форму (to move or change something from its usual position, arrangement, or shape)	+	+	-	-	+	+	+
4. Нарушать порядок, нормальное состояние или функционирование (to disturb the usual order, peace, or operation of something)	-	-	+	+	+	+	-
5. Причинять неудобство, нарушать комфорт или рутину (to cause inconvenience or disrupt comfort/routine)	-	-	-	-	+	-	-

Лексикографический анализ показывает, что семантика глагола *to disturb* обладает тремя основными значениями: 1) активное внешнее вмешательство, прерывающее процесс (to interrupt); 2) причинение психологического

дискомфорта (to worry, upset); 3) физическое изменение объекта (to move or change).

Лексикографический анализ глагола to concern

Первым пунктом анализа является этимология: глагол *to concern* этимологически происходит от латинского слова *concernere*, образованного от *con-* (означающего «вместе») и *cernere* (означающего *просеивать* или *отделять*). Эта этимология передаёт идею о том, что когда что-то *касается* нас, это заставляет нас *просеивать* или *отделять* свои мысли, сосредотачивая внимание на конкретном вопросе. Это подразумевает чувство беспокойства, интереса или тревоги, возникающее, когда мы пристально рассматриваем или уделяем особое внимание какой-либо теме. Таким образом, *to concern* сохраняет свою этимологическую связь с действием уделения внимания, а в современном употреблении он обозначает эмоциональную или интеллектуальную вовлечённость, которая возникает, когда мы рассматриваем вопрос, представляющий для нас интерес или значимость. (The verb *to concern* has its etymological origins in the Latin word «concernere», which is formed from «con-» meaning *together* and *cernere* meaning *to sift* or *to separate*. This etymology conveys the idea that when something *concerns* us, it causes us to sift through or separate our thoughts, focusing our attention on a particular matter. It implies a sense of worry, interest, or anxiety that arises when we closely examine or give special attention to a subject. Thus, the term *concern* maintains its etymological connection to the act of paying attention, and in its modern usage, it signifies the emotional or intellectual involvement that occurs when we consider a matter that is of interest or significance to us) [BW]. Concern *v.t.* (переходный глагол) – букв. смотреть на, взирать; принимать во внимание; относиться, принадлежать; касаться, затрагивать, иметь отношение к; интересоваться; вызывать беспокойство, тревожить: – *pr.p.* (причастие настоящего времени) *concerning*; *pa.p.* (причастие прошедшего времени) *concerned*. – *n.* (существительное) – то, что касается или принадлежит человеку; интерес; внимание, забота; беспокойство, тревога; дело,

предприятие или лица, связанные с ним. [От лат. *concerno*, из *con* – вместе, и *cerno* – просеивать, различать, видеть].

Словарные дефиниции глагола *to concern*:

1) Вызывать беспокойство, тревогу (*to cause worry, anxiety, distress*) – фиксируется во всех семи лексикографических источниках. В отличие от глагола *to disturb*, где аналогичное значение связано с нарушением покоя или вторжением, *concern* акцентирует именно когнитивный аспект переживания: субъект осознаёт проблему и испытывает тревогу по её поводу. *The state of my father's health concerns us greatly* (Ср. Состояние здоровья нашего отца вызывает у нас большую обеспокоенность).

2) Иметь отношение к чему-либо, быть связанным, затрагивать (*to relate, involve*) представлена в шести словарях (кроме BW). Это значение реализуется в конструкциях, где устанавливается связь между предметом речи (темой) и некоторым лицом, ситуацией или сферой интересов. *What I have to say to Amy doesn't concern you* (Ср. То, что я должен сказать Эми, тебя не касается).

3) Значение «быть важным / интересным для кого-либо, влиять на кого-либо» (*to be of importance / interest to someone*) – зафиксировано в пяти словарях (CD, AD, MW, OD, BD). Данный семантический компонент акцентирует оценочный компонент: предмет не просто имеет отношение к субъекту, но значим для него, влияет на его положение, интересы или решения. В русском языке данное значение часто передаётся конструкциями *касаться, иметь значение для, волновать* (в смысле «быть важным»). *This is an issue that should concern everyone* (Ср. Это проблема, которая должна волновать всех и каждого).

4) Занимать (внимание, мысли), интересоваться (*to engage, occupy, take an interest in*) (MW, OD). Данный семантический компонент описывает активную направленность внимания субъекта на некоторый объект или тему. *He didn't concern himself with the details* (Ср. Он не вдавался в подробности). Данные, полученные в ходе анализа словарных дефиниций, систематизированы в таблице 4.

Лексикографический анализ глагола *to concern*

Сема	CD	AD	MW	BW	LGE	OD	BD
1. Вызывать беспокойство, тревогу (to cause worry, anxiety, distress)	+	+	+	+	+	+	+
2. Иметь отношение к чему-либо, быть связанным, затрагивать (to relate, involve)	+	+	+	-	+	+	+
3. Быть важным / интересным для кого-либо, влиять на кого-либо (to be of importance / interest to someone)	+	+	+	-	-	+	+
4. Занимать (внимание, мысли), интересоваться (to engage, occupy, take an interest in)	-	-	+	-	-	+	-

На основе лексикографического анализа можно заключить, что глагол *to concern* обладает уникальной двойственной семантикой, сочетающей в себе два основных компонента: вызывание эмоционального беспокойства (to cause worry) и указание на объективную связь или значимость (to relate to, to involve).

Лексикографический анализ глагола *to trouble*

Происхождение глагола *to trouble*: существительное *trouble* берёт своё этимологическое начало от старофранцузского слова *trouble*, которое произошло от латинского термина *turbulus*. Этот латинский термин, в свою очередь, образован от *turba*, означающей «смятение» или «бурное волнение». Со временем *trouble* стало обозначать состояние или положение бедствия, трудности или невзгоды. Эта эволюция отражает то, как концепция *беспокойства* (*trouble*) стала ассоциироваться с нарушениями и потрясениями, которые порождают трудности и тягостные обстоятельства, воплощая современное значение невзгод или затруднений. (The noun *trouble* finds its etymological roots in the Old French word «trouble», which evolved from the Latin term *turbulus*. This Latin word is derived from *turba*, meaning a disturbance or tumultuous commotion. Over time, *trouble* came to signify a state or condition of distress, difficulty, or adversity. This evolution reflects how the concept of trouble has been associated with disturbances and disruptions that bring about challenges and distressing circumstances, encapsulating its modern meaning of adversity or

difficulty) [BW]. Trouble *v.t.* (переходный глагол) – приводить в состояние тесноты, скопления, замешательства; волновать, возбуждать; беспокоить, тревожить; досаждать, надоедать: – *pr.p.* (причастие настоящего времени) *troubling*; *pa.p.* (причастие прошедшего времени) *troubled*. – *n.* (существительное) – беспокойство, волнение; страдание, несчастье; тревога, озабоченность; то, что беспокоит или причиняет страдания. – *n.* (существительное) *troubler* (возмутитель спокойствия, источник беспокойства). От фр. *troubler*, старофр. *tourbler* – от лат. *turbula*, уменьшительной формы от *turba* – толпа, смятение.

Словарные дефиниции глагола *to trouble*:

1) Вызывать беспокойство, душевное волнение (to cause mental worry, anxiety, or emotional upset) представлена в шести словарях (кроме BW). Эта сема характеризует состояние внутреннего эмоционального дискомфорта, вызванного некоторыми обстоятельствами, поведением другого лица или неопределённой ситуацией. В отличие от глагола *concern*, где акцент делается на когнитивной озабоченности, *trouble* в данном значении передаёт более интенсивное, часто мучительное переживание, близкое состоянию душевного смятения. *I asked her what was troubling her, but she didn't want to talk* (Ср. Я спросил, что её беспокоит, но она не захотела говорить).

2) Создавать проблемы, трудности, неудобства (to cause problems, difficulties, or inconvenience) (CD, AD, LGE). *He has been troubled by a knee injury for most of the season* (Ср. Он мучался из-за травмы колена почти весь сезон).

3) Значение «требовать или причинять небольшие хлопоты, прилагать усилие» (to cause a small amount of effort, to make an effort) представлено в пяти словарях (CD, AD, MW, LGE, OD). Данный семантический компонент реализуется в двух аспектах: с одной стороны, субъект может причинять незначительное беспокойство другому лицу (обычно в вежливой просьбе), с другой – сам субъект может прилагать усилие для совершения действия (часто

в отрицательных конструкциях). Данное значение является особенностью глагола *trouble*, отличающей его от рассмотренных ранее *worry*, *disturb* и *concern*. *Could I trouble you to open that window? He didn't trouble to apologize* (Ср. Не потревожу ли я вас, попросив открыть то окно? Я не могу до него дотянуться).

4) Вызывать физическую боль или дискомфорт (to cause physical pain or discomfort) (LGE, OD, BD). Это значение актуализируется в контекстах, связанных с заболеваниями, травмами или физическими недомоганиями. *My back has been troubling me again* (Ср. Спина снова меня беспокоит).

5) Беспокоить (прерывать с вопросом или просьбой) (to interrupt or disturb someone, e.g. with a request) (OD, BD). Это значение близко к третьей семе, но акцентирует именно акт обращения к другому лицу, которое может быть воспринято как вторжение или нарушение его покоя. В русском языке данному значению соответствуют конструкции *простите за беспокойство, не хочу вас беспокоить*. *I don't mean to trouble you, but I have a question* (Ср. Я не хочу вас беспокоить, но у меня есть вопрос). Результаты лексикографического анализа обобщены в таблице 5.

Таблица 5

Лексикографический анализ глагола *to trouble*

Сема	CD	AD	MW	BW	LGE	OD	BD
1. Вызывать беспокойство, душевное волнение (to cause mental worry, anxiety, or emotional upset)	+	+	+	-	+	+	+
2. Создавать проблемы, трудности, неудобства (to cause problems, difficulties, or inconvenience)	+	+	-	-	+	-	-
3. Требовать или причинять небольшие хлопоты (to cause a small amount of effort)	+	+	+	-	+	+	+
4. Вызывать физическую боль или дискомфорт (to cause physical pain or discomfort)	-	-	-	-	+	+	+
5. Беспокоить (прерывать с вопросом или просьбой) (to interrupt or disturb someone, e.g. with a request)	-	-	-	-	-	+	+

Основная характеристика глагола *to trouble* – его семантическая широта, простирающаяся от создания объективных трудностей и причинения

физического ущерба до указания на незначительные хлопоты. Отличительной чертой является сочетание в его значении компонентов физического воздействия, эмоционального отклика и концепта вынужденного действия.

Лексикографический анализ глагола to alarm

1) Значение «вызывать беспокойство, тревогу, страх» (to cause worry, anxiety, or fear) представлено в шести словарях (кроме BW). Данный семантический компонент характеризует эмоциональное состояние, вызванное осознанием опасности или угрозы. В отличие от глагольной лексемы *to worry*, которое предполагает длительное беспокойство, *to alarm* акцентирует именно внезапность и остроту переживания, близкую к испугу. Словари CD, AD, LGE прямо указывают на связь со страхом (frightened, scared), что подчёркивает более высокую интенсивность эмоции по сравнению с беспокойством. *The rapid spread of the disease has alarmed many people* (Ср. Быстрое распространение болезни встревожило многих людей).

2) Предупреждать об опасности, извещать (to warn someone of danger; to alert) (MW, LGE). Это значение отражает исходную семантику слова *to alarm* (от итал. all'arme – «к оружию!»), связанную с сигналом опасности. Здесь глагол обозначает не столько эмоциональную реакцию, сколько коммуникативный акт предупреждения. Данный семантический компонент сохраняется в современном языке, но часто реализуется в контекстах, где предупреждение имеет официальный или экстренный характер. *The emergency broadcast alarmed the residents to evacuate* (Ср. Сигнал тревоги призвал жителей к немедленной эвакуации).

3) Оборудовать сигнализацией, системой оповещения (to equip with an alarm) (MW, LGE, OD). *The store owner decided to alarm the shop to prevent theft* (Ср. Владелец магазина решил поставить сигнализацию, чтобы предотвратить кражи).

4) (Устар., книжн.) Значение «возбуждать, тревожить, нарушать покой» (to disturb, excite) отмечена только в словаре MW и сопровождается пометой,

указывающей на устаревший или книжный характер. *The sentry's cry alarmed the sleeping camp, and soldiers rushed to their posts* (Ср. Крик часового всполошил спящий лагерь, и солдаты бросились к своим постам). Данные, полученные в ходе словарных дефиниций, систематизированы в таблице 6.

Таблица 6

Лексикографический анализ глагола to alarm

Сема	CD	AD	MW	BW	LGE	OD	BD
1. Вызывать беспокойство, тревогу, страх (to cause worry, anxiety, or fear)	+	+	+	-	+	+	+
2. Предупреждать об опасности, извещать (to warn someone of danger; to alert)	-	-	+	-	+	-	-
3. Оборудовать сигнализацией, системой оповещения (to equip with an alarm)	-	-	+	-	+	+	-
4. (Устар. книж.) Возбуждать, тревожить, нарушать покой (to disturb, excite)	-	-	+	-	-	-	-

Отличительной чертой является способность лексемы совмещать в своей структуре значение экстренного предупреждения об опасности и доминирующее в современном языке указание на внезапное, острое эмоциональное состояние испуга, которое по интенсивности превосходит простое беспокойство.

Заключение

Проведённый лексикографический анализ шести эмотивно-каузативных глаголов – *to worry, to bother, to disturb, to concern, to trouble, to alarm* – позволяет представить их семантические особенности и оценить потенциал каждой глагольной лексемы для передачи значений русского глагола *тревожить*. Несмотря на наличие общего компонента «причинение беспокойства», каждая глагольная лексема актуализирует особый компонент данного процесса. Глагол *to worry* актуализирует внутреннее переживание тревоги о возможных негативных событиях; глагол *to bother* – причинении досады или неудобства и имплицитно приложение усилий; глагольная лексема *to disturb* обозначает активное внешнее вмешательство, прерывающее деятельность, нарушающее покой или порядок и лишь вследствие этого

вызывающее беспокойство. Особое место занимает глагол *to concern*, чья двойственная семантика – «вызывать беспокойство» и «иметь отношение, быть важным» – наиболее полно соответствует полисемантической природе русского глагола *тревожить*, который также может выражать не только негативную эмоцию, но и позитивную вовлечённость. Глагол *to trouble* выделяется широтой семантического спектра, охватывая как объективные трудности, так и хлопоты или душевное волнение. Глагольная лексема *to alarm* имеет наивысшую степень интенсивности, указывая на внезапный испуг или предупреждение о непосредственной опасности. Каждый из рассмотренных глаголов обладает уникальным семантическим профилем, что позволяет осуществлять выбор адекватного переводческого соответствия с учётом конкретной ситуации межличностной коммуникации.

Список литературы:

1. Better Words. URL: <https://www.betterwordsonline.com/dictionary/worry> (дата обращения: 03.01.2026).
2. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/worry> (дата обращения: 02.01.2026).
3. James Donald. Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. W. & R. Chambers London and Edinburgh. 1874, 612 p.
4. LanGeekEnglish. URL: <https://dictionary.langeek.co/en/word/206538?entry=worry> (дата обращения: 03.01.2026).
5. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/worry> (дата обращения: 03.01.2026).
6. Oxford Dictionary URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/worry_1?q=Worry (дата обращения: 17.01.2026).

7. The Britannica Dictionary URL:
<https://www.britannica.com/dictionary/worry> (дата обращения: 17.01.2026).

References:

1. Better Words. URL:
<https://www.betterwordsonline.com/dictionary/worry> (дата обращения: 03.01.2026).

2. Cambridge Dictionary. URL:
<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/worry> (дата обращения: 02.01.2026).

3. James Donald. Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. W. & R. Chambers London and Edinburgh. 1874, 612 p.

4. LanGeekEnglish. URL:
<https://dictionary.langeek.co/en/word/206538?entry=worry> (дата обращения: 03.01.2026).

5. Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/worry> (дата обращения: 03.01.2026).

6. Oxford Dictionary URL:
https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/worry_1?q=Worry (дата обращения: 17.01.2026).

7. The Britannica Dictionary URL:
<https://www.britannica.com/dictionary/worry> (дата обращения: 17.01.2026).

Информация об авторах:

Е. В. Малахова – аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the authors:

E. V. Malakhova – postgraduate student, Perm State National Research University

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Perm State National Research University

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 09.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-11

ЭМОТИВНАЯ КАУЗАТИВНОСТЬ: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Елизавета Вадимовна Малахова¹, Светлана Викторовна Шустова^{2✉},
Надежда Павловна Сюткина³

^{1, 2, 3} Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

¹lisaveeet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

³nad975@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу фразеологических средств актуализации каузации эмоциональной модификации в русском языке. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов взаимодействия функционально-семантических категорий каузативности и эмотивности на фразеологическом уровне, а также возрастающим интересом современной лингвистики к проблемам языкового моделирования эмоциональных состояний и способов речевого воздействия. Объектом исследования выступают фразеологические единицы русского языка, в семантике которых интегрированы семы каузативности и эмотивности. Предметом анализа является их функционально-прагматический потенциал и способы актуализации категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации в дискурсе. Материалом для исследования послужили данные фразеологических словарей и Национального корпуса русского языка; методом сплошной выборки отобрано 100 фразеологических единиц, включая

междометные фразеологизмы. В ходе исследования установлено, что фразеологические каузативы представляют собой единицы, формирующие эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический комплекс. Выявлена контекстуальная полифункциональность фразеологизмов: одна единица способна актуализировать различные семантические оттенки в зависимости от интенции говорящего. Проведённый анализ позволил классифицировать отобранный материал по семантическим группам: каузация положительных эмоций, каузация отрицательных эмоций (совет, угроза, побуждение к действию, предупреждение, успокоение, упрёк, оскорбление, одобрение, восхищение, досада). Подтверждено количественное преобладание единиц, актуализирующих отрицательную эмоциональную каузацию. Особое внимание уделено прагматическому потенциалу фразеологических каузативов, которые функционируют не только как средства номинации эмоциональных процессов, но и как инструменты речевого воздействия, реализующие различные коммуникативные стратегии. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории эмотивности и каузативности.

Ключевые слова: каузативность, эмотивность, эмотивные каузативы, фразеология, каузация эмоциональной модификации, речевое воздействие, функционально-семантическая категория, русский язык

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В., Сюткина Н. П. Эмотивная каузативность: фразеологический аспект // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 30–48.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81-11

EMOTIVE CAUSATIVITY: A PHRASEOLOGICAL PERSPECTIVE

Elizaveta V. Malakhova¹, Svetlana V. Shustova^{2✉}, Nadezhda P. Syutkina³

Perm State University, Perm, Russia

¹lisaveet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

³nad975@yandex.ru

Abstract. The study focuses on the analysis of phraseological means of actualizing the causation of emotional modification in the Russian language. The relevance of the work is determined by the need to study the mechanisms of interaction between the functional-semantic categories of causativity and emotivity at the phraseological level, as well as the growing interest of modern linguistics in the problems of linguistic modeling of emotional states and methods of speech influence. The object of the study is phraseological units of the Russian language, the semantics of which integrate the semes of causativity and emotivity. The subject of the analysis is their functional-pragmatic potential and the ways of actualizing the categorical situation of causing emotional modification in discourse. The research material includes data from phraseological dictionaries and the Russian National Corpus; 100 phraseological units, including interjectional phraseological units, were selected by continuous sampling. The study found that phraseological causatives are units that form an emotive-expressive-causative categorical semantic complex. The contextual polyfunctionality of phraseological units is revealed: one unit is capable of actualizing various semantic nuances depending on the speaker's intention. The

analysis made it possible to classify the selected material into semantic groups: causation of positive emotions, causation of negative emotions (advice, threat, inducement to action, warning, reassurance, reproach, insult, approval, admiration, annoyance). The quantitative predominance of units actualizing negative emotional causation was confirmed. Special attention is paid to the pragmatic potential of phraseological causatives, which function not only as means of nominating emotional processes but also as instruments of speech influence, implementing various communicative strategies. The results obtained contribute to the development of the theory of emotivity and causativity.

Keywords: causativity, emotivity, emotive causatives, phraseology, causation of emotional modification, speech influence, functional-semantic category, Russian language

For citation: Malakhova E. V., Shustova S. V., Syutkina N. P. Emotive causativity: a phraseological perspective // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 30–48. (In Russ.).

Введение

Причинно-следственные отношения имеют универсальный характер, поскольку в мире не существует явлений, которые не имели бы своих причин, равно как и явлений, не порождающих тех или иных следствий. Этот фундаментальный принцип организации бытия находит своё отражение в языке, где каузация выступает как актуализация причинно-следственных связей посредством различных языковых средств. Выражение причинно-следственных отношений в языке далеко не всегда осуществляется прямыми и очевидными средствами. На эту особенность одним из первых указал Ш. Балли: «Причинение по способу согласования отвечает формуле: сделать так, чтобы А стало В, а причинение по способу управления: сделать так, чтобы А стало у В. Необычность этих оборотов свидетельствует о том, что язык для выражения

отношений причинения чаще всего употребляет скрытые приёмы» [2, с. 124–125].

Соединение категорий каузативности и эмотивности формирует класс глаголов эмоционального воздействия, передающих идею психического влияния на внутренний мир человека. Н. К. Онипенко определяет их как каузативные эмотивы, в семантике которых заложена связь двух событий: существования некоего стимула и возникающего вследствие его восприятия эмоционального состояния: «Некто (Некто) своим бытием, действием или состоянием влияет на эмоциональное состояние человека, то есть, будучи воспринятым и осознанным человеком, данное положение дел становится причиной появления его эмоций, в результате чего человек находится в определённом состоянии, испытывает определённые чувства» [7].

Исследование сосредоточено на том, как в языке моделируются изменения эмоционально-психологического состояния человека, вызванные действием другого лица. Основным средством репрезентации данной семантики служат эмотивные каузативы – лексические и фразеологические единицы, в которых интегрированы семы каузативности и эмотивности. Предметом исследования избраны фразеологические единицы, в которых каузация эмоционального состояния получает не только языковое, но и культурно-обусловленное выражение, благодаря образной внутренней форме и устойчивости воспроизведения. Различные аспекты функционирования эмотивных каузативов получили освещение в ряде исследований [6; 9; 12; 13; 17].

Каузативность представляет собой функционально-семантическую категорию, содержанием которой является побуждение к какому-либо действию либо к смене состояния. Сфера актуализации включает различные типы воздействия на объект каузации. В зависимости от характера воздействия выделяются следующие типы модификаций: физическая (каузация передвижения, изменения качества, свойства), перцептивная (каузация

обонятельных, осязательных, слуховых, вкусовых и зрительных ощущений), информативная (отказ, повеление, просьба), а также модификация психической сферы, в рамках которой можно выделить аксиологически отрицательные состояния (ярость, ненависть, злоба) и аксиологически положительные состояния (радость, восторг, счастье) [16, с. 100–102].

Как отмечает К. Э. Изард, существует десять базовых эмоций, свойственных всем людям и одинаково проявляющихся у представителей разных национальностей: гнев, презрение, отвращение, горе, страх, вина, интерес, радость, стыд, удивление [3]. В лингвистике эмотивность выделяется как самостоятельная функционально-семантическая категория. По определению С. В. Коростовой, это «одна из коммуникативных категорий языка, важный компонент его прагматики, так как она отражает субъективные смыслы и отношения говорящих» [4, с. 89]. Л. Г. Бабенко трактует эмотивность как категорию, которая «охватывает все языковые, в том числе и лексические средства отображения эмоций» [там же, с. 15]. В. И. Шаховский, опираясь на концепцию функциональной грамматики А. В. Бондарко, обосновывает принадлежность эмотивности к числу функционально-семантических категорий. Описание в направлении от семантики к средствам её выражения базируется на семантическом единстве (эмотивность) при разнообразии форм репрезентации, задаваемом различием языковых уровней [15, с. 112–113]. Как подчёркивает исследователь, «эмотивность, несомненно, является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем её признакам: общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов (эмотивность, как установлено, имеет формальное выражение на всех «этажах» языка – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение – центр – периферия и пр.» [там же]. Таким образом, вербальные средства выражения эмотивности образуют

систему разноуровневых элементов, объединённых общей семантической функцией, в семантике которых присутствует эмотивный компонент.

Н. П. Сюткина, исследуя категориальные семантические комплексы, отмечает, что «эмотивные каузативы представляют собой синкретичные лексемы, которые объединяют в себе два значения – сему каузативности и сему эмотивности». В связи с этим исследователь говорит о категориальном семантическом комплексе как о ситуации, в которой «семантический потенциал языковой единицы связан с реализацией двух и более категориальных ситуаций», что позволяет рассматривать данное явление в рамках межкатегориального взаимодействия в семантических комплексах [10, с. 26; 8, 11].

Таким образом, эмотивные каузативы выступают ярким примером синтеза двух функционально-семантических категорий – каузативности и эмотивности – в пределах одной языковой единицы (рис. 1).

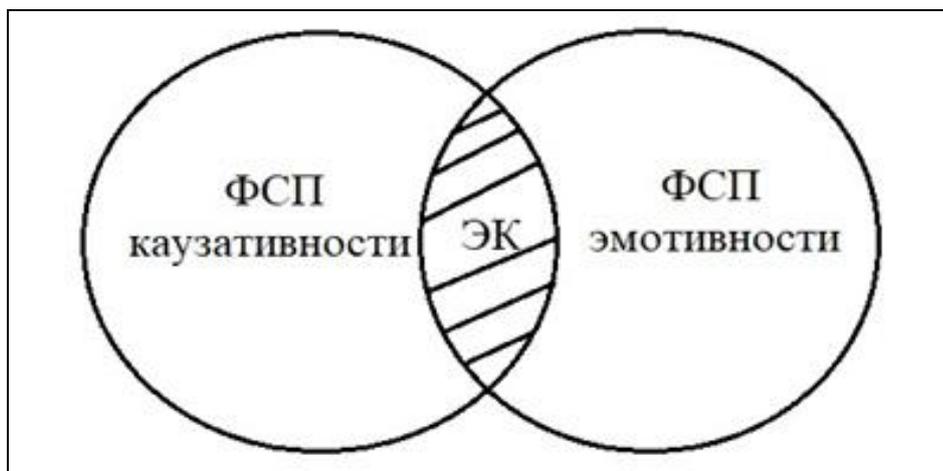

Рис. 1. Межкатегориальное взаимодействие ФСП каузативности и ФСП эмотивности
(ЭК – эмотивные каузативы)

Исследовательские результаты и их интерпретация

Материалом для исследования послужили фразеологические словари русского языка [5; 14]. Методом сплошной выборки было отобрано 100 фразеологических единиц (включая междометные фразеологизмы), семантика которых содержит семы каузативности и эмотивности, что позволяет

рассматривать их как единицы, актуализирующие категориальную ситуацию каузации эмоциональной модификации. Поскольку фразеологизмы обладают экспрессивным потенциалом, правомерно говорить об эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе. Семантический анализ отобранных единиц, дополненный контекстуальным анализом на материале данных Национального корпуса русского языка, позволил определить их функционально-прагматический потенциал и предложить классификацию исследуемых фразеологических и междометных фразеологических единиц.

Стоит отметить, что один и тот же фразеологизм может быть отнесён сразу к нескольким семантическим группам в зависимости от контекстуальной реализации его значения. Рассмотрим это на примере фразеологизма **болеть душой / сердцем** в значении «сильно переживать, беспокоиться о ком-то или о чём-то».

Опасение нежелательных событий – фразеологизм часто употребляется для выражения страха, тревоги перед возможными негативными последствиями: *Она болеет душой за сына, уехавшего на войну* (И. Меттер. Пятый угол (1967)).

Одобрение – в контексте характеристики человека, который равнодушен, предан делу, его отношение оценивается положительно: *Как ласково и безотказно ухаживает за внучатами, жертвуя сном и отдыхом, как старается порадовать Ольгу какой-нибудь кофточкой, воротничком, как мягко относится к папе, причинившему ей столько страданий, как увлечённо и любовно работает в школе и болеет душой за каждого отстающего ученика!* (Н. С. Покровская. Дневник русской женщины (1932)).

Успокоение – в форме императива данный фразеологизм используется как совет успокоиться или призыв не тревожиться: *Теперь, Паша, не беспокойся, – твердил добрый Митяй, – не болей душой* (Павел Сиркес. Труба исхода (1990–1999)).

Один фразеологизм способен актуализировать различные семантические оттенки в зависимости от интенции говорящего и контекста употребления. Анализ эмоционального компонента фразеологических единиц позволяет разделить их на две основные группы: репрезентирующие положительные и отрицательные эмоции. Примечательно, что последняя группа является значительно более многочисленной. Как отмечает Ю. Д. Апресян, это объясняется тем, что «правильное поведение не замечается, замечаются почти исключительно отклонения от нормы» [1, с. 41].

Каузация **положительных эмоций**: *брать за душу; брать (взять) за сердце; в добрый путь; в добрый час; входить в сердце; гладить по головке; давать волю сердцу; дай Бог!; задеть за живое; изливать душу; открывать глаза; открывать душу (сердце); петь дифирамбы (петь осанну); принимать близко к сердцу*. Приведём примеры функционирования таких единиц:

(1) *Я не принадлежу к неумеренным восторгателям (не нашёл другого слова), готовым **петь дифирамбы** каждому красивому пейзажу. (Инна Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013).*

(2) *И все, что нам остается, – как персонажу пьесы «На дне» Луке, **гладить по головке** своих учеников и убеждать их, что всё будет хорошо. (Дарья Золотухина. Как ссорились чиновники с учителями // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011).*

(3) *Сядем правильно сейчас, Пожелаем всем удачи, За работу, **в добрый час!** (Е. А. Денисова. Открытый урок в 1 А классе по теме «Осень» (2020–2021)).*

Каузация **отрицательных эмоций**: *бередить рану, болеть душой (сердцем); брать (взять) верх; брать (взять) за душу; брать (взять) за сердце; брать (взять) измором; брать (взять) на буксир; брать на испуг; бросать в краску; бросать (кидать) грязью в кого-либо; бросать камень в огород; бросать тень на кого-либо; бросить в холодный пот кого-либо; будь он (ты) проклят; держать в ежовых рукавицах; вгонять в гроб; вгонять в пот; врёт,*

как сивый мерин; всадить нож в сердце; выбивать из седла; выводить из себя; вытрепать нервы; доводить до белого каления; доводить до ручки; жужжать в уши; заговаривать зубы; из под палки; как нож в сердце; открыть глаза; переполнять чашу терпения; плевать в душу; плясать под дудку; принимать близко к сердцу; принимать на свой счёт; прописать ижицу; тянуть за язык.

(4) *Может, хватит? Чего **бередить рану**? Я забыла всё, забыла*. (Е. П. Касимов. *Кактус по имени Коля* // «Уральская новь», 2004).

(5) *Он-то сам знает, что не тронул бы его Федька, сумеи он спрятать свою радость, да и своё ехидство по поводу его бессилия, нехорошо **выводить из себя** человека, а теперь вот и думай, что делать, подобру-поздорову не отвяжется, вошел во вкус*. (П. Л. Проскурин. *Судьба. Книга вторая. Не отринь* (1993)).

(6) *Всё это меня раздражало, нервировало, бесило и доводило **до белого каления** – но ни в коей мере не удивляло*. (Андрей Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир», 2001).

Совет: *В добрый путь! В добрый час! Куй железо пока горячо! Побойся бога! Заруби себе на носу! Возьми себя в руки! Не опускай руки! Не принимай близко к сердцу! Не делай из мухи слона! Выше голову! Семь раз отмерь – один раз отрежь! Тише едешь – дальше будешь! Не руби с плеча! Яйца курицу не учат! Утро вечера мудренее; Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! Бережённому Бог бережёт; Не лезь поперёк батьки в пекло! Меньше знаешь – крепче спишь; Поживём – увидим; Не делай трагедии! Первый блин комом.*

(7) *Ну, старины, времени терять нам не приходится... – сказал Степан. **Куй железо, пока горячо**, как говорится... Мы и то маху дали, что вышли в поход поздненько*. (И. Ф. Наживин. *Степан Разин (Козаки)* (1928)).

(8) *Скромность и собаку украшает – **заруби себе на носу!*** (Гульчера Быкова. *Лорд и хозяйственное мыло* // «Дальний Восток», 2019).

(9) *Не буду забегать вперёд. **Тише едешь – дальше будешь!** Хоть дни и вертелись, как сумасшедшие, я буду вам о них рассказывать не спеша, постепенно всё и узнаете. (Ю. И. Коринец. Привет от Вернера (1972)).*

Угроза: *Будь ты проклят! Вгонять в гроб; из-под палки; прописать ижицу; показать, где раки зимуют!; узнать, почём фунт лиха; всыпать по первое число; спустить шкуру; вывести на чистую воду; припереть к стенке; Ты у меня дождёшься! Глаза б мои тебя не видели! Чтоб духу твоего здесь не было! Попадись только мне!*

(10) *Вот придёт мать, она тебе покажет, где раки зимуют!» (Виль Липатов. И это всё о нём (1984)).*

(11) *Директриса сказала: «Забирай вещи и домой, **чтоб духу твоего здесь не было**». (Сергей Чесноков, Геннадий Батыгин. Мне интересен человек как человек... // «Знание – сила», 2003).*

(12) *Я бежал за ним, крепко сжимая в руке свой кастет. Держи его! – крикнул я на ходу трём агентам, оставшимся на страже. Они побежали ему наперерез, но Сашка мелькнул мимо них, бросился в речку и переплыл на другую сторону. **Попадись только мне!** – раздалась с того берега его угроза, и он исчез. (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц (1889)).*

Побуждение к действию: *В добрый путь! Ближе к делу! Выводить из себя; Давно бы так! Дай бог! Не опускать руки; взять быка за рога; Куй железо, пока горячо! Не откладывай в долгий ящик! Не жди у моря погоды! Не витай в облаках!*

(13) *Юлий Платонович, вы опять отвлеклись! – сварливо воскликнула дама в первом ряду. **Вы ближе к делу...** Да-да, прошу прощения! – спохватился Истомин. (Татьяна Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)).*

(14) *Во-первых, им как будто не знакомо уныние. Они не привыкли жаловаться, стонать. Сетовать на то, что к ним несправедлива судьба. Что все против них. Нет, только **не опускать руки!** Не раскисать! (Олег Губин. Победить! // «Знание – сила», 2009).*

(15) *Сейчас ты зайдешь к Ефиму, и пусть при тебе напишет объявление, что на выходной день назначается воскресник по благоустройству двора. Детали наметим потом, а сейчас **не откладывай в долгий ящик.*** (Аркадий Львов. *Двор* (1981)).

Предупреждение: *Даже не думай! С ума сошел? Заговаривать зубы; жуужжать в уши; открывать глаза; переполнять чашу терпения; держать ухо остро; смотри в оба! до добра не доведёт.*

(16) *И тут ещё война с французами, опасно ехать через французские земли. Не отпущу, **даже не думай!*** (Игорь Сахновский. *Заговор ангелов* (2009)).

(17) *Мама одна воспитывала сына, жила всегда скромно, цену деньгам знает. Когда однажды Илья позвонил ей из Питера и начал нахваливать модель авто за пять тысяч рублей, Татьяна Андреевна за голову схватилась: «Ты с ума сошёл, Илюша! Это же почти моя пенсия!». (Елена Зиминова. *Автопарк на столе* (24.11.2012) // «Новгородские ведомости», 2012).*

(18) *Студенты не любили эти предметы и насильников-педагогов. Кто-то сочинил гениальную шутку, будто Пудов и Козодоев принимают экзамен вместе. Пудов говорит одноглазому коллеге: Я сейчас отлучусь, а ты тут **смотри в оба.** На что Козодоев отвечает одноногому Пудову: Ладно. Только ты быстро – одна нога здесь, другая там. (Эльдар Рязанов. *Подведённые итоги* (2000)).*

Успокоение: *Всё образуется! Не принимай близко к сердцу! Не делай из мухи слона! **Всё перемелется – мука будет; Не вешай нос! Возьми себя в руки! Не накручивай себя! Всё устаканится!***

(19) *Ничего, ничего, **все образуется!** – И в эту минуту ему действительно стало казаться, что **всё образуется.*** (Ю. О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей, часть 3* (1978)).

(20) *Гришаня ласково улыбался, но глаза его были тревожными, словно бы спрашивали: если не то сболтнул, так **не принимай близко к сердцу.*** (Владимир Личутин. *Любостай* (1987)).

(21) Попов хотел свернуть тему, но я попросил не ходить вокруг да около – Рубашкин своими алармистскими звонками придал конфликту публичный характер, а скрытыми цитированиями моих статей он показывает, что будет и дальше раздувать **из мухи слона**. (Д. Н. Каралис. Дневник (2006)).

Упрёк: берeditь рану; бросать камень в огород; бросать тень на кого-либо; заговаривать зубы; жуужжать в уши; плясать под дудку; Как тебе не стыдно! Имей совесть! В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

(22) Когда тётка просила что-то сделать, Люся делала вид, что не слышит. Люся, **имей совесть**, – просил дядя Женя. Ты же девушка, будущая женщина, мать. (Маша Трауб. Приживалка (2009)).

(23) Я не очень доволен ходом работ и, главное, системой работ: бестолково, безграмотно – даже русские иногда работают лучше, но **в чужой монастырь со своим уставом не ходят**, и я со своими предложениями не лезу. (И. Г. Грицкат-Радулович. На зарубежной родине (1950–2009)).

Оскорбление: бросать (кидать) грязью в кого-либо; Дырявая голова! Ветер в голове! Язык без костей! Кишка тонка! Скатертью дорога!

(24) Ты чего мелешь, **язык без костей**, глаза бесстыжие! – возмутилась Вера Семеновна. (Марианна Баконина. Школа двойников (2000)).

(25) Я-то мог бы окунаться и дважды в день, а вот у тебя **кишка тонка**, – сказал Баев, всё ещё мокрый, голосом победителя-олимпийщика. (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)).

Одобрение: Давно бы так! Не опускай руки! Дай бог! Не делай трагедии! Первый блин комом! В добрый путь! В добрый час! Золотые слова! Так держать! Моя школа!

(26) Помирились, девочки? **Давно бы так**. Мирись, мирись, мирись и больше не дерись. (Юлия Зайцева. Бумажный солдат // «Октябрь», 2013).

(27) Правильно жена советовала: зацепись где-нибудь, делай что-нибудь, а потом тебя повысят и переведут на другую, хорошую работу...

Золотые слова! Золото, конечно, не нашли. (Лешек Марута. Натюрморт с усами. Юморески разных лет (2003) // «Вестник США», 01.10.2003).

(28) Репетируешь речь в Вольфсоне? Правильно, **так держать!** Я тоже всегда репетирую речи, хочу стать таким оратором, как Черчилль. (М. К. Кантор. В ту сторону (2009)).

Восхищение: *взять верх; брать (взять) за душу; брать (взять) за сердце; входить в сердце; Подумать только! Вот это да!*

(29) Если он не чувствует, что такое трагизм мысли... а ведь даже из наших великих мало-мало кто понимал, с чем эту штуку кушают! Достоевский – **вот это да!** Этот понимал! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)).

(30) Стрелок поёт «Мурку», приятный баритон. **Берёт за сердце.** Бессонная ночь сказывается, клонит ко сну. (И. П. Чистяков. Дневник (1935)).

Досада: *Увы и ах! Везёт как утопленнику! Хоть головой об стену бейся!*

(31) Сначала я очень хотела просто дружить с тобой, общаться, ты мне был очень интересен, но **увы и ах...** (Нелли К.. Дневник (1986)).

(32) У Лильки была младшая сестра Астра, которая попала потом в руки оскорблённой Лилькой литераторши, и бедной девочке мало не показалось. Выше тройки она не зарабатывала никогда, **хоть головой об стену бейся.** (Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)).

Заключение

Проведённый анализ подтверждает, что фразеологические единицы являются одним из наиболее репрезентативных средств актуализации категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации. Являясь результатом взаимодействия функционально-семантических полей каузативности и эмотивности, данные единицы формируют особый категориальный семантический комплекс, в котором семантика психического воздействия неразрывно связана с его эмоциональным результатом.

Фразеологизмы, актуализирующие отрицательные эмоции количественно преобладают над единицами, репрезентирующими положительные эмоции. Фразеологические каузативы отличает высокий прагматический потенциал. В речи они функционируют как инструменты речевого воздействия, реализуя стратегии угрозы, успокоения, упрёка, совета или восхищения. Особую группу составляют междометные фразеологизмы, которые напрямую моделируют эмоциональное состояние собеседника.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
3. Изард К. Э. Эмоции человека. М.: Изд-во «Московский государственный университет», 1980. 439 с.
4. Коростова С. В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-kak-funktsionalno-semanticheskaya-kategoriya-k-voprosu-o-terminologii> (дата обращения: 31.10.2023).
5. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 512 с.
6. Лю Шушуй. Категория эмотивности в философии и функциональной грамматике: междисциплинарный анализ // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 23–30.
7. Онипенко Н. К. Каузативные эмотивы. URL: https://www.lexrus.ru/inout/18_012-00263/18-012-00263_O01-19.pdf (Дата обращения: 22.02.2026).

8. Сюткина Н. П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-emotivnyh-kauzativov-s-pozitsiy-funktsionalnogo-podhoda> (дата обращения: 18.10.2021).
9. Сюткина Н. П. Эмотивная валентность: синтагматика и парадигматика // Евразийский гуманитарный журнал 2024. № 4. С. 37–42.
10. Сюткина Н. П. Эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivno-intensivno-kauzativnyy-kategorialnyy-semanticheskiy-kompleks> (дата обращения: 04.12.2023).
11. Сюткина Н. П. Эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 53–58.
12. Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Когнитивный сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 46–55.
13. Сюткина Н. П., Красноборова Л. А. Каузативизация в категориальной эмоциональной ситуации // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания ино странных языков. 2025. Т. 19, № 1. С. 34–41.
14. Тихонов А. Н. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык-Медиа. 2007. 334 с.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
16. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход: монография. Изд. 2-е, испр., дополн. Пермь: Прикамский социальный институт, 2010. 248 с.; М.: URSS, 2021. 248 с.
17. Шустова С. В., Зубарева Е. О., Сюткина Н. П. Семантический потенциал эмотивных языковых единиц // Современная наука: актуальные

проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 11–2. С. 230–234.

References:

1. Apresyan Yu. D. Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika. M.: Yazyk slavyanskix kul'tur, 2009. 568 s.
2. Balli Sh. Obshhaya lingvistika i voprosy` francuzskogo yazyka. M.: Inostrannaya literatura, 1955. 416 s.
3. Izard K. E`. E`mocii cheloveka. M.: Izd-vo «Moskovskij gosudarstvenny`j universitet», 1980. 439 s.
4. Korostova S. V. E`motivnost` kak funkcional`no-semanticheskaya kategoriya: k voprosu o terminologii // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena. 2009. № 103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnost-kak-funksionalno-semanticheskaya-kategoriya-k-voprosu-o-terminologii> (data obrashheniya: 31.10.2023).
5. Larionova Yu. A. Frazeologicheskij slovar` sovremennogo russkogo yazyka. M.: «Adelant», 2014. 512 s.
6. Lyu Shushuaj. Kategoriya e`motivnosti v filosofii i funkcional`noj grammatike: mezhdisciplinarny`j analiz // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2025. № 3. S. 23–30.
7. Onipenko N. K. Kauzativny`e e`motivy`. URL: https://www.lexrus.ru/inout/18_012-00263/18-012-00263_O01-19.pdf (Data obrashheniya: 22.02.2026).
8. Syutkina N. P. Potencial e`motivny`x kauzativov s pozicij funkcional`nogo podxoda // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2021. № 1. S. 54–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-emotivnyh-kauzativov-s-pozitsiy-funksionalnogo-podhoda> (data obrashheniya: 18.10.2021).
9. Syutkina N. P. E`motivnaya valentnost`: sintagmatika i paradigmatica // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal 2024. № 4. S. 37–42.

10. Syutkina N. P. E`motivno-intensivno-kauzativny`j kategorial`ny`j semanticheskij kompleks // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2023. № 1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/emotivno-intensivno-kauzativnyy kategorialnyy-semanticheskij-kompleks](https://cyberleninka.ru/article/n/emotivno-intensivno-kauzativnyy-kategorialnyy-semanticheskij-kompleks) (data obrashheniya: 04.12.2023).
11. Syutkina N. P. E`motivno-kauzativny`j kategorial`ny`j semanticheskij kompleks // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2019. № 3. S. 53–58.
12. Syutkina N. P., Afanas`eva A. A. Kognitivny`j scenarij situacii kauzacii e`mocional`noj modifikacii // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2025. № 4. S. 46–55.
13. Syutkina N. P., Krasnoborova L. A. Kauzativizaciya v kategorial`noj e`mocional`noj situacii // Aktual`ny`e problemy` filologii i metodiki prepodavaniya ino stranny`x yazy`kov. 2025. T. 19, № 1. S. 34–41.
14. Tixonov A. N. Frazeologicheskij slovar` russkogo yazy`ka. 3-e izd. stereotip. M.: Russkij yazy`k-Media. 2007. 334 s.
15. Shaxovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya e`mocij: Monografiya. M.: Gnozis, 2008. 416 s.
16. Shustova S. V. Funkcional`ny`e svojstva kauzativny`x glagolov: dinamicheskij podxod: monografiya. Izd. 2-e, ispr., dopoln. Perm`: Prikamskij social`ny`j institut, 2010. 248 s.; M.: URSS, 2021. 248 s.
17. Shustova S. V., Zubareva E. O., Syutkina N. P. Semanticheskij potencial e`motivny`x yazy`kovy`x edinicz // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2024. № 11–2. S. 230–234.

Информация об авторах:

Е. В. Малахова – аспирант, преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Н. П. Сюткина – кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the authors:

E. V. Malakhova – postgraduate student, lecturer, Perm State University

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), professor, Perm State University

N. P. Syutkina – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Perm State University

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 25.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81'42

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ЦИТАТНОСТЬ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Елена Владимировна Рюмкова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

khlopkova_elen@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвистическому анализу интертекстуальности и цитатности как ключевых механизмов конструирования смысла и легитимности в англоязычном судебном дискурсе. Рассматриваются теоретические основы интертекстуальности применительно к юридической коммуникации, анализируются функции цитирования в судебном процессе. Особое внимание уделяется лингвистическим механизмам репрезентации «чужого слова» – прямой и косвенной речи, формам пересказа и перекодирования показаний. На материале исследований судебных заседаний Великобритании и США выявляются стратегии использования интертекстуальных включений участниками процесса для конструирования доказательственной базы и реализации процессуальных позиций.

Ключевые слова: интертекстуальность, цитатность, судебный дискурс, прямая речь, косвенная речь, реконтекстуализация, прецедентные тексты, юридическая лингвистика

Для цитирования: Рюмкова Е. В. Интертекстуальность и цитатность в англоязычном судебном дискурсе: лингвистический аспект // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 49–64.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81'42

**INTERTEXTUALITY AND QUOTING IN ENGLISH-LANGUAGE COURT
DISCOURSE: LINGUISTIC ASPECT**

Elena V. Ryumkova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

khlopkova_elen@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the linguistic analysis of intertextuality and citation as key mechanisms for constructing meaning and legitimacy in English-language judicial discourse. The theoretical foundations of intertextuality in relation to legal communication are considered, the functions of citation in the judicial process are analyzed. Special attention is paid to the linguistic mechanisms of representation of "someone else's word" – direct and indirect speech, forms of retelling and transcoding of testimony. Based on studies of court sessions in the United Kingdom and the United States, strategies for using intertextual inclusions by participants in the process to construct an evidentiary base and implement procedural positions are identified.

Keywords: intertextuality, quotation, judicial discourse, direct speech, indirect speech, recontextualization, precedent texts, legal linguistics

For citation: Ryumkova E. V. Intertextuality and quoting in english-language court discourse: linguistic aspect // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 49–64. (In Russ.).

Введение

В современном лингвистическом пространстве наблюдается устойчивый интерес к изучению институциональных типов дискурса, среди которых особое место занимает судебный дискурс. Это обусловлено не только его социальной значимостью, но и уникальной природой речевого взаимодействия, где слово обретает статус юридического факта и процессуального доказательства. Изучение лингвистических механизмов, обеспечивающих связность и преемственность судебного разбирательства, позволяет не только глубже понять природу правовой коммуникации, но и оптимизировать процессы юридического перевода, судебной лингвистической экспертизы и межкультурного правового взаимодействия.

Особую актуальность проблеме придаёт то обстоятельство, что интертекстуальность и цитатность в судебном дискурсе до настоящего времени остаются недостаточно изученными в отечественной лингвистике. Большинство исследований сосредоточено либо на общих вопросах юридического дискурса, либо на интертекстуальности в художественных и публицистических текстах. Между тем понимание того, как именно происходит трансформация «чужого слова» в ходе судебного разбирательства, каким образом выбор между прямой и косвенной речью влияет на доказательственную силу показаний и как реконтекстуализация высказываний меняет их юридическое значение, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для правоприменительной практики.

Теоретические основы интертекстуальности были заложены в работах М. М. Бахтина [1], Ю. Кристевой [11]. В зарубежной лингвистике проблематика интертекстуальности в юридическом дискурсе активно разрабатывается такими

исследователями, как А. Джонсон [3; 4], Ш. Тринч [15], С. Д'Ондт и Ф. ван дер Хаувен [5]. В отечественной науке отдельные аспекты данной проблематики затрагиваются в работах А. В. Богатырева [2], Е. В. Татариновой [7], Э. Ш. Никифоровой и А. С. Смагуловой [6], В. Е. Чернявской [8]. Однако комплексного исследования, объединяющего теоретический анализ интертекстуальности с подробным разбором конкретных примеров из англоязычной судебной практики, до настоящего времени не проводилось.

Цель настоящей статьи – выявить лингвистические особенности реализации интертекстуальности и цитатности в англоязычном судебном дискурсе, определить функции цитирования и проанализировать механизмы трансформации «чужого слова» в ходе судебного разбирательства.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

1. Рассмотреть теоретические основы изучения интертекстуальности применительно к юридическому дискурсу и определить место цитатности в системе интертекстуальных связей.

2. Проанализировать лингвистические механизмы репрезентации «чужого слова» в англоязычном судебном дискурсе, включая прямую и косвенную речь, а также формы пересказа.

3. Выявить функции цитирования в судебном процессе и проиллюстрировать их конкретными примерами из судебной практики.

Методы исследования включают метод дискурсивного анализа, метод интертекстуального анализа, а также метод прагматического анализа.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В современной лингвистике юридический дискурс рассматривается как сложное коммуникативное пространство, в котором взаимодействуют тексты различной жанровой принадлежности и процессуальной значимости. Криминальные судебные слушания представляют собой коммуникативные события, «которые плотно структурированы интертекстуально» [3, с. 372]. Документы дела – протоколы задержания, показания свидетелей, заключения

экспертов – активно цитируются, пересказываются и реконтекстуализируются в ходе процесса, поскольку установление юридической истины «решающим образом зависит от трансформации этих дискурсов в законные доказательства» [5, с. 3].

А. В. Богатырев в своём исследовании подчёркивает, что одним из критериев интертекстуальности в юридическом дискурсе является обязательность ссылок на предшествующие тексты [2, с. 21]. Дело не может рассматриваться изолированно – оно всегда взаимосвязано с нормативными актами и процессуальными документами. Это позволяет говорить об интертекстуальности как о системообразующем признаке юридического дискурса.

Цитатность в судебном дискурсе имеет принципиальное отличие от цитирования в художественной литературе или научных текстах. Если в литературе цитата выполняет преимущественно эстетическую или смыслообразующую функцию, то в суде цитирование – это механизм легитимации знания, способ придания высказыванию доказательственной силы.

Е. В. Татарина, исследуя судебно-следственные документы, отмечает, что «в деловых бумагах текстовые реминисценции не только возможны, но и необходимы» [7, с. 241]. Исследователь указывает на обязательность ссылок на предшествующие документы – например, формулировка «на Ваш №...» в деловой переписке, которая в судебной сфере трансформируется в развёрнутые отсылки к материалам дела.

Проведённый анализ эмпирического материала позволяет выделить несколько типов интертекстуальных включений, функционирующих в англоязычном судебном дискурсе. Каждый тип характеризуется специфическими лингвистическими маркерами и выполняет определённые процессуальные функции.

Первый тип – прецедентное цитирование. Данный тип реализуется в ссылках на ранее вынесенные судебные решения и является обязательным

элементом англо-американской правовой системы. В апелляционных решениях федеральных судов США прецедентное цитирование выполняет функцию обоснования правовой позиции и демонстрации компетентности судей. Характерной особенностью является строгая формализация таких ссылок.

Рассмотрим характерный пример из решения Апелляционного суда девятого округа по делу *Perry v. Schwarzenegger* (2010):

As the Supreme Court explained in Lawrence v. Texas, 539 U.S. 558, 578 (2003), 'the fact that the governing majority in a State has traditionally viewed a particular practice as immoral is not a sufficient reason for upholding a law prohibiting the practice.' This principle applies with equal force to the case at bar (**Как пояснил Верховный суд в деле Лоуренс против Техаса, 539, 558, 578 (2003), «тот факт, что правящее большинство в штате традиционно рассматривало определённую практику как аморальную, не является достаточным основанием для принятия закона, запрещающего эту практику».** Этот принцип в равной степени применим и к данному делу) [12].

В данном фрагменте судья не просто ссылается на прецедент, но использует прямую цитату из решения Верховного суда, придавая собственному аргументу дополнительный вес. Лингвистическим маркером выступает конструкция *as the Supreme Court explained*, которая вводит «чужое слово» и одновременно демонстрирует иерархическую подчинённость нижестоящего суда вышестоящему.

Второй тип – цитирование материалов дела. Этот тип включает воспроизведение показаний свидетелей, заключений экспертов, протоколов следственных действий и иных документов, собранных в ходе досудебного производства. Именно здесь наиболее ярко проявляется трансформация смысла при переходе от устной речи к письменному тексту и обратно. Например:

When apprehended, the prisoner said, 'I did it, and I'm glad of it. He deserved what he got.' These are not the words of an insane man, gentlemen. These are the words of someone who knew exactly what he was doing (При задержании

заклученный сказал: «Я сделал это, и я рад этому. Он заслужил то, что получил». Это не слова сумасшедшего, джентльмены. Это слова человека, который точно знал, что делает) [14].

Здесь прямая цитата (*I did it, and I'm glad of it*) выполняет функцию доказательства вменяемости подсудимого, причём прокурор намеренно акцентирует внимание присяжных на том, что это именно слова самого обвиняемого, а не интерпретация защитника.

Третий тип – цитирование нормативных правовых актов. Данный тип реализуется в ссылках на статутное право – законы, принятые парламентом или законодательными собраниями штатов. Характерной особенностью является точное указание на раздел, статью и параграф нормативного акта.

Например, в решении по делу *Junker v. Medical Components, Inc.* (2022) Федеральный окружной суд ссылается на раздел 35 Кодекса законов США:

Under 35 U.S.C. § 102(b), a person is entitled to a patent unless 'the invention was patented or described in a printed publication in this or a foreign country or in public use or on sale in this country, more than one year prior to the date of the application for patent in the United States' (В соответствии с § 102(b) статьи 35 U.S.C. лицо имеет право на получение патента, если только «изобретение не было запатентовано или описано в печатной публикации в этой или заграничной стране, а также для общественного пользования или продажи в этой стране более чем за год до даты подачи заявки на патент в Соединенных Штатах») [10].

Стоит отметить, что суд цитирует не только номер раздела, но и непосредственно текст закона, что позволяет избежать двусмысленности в толковании и продемонстрировать присяжным точную формулировку правовой нормы.

Таким образом, проведённая типологизация интертекстуальных включений в англоязычном судебном дискурсе позволяет заключить, что

каждый из выделенных типов выполняет специфическую процессуальную функцию и маркируется определёнными лингвистическими средствами.

Прецедентное цитирование служит инструментом выстраивания иерархии юридических авторитетов и обоснования правовой позиции через апелляцию к вышестоящим судам; цитирование материалов дела направлено на трансформацию устных показаний в письменное доказательство и может использоваться сторонами для конструирования желаемого образа подсудимого или свидетеля; цитирование нормативных актов обеспечивает точность применения закона и минимизирует риски двусмысленного толкования.

Важным выводом является то, что во всех трёх типах цитирование никогда не бывает механическим воспроизведением «чужого слова» – оно всегда сопровождается интерпретацией и реконтекстуализацией, что превращает интертекстуальность из формального приёма в действенный механизм конструирования судебной реальности и реализации процессуальных стратегий участников судебного разбирательства.

Ключевым механизмом реализации интертекстуальности в судебном дискурсе выступает репрезентация речи – передача того, что было сказано на предыдущих стадиях процесса или за его пределами. Проведённый анализ позволяет выявить существенные различия в прагматическом эффекте прямой и косвенной речи.

Прямая речь сохраняет лексико-грамматические особенности исходного высказывания, включая эмоционально-оценочные компоненты, просторечные выражения. В судебном дискурсе прямая речь используется, когда необходимо подчеркнуть аутентичность высказывания и его эмоциональную нагрузку.

Рассмотрим следующий пример.

Прямая речь (слова потерпевшей на допросе): *He came at me screaming, 'I'm going to kill you, you worthless piece of garbage!' and I was terrified, I thought my life was over* (Он бросился на меня с криком: «Я убью тебя, ты, никчёмный кусок дерьма!» И я был в ужасе, я думал, что моя жизнь кончена) [10].

Прямая речь (воспроизведенная адвокатом): *And what were his exact words, madam? Can you tell the jury precisely what the defendant said? He said, 'I'm going to kill you, you worthless piece of garbage.', right? (И каковы были его точные слова, мадам? Можете ли вы в точности передать присяжным, что сказал подсудимый? Он сказал: «Я собираюсь убить вас, вы, никчёмный кусок дерьма». Верно?)* [10].

В данном случае использование прямой речи позволяет донести до присяжных не только фактическую информацию об угрозе, но и эмоциональный контекст происшествия. Экспрессивное выражение *worthless piece of garbage* выполняет функцию характеристики личности подсудимого и степени его агрессии.

Косвенная речь подвергает исходное высказывание грамматической и лексической трансформации. При переходе от прямой речи к косвенной происходит смена лица (первое лицо заменяется третьим), согласование времен, замена указательных местоимений и наречий, утрачивание эмоционально-оценочных компонентов.

Приведём пример и сравним два способа репрезентации одного и того же события.

Прямая речь (допрос пострадавшей): *And then he goes, 'You're nothing, you're less than nothing, I should have listened to my mother about you.' And I'm like, I can't believe this is happening to me, after everything I've done for him (И тогда он говорит: «Ты ничто, ты меньше, чем ничто, я должен был послушать свою маму о тебе». И я такая, я не могу поверить, что это происходит со мной, после всего, что я для него сделала)* [14].

Косвенная речь (составленная прокурором): *The affiant states that the defendant made derogatory statements about her character and expressed regret about their relationship (Адвокат утверждает, что обвиняемый делал уничижительные заявления о её характере и выражал сожаление по поводу их отношений)* [14].

Как видно из примера, при трансформации в косвенную речь утрачивается не только экспрессивность высказывания (*You're nothing, you're less than nothing*), но и снижается эмоциональное воздействие. Такая трансформация создаёт текст, который помогает представить пострадавшую как заслуживающего доверия свидетеля для присутствующих на судебном процессе, поскольку эмоциональность в юридическом контексте часто воспринимается как признак субъективности и потенциальной недостоверности.

В некоторых ситуациях участники процесса намеренно избегают прямого цитирования, чтобы не придавать высказыванию излишнюю значимость. Приведём пример из дела, в котором защита, представляя подсудимого как душевнобольного, использовала его слова не для инкриминирования, а для демонстрации невменяемости:

My lord, we have evidence that the prisoner has repeatedly declared himself to be the Savior of mankind. These declarations, made under circumstances that leave no doubt as to his sincerity, indicate a mind entirely divorced from reality (Милорд, у нас есть доказательства того, что заключённый неоднократно объявлял себя Спасителем человечества. Эти заявления, сделанные при обстоятельствах, не оставляющих сомнений в его искренности, свидетельствуют о том, что его разум полностью оторван от реальности) [14].

Здесь защитник намеренно избегает прямой цитаты (*declared himself to be the Savior of mankind*), используя косвенную речь, чтобы представить высказывание как свидетельство безумия, а не как богохульство, которое могло бы быть инкриминировано подсудимому.

На основе анализа теоретических источников и эмпирического исследования представляется возможным выделить следующие основные функции цитирования в англоязычном судебном дискурсе:

1. Доказательственная функция

Цитаты из показаний, экспертиз, документов служат основой для установления фактов, имеющих юридическое значение. Как подчёркивает А. Джонсон, установление юридической реальности решающим образом зависит от дифференциального веса доказательств обвинения и защиты, поэтому селективная сила цитирования является важным ресурсом [4, с. 231].

2. Легитимирующая функция

Ссылки на авторитетные источники (закон, прецедент, экспертов) придают аргументации дополнительный вес. В судебных решениях цитирование предшествующих дел выполняет функцию обоснования правовой позиции. Приведём пример ссылки из стенограммы судебного дела: *See Marbury v. Madison, 5 U.S. 137, 138 (1803)* [10]. Такая ссылка не просто указывает на источник, но и апеллирует к авторитету Верховного суда США и устоявшейся правовой доктрине. Интертекстуальность в апелляционных решениях служит для признания компетентности судей в профессиональном сообществе [5, с. 2].

3. Аргументативная функция

Цитаты используются для построения логических цепочек умозаключений, подтверждения или опровержения версий событий.

4. Идентифицирующая функция

Через цитирование конструируются идентичности участников процесса.

Анализ эмпирических данных позволяет утверждать, что функциональный диапазон цитирования в англоязычном судебном дискурсе выходит далеко за пределы простого воспроизведения фрагментов текста и охватывает несколько взаимосвязанных аспектов юридической коммуникации. Доказательственная функция цитирования обеспечивает фактическую основу судебного разбирательства, превращая отдельные высказывания в элементы доказательственной базы, причём селективный характер цитирования позволяет сторонам акцентировать те фрагменты, которые наиболее выгодны для их процессуальной позиции. Легитимирующая функция реализуется через

апелляцию к институциональным авторитетам – вышестоящим судам, законодателю, экспертному сообществу, что не только усиливает убедительность аргументации, но и демонстрирует включённость судьи или адвоката в профессиональное правовое сообщество, его компетентность и следование устоявшимся нормам юридической практики. Аргументативная функция цитирования проявляется в использовании цитат как строительных блоков логических конструкций, позволяющих выстраивать непротиворечивые версии событий и подводить их под соответствующие правовые нормы. Наконец, идентифицирующая функция цитирования играет ключевую роль в конструировании процессуальных образов участников судебного разбирательства: через отбор, переформулирование и контекстуализацию высказываний формируется образ «заслуживающего доверия свидетеля», «опасного преступника», «невменяемого подсудимого» или «добросовестного истца». Важно подчеркнуть, что все перечисленные функции реализуются не изолированно, а в тесном взаимодействии, образуя сложный функциональный комплекс, в котором каждая цитата одновременно выполняет несколько задач: устанавливает факт, подтверждает авторитет, обосновывает вывод и конструирует идентичность. Это функциональное многообразие подтверждает тезис о том, что цитирование в судебном дискурсе представляет собой не технический приём, а фундаментальный механизм конструирования юридической реальности, от которого зависит исход судебного разбирательства.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов относительно природы интертекстуальности в англоязычном судебном дискурсе. Интертекстуальность и цитатность представляют собой фундаментальные свойства англоязычного судебного дискурса, обеспечивающие его целостность и процессуальную связность. Через цитирование и пересказ предшествующих текстов реализуется механизм преемственности судебного разбирательства,

связывающий воедино досудебное производство, судебное следствие и вынесение приговора.

Лингвистический анализ интертекстуальных практик позволяет показать глубинные механизмы конструирования юридической реальности. Выбор между прямой и косвенной речью, степень полноты цитирования, включение или исключение эмоционально-оценочных компонентов – все эти языковые явления обретают в суде доказательственное значение и влияют на судьбы людей [13].

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются сопоставительный анализ интертекстуальных практик в различных правовых системах, изучение роли цифровых технологий в трансформации интертекстуальных связей, а также исследование восприятия цитат присяжными и иными участниками процесса, не обладающими специальными юридическими знаниями.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Богатырев А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
3. Джонсон А. Преследующее доказательство: цитирование подсудимого в судебном дискурсе Олд-Бейли XIX века // Прагматика цитирования тогда и сейчас. Берлин: De Gruyter Mouton, 2015. С. 369–400.
4. Джонсон А. Юридический дискурс: процессы создания доказательств в специализированных юридических корпусах // Прагматика дискурса. Берлин: De Gruyter Mouton, 2014. С. 525–554.
5. Д'Ондрт С., ван дер Хаувен Ф. Цитирование из материалов дела: как интертекстуальные практики формируют дискурс на различных стадиях юридической траектории // Язык и коммуникация. 2014. Т. 36, С. 1–6.

6. Никифорова Э. Ш., Смагулова А. С. Интертекстуальность в американском судебном дискурсе: характерные особенности // Молодой учёный. 2024. № 33 (532). С. 62–64.

7. Татарина Е. В. Текстовая реминисценция как способ реализации интертекстуальности в судебно-следственных документах // Молодой учёный. 2013. № 1 (48). С. 241–243.

8. Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст - Дискурс - Стил. Коммуникации в экономике: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ, 2003. С. 23–42.

9. Cotterill J. Language in the legal process. Palgrave Macmillan, 2002. 304 p.

10. Junker V. Medical Components, Inc. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/21-1649/21-1649-2022-02-10.html> (дата обращения: 01.03.2026).

11. Kristeva J. Word, Dialogue, and Novel // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. 1986. P. 64–91.

12. Perry v. Schwarzenegger (2010). URL: https://en.wikisource.org/wiki/Perry_v._Schwarzenegger (дата обращения: 25.02.2026).

13. Robert C. Vines – Ethical Violations Complaint. URL: <https://oneildardenjr2017.com/robert-c-vines-ethical-violations-complaint/> (дата обращения: 01.03.2026).

14. State of Florida v. George Zimmerman: Affidavit of Probable Cause – Second Degree Murder. https://archive.org/stream/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit_djvu.txt (дата обращения: 26.02.2026).

15. Trinch S. Disappearing Discourse: Performative Texts and Identity in Legal Contexts // Critical Inquiry in Language Studies. 2010. Vol. 7, № 2–3. P. 207–229.

References:

1. Baxtin M. M. E`stetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
2. Bogaty`rev A. V. Funkcionirovanie figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2016. 168 s.
3. Dzhonson A. Presleduyushhee dokazatel`stvo: citirovanie podsudimogo v sudebnom diskurse Old-Bejli XIX veka // Pragmatika citirovaniya togda i sejchas. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. S. 369–400.
4. Dzhonson A. Yuridicheskij diskurs: processy` sozdaniya dokazatel`stv v specializirovanny`x yuridicheskix korpusax // Pragmatika diskursa. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. S. 525–554.
5. DONDt S., van der Xauven F. Citirovanie iz materialov dela: kak intertekstual`ny`e praktiki formiruyut diskurs na razlichny`x stadiyax yuridicheskoy traektorii // Yazyk i kommunikaciya. 2014. T. 36, S. 1–6.
6. Nikiforova E`. Sh., Smagulova A. S. Intertekstual`nost` v amerikanskom sudebnom diskurse: xarakterny`e osobennosti // Molodoj ucheny`j. 2024. № 33 (532). S. 62–64.
7. Tatarinova E. V. Tekstovaya reminiscenciya kak sposob realizacii intertekstual`nosti v sudebno-sledstvenny`x dokumentax // Molodoj ucheny`j. 2013. № 1 (48). S. 241–243.
8. Chernyavskaya V. E. Intertekstual`nost` i interdiskursivnost` // Tekst - Diskurs - Stil`. Kommunikacii v e`konomie: Sb. nauch. st. SPb.: Izd-vo SPb. GUE`F, 2003. S. 23–42.
9. Cotterill J. Language in the legal process. Palgrave Macmillan, 2002. 304 p.
10. Junker V. Medical Components, Inc. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/21-1649/21-1649-2022-02-10.html> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Kristeva J. Word, Dialogue, and Novel // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. 1986. P. 64–91.

12. Perry v. Schwarzenegger (2010). URL: https://en.wikisource.org/wiki/Perry_v._Schwarzenegger (дата обращения: 25.02.2026).

13. Robert C. Vines – Ethical Violations Complaint. URL: <https://oneildardenjr2017.com/robert-c-vines-ethical-violations-complaint/> (дата обращения: 01.03.2026).

14. State of Florida v. George Zimmerman: Affidavit of Probable Cause – Second Degree Murder. https://archive.org/stream/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit_djvu.txt (дата обращения: 26.02.2026).

15. Trinch S. Disappearing Discourse: Performative Texts and Identity in Legal Contexts // Critical Inquiry in Language Studies. 2010. Vol. 7, № 2–3. P. 207–229.

Информация об авторе:

Е. В. Рюмкова – старший преподаватель, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

E. V. Ryumkova – senior lecturer, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 14.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 02.03.2026; approved after reviewing 14.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81. 373

**ТОПОНИМЫ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Вадим Александрович Сагалаев^{1✉}, Галина Владимировна Файзиева²

¹Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

²Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

[¹alex_sag@mail.ru](mailto:alex_sag@mail.ru)

[²fayzievagv@yandex.ru](mailto:fayzievagv@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается роль топонимов в формировании языковой картины мира. Анализируется способность географических названий аккумулировать и транслировать культурно-историческую информацию, влиять на восприятие пространства индивидом и этносом. Авторы представляют результаты лингвокультурологического анализа топонимического фрагмента языковой модели мира, рассматриваемого на материале топонимов Волгоградской области в контексте диалектического взаимодействия языковых и культурных кодов. В ходе исследования предпринимается попытка системного описания механизмов фиксации и трансляции культурно значимой информации в географических именах собственных, которые репрезентируют историко-культурный опыт современного этноса и обладают выраженной аксиологической маркированностью. В работе осмысливается категория картины

мира как фундаментального способа понятийного освоения человеком окружающей действительности. Обращение к топонимическому материалу отдельной территории, включающее установление этимологии географических наименований, анализ их структурно-словообразовательных особенностей и семантической эволюции, позволяет реконструировать диахронические связи между этапами развития народа, проживающего на территории Волгоградской области, и выявить специфику отражения его мировидения в языковых формах. Рассмотрение топонима как элемента топосистемы в лингвокультурологической парадигме даёт возможность определить его функциональную значимость как в иерархии языковых единиц, так и в структуре концептуальной картины мира, присущей конкретному лингвокультурному сообществу. Актуальность предпринятого исследования обусловлена возрастающим научным интересом к феноменологии культуры и процессам репрезентации национально-специфических особенностей языкового сознания в повседневных практиках номинации.

Ключевые слова: языковая картина мира, топонимика, топонимикон, топоним, ономастика, культурный код, семиотика, мотивированность номинации

Для цитирования: Сагалаев В. А., Файзиева Г. В. Топонимы как фрагмент языковой картины мира: этимологический и культурно-семантический аспекты (на материале топонимов Волгоградской области) // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 65–105.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81. 373

TOPONYMS AS A FRAGMENT OF THE LINGUISTIC VIEW OF THE
WORLD: ETYMOLOGICAL AND CULTURAL-SEMANTIC ASPECTS
(BASED ON THE TOPONYMS OF THE VOLGOGRAD REGION)

Vadim A. Sagalaev^{1✉}, Galina V. Fayzieva²

¹Volgograd State University, Volgograd, Russia

²Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹alex_sag@mail.ru

²fayzievagv@yandex.ru

Abstract. The article describes the role of toponyms in shaping the linguistic view of the world. The article analyzes the ability of geographical names to accumulate and transmit cultural and historical information, to influence the perception of space by an individual and an ethnic group. The authors present the results of a linguistic and cultural analysis of the toponymic fragment of the linguistic model of the world, considered on the basis of the toponyms of the Volgograd region in the context of the dialectical interaction of linguistic and cultural codes. In the course of the research, an attempt is made to systematically describe the mechanisms of fixation and translation of culturally significant information in geographical proper names, which represent the historical and cultural experience of a modern ethnic group and have a pronounced axiological marking. The work conceptualizes the category of the worldview as a fundamental way for a person to conceptually master the surrounding reality. An appeal to the toponymic material of a particular territory,

including the establishment of the etymology of geographical names, the analysis of their structural and word-formation features and semantic evolution, allows us to reconstruct the diachronic connections between the stages of development of the people living in the Volgograd region, and to identify the specifics of reflecting their worldview in linguistic forms. Consideration of a toponym as an element of a toposystem in the linguistic and cultural paradigm makes it possible to determine its functional significance both in the hierarchy of linguistic units and in the structure of the conceptual worldview inherent in a particular linguistic and cultural community. The relevance of the research is due to the growing scientific interest in the phenomenology of culture and the processes of representing the national-specific features of linguistic consciousness in the daily practices of nomination.

Keywords: linguistic worldview, toponymy, toponymicon, toponym, onomastics, cultural code, semiotics, motivation of nomination

For citation: Sagalaev V. A., Fayzieva G. V. Toponyms as a fragment of the linguistic view of the world: etymological and cultural-semantic aspects (based on the toponyms of the Volgograd region) // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 65–105. (In Russ.).

Введение

Пазл языковой картины мира складывается из тысячи элементов, один из наиболее красочных и ярких, бесспорно, топонимы – географические названия. Без них восприятие окружающей действительности не может быть полным, как не может быть полным процесс языковой номинации предметов и понятий. Обладая уникальной семиотической природой, топонимы передают информацию об исторических событиях, традициях, хозяйственной деятельности и мировосприятии предков, отражая культурно-исторический код народа-носителя того или иного языка.

Топонимы выполняют роль связующего звена между географическим пространством и его культурным осмыслением. В современном мире, в

условиях унификации культурного ландшафта, исследование и сохранение исторических топонимов приобретает особую значимость как способ сохранения уникальной языковой картины мира и национальной идентичности.

В современной лингвистике наблюдается устойчивая тенденция к расширению проблемного поля ономастических исследований, среди которых топонимический сегмент занимает одно из приоритетных направлений. Актуальность обращения к географическим номинациям продиктована их уникальной способностью аккумулировать и транслировать экстралингвистическую информацию: исторические свидетельства, данные о материальной и духовной культуре этноса, особенности хозяйственного освоения территории. Топонимикон языка, понимаемый как совокупность географических имен, функционирующих в определённых хронологических и территориальных границах, служит не только средством идентификации и дифференциации пространственных объектов, но и ценнейшим источником для реконструкции языковой картины мира [36, с. 3]. Изучение процессов топонимической номинации позволяет проследить механизмы взаимодействия лингвистических и когнитивных структур, а также выявить закономерности отражения в языке результатов чувственного и рационального освоения человеком окружающей действительности.

В многочисленных исследованиях топонимикона отмечается его глубокая связь с понятийной системой человека (Н. В. Краснокутская, А. М. Литовкина) [16; 22], а сама система топонимических наименований представляется как систематизированный свод знаний народа о своей земле (В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская, Н. В. Громова, О. Ю. Муштанова, Г. В. Файзиева, Ф. Г. Фаткуллина) [1; 26; 40; 41], политический символ (И. В. Бугаева) [8]. Например, многочисленные славянские топонимы с основой ‘-бел-‘ (Белая, Белая Река, Белгород, Белозерск и т. д.) отражают не только цвет (светлая, чистая вода), но и сакральное понятие чистоты, святости в языческой, а затем и в христианской традиции, имеют особый социальный смысл – указание на свободу, вольность.

Так в языке закрепляется аксиологическая шкала восприятия мира, когда через наименования географических объектов передаются его какие-либо признаки (например, цвет воды, форма рельефа, фауна), либо подчёркивается отношение этого объекта к человеку (принадлежность, событие, сакральное значение).

Подробно изучены мотивационные аспекты топонимики (Т. В. Хвесько, О. Ю. Черниченко) [42]. Рассмотрена систематизация топонимической лексики, основанная на интерпретации общих и частных признаков номинации; обнаружены семантические, структурно-морфологические сдвиги, возникающие в результате омонимии, синонимии и других явлений в языке и речи.

Топонимы, безусловно, связаны с проблемой национальной идентичности. В многочисленных исследованиях на базе национальных языков рассмотрена топонимика Мексики и Колумбии (Н. М. Поспелова, О. С. Чеснокова) [27], Великобритании (А. А. Яхьяева, Т. Д. Магомадова, Р. Д. Шамилева) [46], Испании (О. В. Денисенко) [47], России (С. Б. Аюпова, Н. В. Краснокутская, Н. В. Громова, Г. В. Файзиева) [16; 40].

Настоящее исследование можно считать элементом лингвокультурологического анализа топонимического фрагмента языковой модели мира, проведённого на материале топонимов Волгоградской области в контексте диалектического взаимодействия языковых и культурных кодов в целях системного описания механизмов фиксации и трансляции культурно значимой информации в географических именах собственных обозначенной территории.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Волгоградская область располагается на Юго-Востоке Русской равнины и с исторической и геостратегической точек зрения занимает особое положение. Низовья Волги и Дона, Северный Прикаспий всегда были «воротами», «мостом» между Азией и Европой, миграционным коридором и своеобразным «перекрёстком цивилизаций», по которому перемещались народы, этносы

разного происхождения и лингвистической принадлежности. Это не могло не отразиться на региональной топонимике.

В то же время, работ, посвящённых анализу этимологии географических названий на карте края, немного. Среди таковых следует упомянуть уникальную научно-популярную сводку И. Г. Долгачёва «Язык земли родного края», выдержавшую два издания [11], а также известный «Гидронимический словарь» И. В. Крюковой и В. И. Супруна «Реки и водоёмы Волгоградской области» [67; 68]. Однако, некоторые топонимы до сих пор остаются неразъяснёнными или вызывают дискуссию. Настоящее исследование может рассматриваться в качестве попытки внести посильный вклад в разрешение некоторых любопытных топонимических проблем региона.

В качестве материала исследования представлена выборка топонимов, приведённая из географической карты Волгоградской области:

Ак-Чёрня

Ак-Чёрня – небольшая река (24 км) в Урюпинском районе, левый приток Хопра.

И. В. Крюкова и В. И. Супрун [67, с. 32] отмечают, что в этом гидрониме, возможно, сочетается тюркский элемент ‘ак’ – «белый» и русский ‘чернь’, который восходит к слову ‘черни’ в значении «камышы». Данное предположение представляет собой некритичное заимствование из работы И. Г. Долгачёва [11, с. 59, 56]. На самом деле, по В. И. Далю [62 (т. 4), с. 595], ‘чернь’ – это «густой непроходимый лес; тайга». В бассейне Среднего Дона, на Хопре, Медведице, Бузулуке местные жители используют слово ‘чернь’ для обозначения топкого пойменного леса, где основу древостоя составляет ольха чёрная или клейкая (*Álnus glutinósa* L., *Betuláceae*) с небольшой примесью ветлы (*Sálix álba* L., *Salicáceae*) и осокоря (*Pópuslus nígra* L., *Salicáceae*). В Арчадинском лесничестве имеется урочище Чернь, где также произрастает преимущественно ольха. Геоботаникам и ландшафтоведом эти же лесные сообщества хорошо знакомы как «черноольшаники», «чернолесье». Другие

местные топонимы – хутора Пимено-Черни, Нижние Черни и Верхнечерненский [11, с. 56], Чернополянский и др. также связаны с пойменными лесами, где нередко ольха. Таким образом, объяснять слово ‘чернь’ как «камышы», некорректно, а «белую ольху» в Волгоградской области также представить невозможно.

Гораздо больший интерес представляет другая гипотеза. Известно, что ‘ака/аққа’ в древнетюркском означает «старшинство (главенство) по мужской линии» [2, с. 56; 71, с. 118, с. 121–122]. ‘Чери’ (čärig) заимствовано в тюркские языки из индийского и означает «войско» [25, с. 376]. Таким образом, тюркский термин ‘ака-чери’ означает «старшее (главное) войско, дружина» [2, с. 56]. Именно так – Ака-Чери – именовалось первоначальное квазигосударственное образование казаков в XVI–XVII веках [23, с. 22]. Река Ак-Черня располагается неподалёку от станицы Тепикинской, где, по свидетельству И. Гюльденштедта, вплоть до конца XVIII было место традиционного сбора прихопёрских и верхнедонских казаков перед отправкой на войну или проверки их готовности [49, с. 64]. Таким образом, «Ак-Черня» – это место сбора воинских казачьих формирований в прошлом.

Арчада́

Арчада́ (на современных картах «Арчедá») – река, протекающая по территории Серафимовичского, Фроловского и Ольховского районов.

По предположению известного волгоградского краеведа Б. С. Лащилина, наименование станицы Арчадинской (и, соответственно, р. Арчады) происходит от имени татарского князя Арчака [21, с. 126–127]; очевидно, что это типичный пример народной этимологии. На самом деле название реки восходит к тюркско-монгольскому ‘арча́’ «можжевельник, сосна, ель, вереск, тальник» [28 (т. 1), с. 323; 71, с. 182–183; 76, с. 92]. Корневое ‘да/та’ в тюркских и монгольских языках означает конкретное место (сравни – Караганда, Элиста, Кегульта и др.). Таким образом, наименование реки «Арчада/Арчедá» может быть осмыслено и переведено на русский как «место [где растёт] арча

[можжевельник]». Действительно, в Доно-Арчадинском песчаном массиве, где пролегает основная часть русла Арчады, произрастают крупнейшие в Волгоградской области заросли можжевельника казацкого (*Juniperus sabina* L., *Cupressáceae*).

И. Г. Долгачёв [11, с. 36–37, 38] связывает топоним «Арчада» со словом ‘арчак’ – по В. И. Далю [62 (т. 1) с. 25–26] «деревянный остов седла». Один из авторов настоящей публикации (В. А. Сагалаев) застал в живых мастеров-седельщиков (арчажников), которые изготавливали сёдла по старой традиционной казачьей технологии. Примечательно, что для деревянной основы сёдел они использовали древесину вяза и можжевельника, реже берёзы: после распаривания древесина этих растений хорошо гнётся и обрабатывается; для этих целей нельзя использовать древесину сосны или ели (слишком хрупки), ивы и тополя (слишком мягки и недолговечны), дуба (трудна в обработке). Несомненно, эта технология восходит к далёкому прошлому. Поэтому вполне возможно, что профессия арчажников (седельников), получила своё наименование от тюркско-монгольского названия можжевельника (арчи), но не наоборот.

Барманцáк

Барманцáк – озеро на границе Светлоярского района Волгоградской области и Малодербетовского района Республики Калмыкия.

Гидроним, несомненно, калмыцкого происхождения, но его этимология до сих пор дискуссионна. Е. К. Суворов, посетивший Сарпинские озёра в начале XX века, сообщает, что название озера происходит от «имени какого-то калмыцкого князька, жившего когда-то у берегов озера» [35, с. 444]; данная точка зрения, на наш взгляд, не может быть принята, т. к. князя или хана под таким именем у калмыков неизвестно. Утверждается, что это наименование по-калмыцки обозначает «развесистый, лохматый» [7, с. 40]. Однако, по-калмыцки «развесистый/раскидистый/широкий» – ‘нал/нала/налхhr’ [последнее произносится как «налхгр»] [65, с. 367], а «лохматый; спутанный» –

‘бавһр/бависн’ [произносится как «бавгр/бависынь»] или ‘буржһр’ [произносится как «бурчгыр»] [65, с. 72–73, 120].

У. Э. Эрдниев считает, что первичное название озера было Барванцак, которое образовано от калмыцкого диалектного слова ‘баргавад’ – так местное население называет кучи перекасти-поля, застрявшие в камышах [44, с. 67]. Такая же этимология приводится и в «Топонимическом словаре Республики Калмыкия» [66, с. 48], хотя и без объяснения этого слова. В «Словаре топонимов Республики Калмыкия» [73, с. 33] этимология рассматриваемого гидронима также не объясняется, хотя и проводится параллель с калмыцким ‘бор’ («серый», «сивый») и ‘манць(н)’ [произносится как «манцын»] («опиум») [65, с. 110, 342].

Между тем, ещё Н. И. Анненков [53, с. 356–357] в своём «Ботаническом словаре ...» зафиксировал калмыцкое наименование колючего плода водяного ореха или чилима (*Trápa nátans* L. *Trapáceae*) как бадманцык/бодманцык/бадланцук’. По устному свидетельству джангарчи (певца Джангра) Батра Каруевича Манджиева из пос. Ики-Бухус Малодербетского р-на, слово ‘барманцык/бадманцык’ на дербетском диалекте калмыцкого языка означает «колючий плод», «колючий орех» вроде плодов якорцев (*Tribulus terrestris* L., *Zygophylláceae*), которые очень похожи на плоды чилима. Примечательно, что в прошлом водяной орех (*Trápa nátans* L. s. l.) достоверно произрастал в Сарпинских озёрах – его остатки обнаружены в донных отложениях оз. Сарпы у с. Дубовый Овраг [32, с. 27]. По опросным сведениям, среди старожилов с. Цаца в 2006 г., в прошлом чилим произрастал в этом озере и в годы Великой Отечественной войны использовался в пищу [ibid.].

По свидетельству Е. К. Суворова [35, с. 444], ещё в начале XX в. оз. Барманцак представляло собой полноводный пресный водоём, где водились серушки (*Rutilus rutilus fluviatilis*), караси (*Carassius carassius*) и лини (*Tinca tinca*) – типичные обитатели пресных вод. В настоящее время в результате

аридизации климата и сокращения площадей Сарпинских озёр от Барманцака остался лишь небольшой солоноводный водоём, почти полностью пересыхающий в конце лета [30, с. 30]. Однако, в прошлом здесь, как и в других Сарпинских озёрах, мог обитать водяной орех. Чилим был, несомненно, хорошо известен калмыкам, которые часто занимались на рыбные промыслы, в том числе и в дельту Волги [4, с. 74–75; 5, с. 54–55], где водяной орех встречается в большом количестве до сих пор. По свидетельству В. И. Даля, астраханцев из-за их пристрастия к водяному ореху чилиму именовали «чилимниками» [62 (т. 4), с. 604]; плоды водяного ореха собирали в больших количествах и возами привозили на продажу в другие регионы.

В. И. Даль приводит диалектное русское (астраханское?) наименование *Trápa nátns* – ‘батманчук’ [ibid.], созвучное калмыцкому, приводимое Н. И. Анненковым. Возможно, оно также имеет калмыцкое происхождение: по-калмыцки ‘бат’ («крепкий, прочный») и ‘манцу’ («бутон, соцветие; плод(?)») [65, с. 84, 342]; съедобные плоды водяного ореха имеют очень прочные покровы.

Таким образом, наименование «Барманцак» может быть осмысленно как «Ореховое, Чилимное (озеро)».

Голубáя (Большая и Малая)

Голубáя (Большая и Малая) – две одноимённые реки в Малой излучине Дона, протекающая по территории Клетского и Калачёвского районов Волгоградской области; общая длина Б. Голубой – 27 км.

Голубая – необычный гидроним для русского языка, вероятной калькой (переводом) с какого-то более древнего языка [38, с. 194; 68, с. 76]. Неясность названия реки подчёркивается в «Гидронимическом словаре» региона [67, с. 69–70; 68, с. 101–102]. При этом предполагается, что наименование связано с прозрачностью («голубизной») этой реки или с обнажениями меловых пород по её берегам [ibid.]. Однако, несмотря на определённое своеобразие и даже уникальность гидрологии р. Голубой [45, с. 511], утверждать, что её название

определяется голубым цветом воды реки или её берегов [67, с. 69–70; 68, с. 101–102], совершенно невозможно: тот, кто бывал в этом регионе, хорошо знает, что речная система Б. и М. Голубой представляет собой небольшой водоток, пересыхающий в своих верховьях в жаркий период и являющей систему заводей и омутов в низовьях с мутной водой.

Однако, гидроним «Голубая» может быть разъяснён и верно осмыслен, если расширить географию и топографию подобных топонимов (включив сюда и наименования населённых пунктов) и связав их с непростой историей русского православия. Детальный анализ карты юга Русской равнины свидетельствует, что существует (или существовали) достаточно большое число населённых пунктов с наименованиями вроде «голубой/голубая/голубинский/голубенький» и т. п. Например, на северо-востоке Малороссии на границе Луганской и Харьковской областей имеется целый ряд топонимов с однокоренными названиями: с. Голубовка Кременского р-на, с. Голубовское Попаснянского р-на и оз. Голубовское в его окрестностях, с. Голубовка на р. Оскол в Купянском р-не; в Днепропетровской области также имеется с. Голубовское. Этот перечень можно продолжить. Все эти топонимы связаны с территориями, где начиная с середины XVII в. проживали староверы и старообрядцы [39, с. 62].

Кроме того, в Крыму на р. Бельбек имеются сёла Голубинка и Нижняя Голубинка (Бахчисарайский р-н) – также место прежнего компактного проживания староверов.

В Волгоградской области «голубые» топонимы также нередки: на р. Б. Голубой располагается х. Большеголубинский, на р. М. Голубой – х. Малооголубинский, а близ устья этих рек – станица Голубинская (на старых картах – Голубинка, Голубинский городок), во Фроловском районе в самом сердце Доно-Арчадинских песков прежде располагался ныне заброшенный х. Голубинский (49°41'00" сев. широты и 43°18'00" вост. долготы) – одно из последних компактных мест проживания староверов в регионе. Об этом

свидетельствуют рассказы старожилов из хуторов Клетско-Почтовского и Витютнева; В. А. Сагалаев в полевой сезон 2001 г. наблюдал и сохранившиеся деревянные надгробья-голубы на кладбище в окрестностях этого хутора. В XVII–XVIII вв. по берегам среднего течения Дона поселения староверов преобладали, их духовный центр (Чирская пúстьнь) во второй половине XVII в. располагался на р. Чир [33, с. 113], а станицы правобережья (Верхнечирская, Нижнечирская, Суворовская (ранее Кобылянская), Пятиизбянская, Голубинская) были населены преимущественно староверами [234, с. 33–35; 17, с. 58]. Интересно, что известный атаман И. Некрасов после разгрома восстания казаков (основу которых составляли как раз староверы) под руководством Кондратия Булавина, который увёл в 1708 г. непокорных казаков-староверов сначала на Кубань, потом на Таманский полуостров (основав там свои городки, в том числе и новый Голубинский!), затем на Дунай и в Турцию, был родом из Голубинского городка на Дону [85, с. 322, 436]. Таким образом, Донская излучина была одним из важнейших центров староверия и старообрядчества.

По В. И. Далю «голубец» – это «могильный памятник, ... с крышей, будкой, домиком, ... особенно крест с кровелькой», которые «ныне запрещены» [62 (т. 1), с. 371]. Их запрет был связан с тем, что, по свидетельству Л. В. Даля-младшего, голубцы представляют собой надгробные памятники у раскольников-староверов [9, с. 94]. Однако голубцы выполняли функцию не только могильного памятника, но и сакрального места, где можно было помолиться богу, помянуть своих предков, совершить другие религиозные таинства. Среди староверов и старообрядцев бытуют рассказы о существовании так называемой «Голубиной (Глубинной) книги», в которой в особых стихах отражены древние (ведические?) знания об устройстве мироздания. «Голубиная (Глубинная) книга» наряду с Евангелием и Псалтырём играла (и, возможно, играет) важную роль в обрядах староверов. Интересно, что голубцами или голбецами (голбцами) также именуют особого рода примосты, загородки в крестьянской избе, между печью и полатами и внутри [62 (т. 1), с. 366, 371].

На Дону у казаков-староверов и старообрядцев – голубец – это могильный памятник, камень, плоская доска или крест с двускатной крышей, иногда небольшая часовенка, где верующие осуществляют моления и обряды [69, с. 63; 56, с. 112]. В настоящее время голубцы стали большой редкостью, но кое-где они ещё сохранились. Например, в конце 1990-х годов можно было видеть действующий голубец на левобережье Дона у хут. Крутовского Серафимовичского района Волгоградской области, где молились казаки-староверы. Возможно, что наименования «голубец/голбёц» связаны с понятиями «глубина», «могила», «яма».

Таким образом, гидроним «Голубая» и его варианты напрямую связаны с сохранившимися остатками староверчества (старообрядчества) и понятием «голуба/голубец/голбёц» на Дону у казаков.

Голгóй (Галгóй)

Голгóй (Галгóй) – протока (сырая лощина) в Светлоярском районе, соединяющая озёра Сарпу, Цацу и продолжающаяся далее вплоть до Барманцака. Этимология топонима до сих пор никем не пояснена: в «Гидронимическом словаре» региона лишь отмечается, что название неясного происхождения, возникшее, по-видимому, в калмыцком языке [67, с. 66].

Исходя из топографии, можно предположить, что наименование этого гидронима происходит от искажённого калмыцкого 'холлх' [произносится как «холлхх»] (устаревшее «соединять, связывать») [65, с. 593], 'хол' [произносится как «гол»] («река») [65, с. 165], либо 'хол' [произносится как «хол»] (много значений, в том числе «пролив», «узкий проход», «горло, горлышко» [65, с. 165, 593]. Таким образом, наименование может быть осмыслено как «связывающая река» или «узкая река».

В настоящее время протока почти полностью высохла и засолилась, но ещё в начале XX века протока Голгой была полноводна и соединяла озёра Сарпу, Цацу и Барманцак [35, с. 442]. По свидетельству местных жителей, например, бабушки В. А. Сагалаева Лисицкой (Фомиченко) Любови Фаддеевны

(1911–2000) и его отца Сагалаева Александра Фёдоровича (1932–2025), в 20–40-годы Голгой был наполнен водой и в многоснежные годы весной вода шла из Сарпы в южном направлении бурным потоком; в протоке было много гнёзд уток и гусей, яйца которых заготавливали в полупромышленных масштабах для своих потребностей и для продажи в Сарепте и Царицыне. В Голгое в больших количествах тогда произрастали влаголюбивые гелофиты: *Суса́к зóнтичный* (*Butómus umbellátus* L., *Butomáceae*) и различные виды *Рого́за* (*Ту́рфа* sp., *Турháceae*); в голод 1942–1945 гг. съедобные корневища и корни сусака, богатые крахмалом, спасали жителей с. Цацы и с. Дубовый Овраг от гибели. И. П. Фальк в своих «Записках» также отмечает, что «в Сарпу впадает ручей Гологог» [48, с. 134].

Подобная, но обводнённая до сих пор, протока имеется южнее в Калмыкии между озёрами Ханата и Цаган-Нур и именуется по-калмыцки ‘һоля’ (т.е. «речка, речушка», от калмыцкого ‘һол’ – «река»); Е. К. Суворов также именует её ‘Гала’, но переводит название неверно как «широкая балка» [35, с. 447].

Гумра́к

Гумра́к – наименование аэропорта (сейчас аэропорт «Сталинград») и одноимённой железнодорожной станции (посёлка) в составе Дзержинского района г. Волгограда. Неясный и во многом загадочный топоним. На различных сайтах в Интернете бытует совершенно фантастическая версия, ничем и никем не подтверждённая, что название станции, посёлка и аэропорта произошло «от слияния сокращённых фамилий промышленников Гуммера и Ракова, строивших Грязе-Царицынскую железную дорогу» [11, с. 70–71; 83]. Однако какие-либо литературные, архивные или иные данные об этих мифических личностях отсутствуют.

Другое предположение, что «это слово переводится как «безводный» (вследствие мало- или безводья в местных балках)» [ibid.] также недостоверно, так как слово «гумрак» со значением «безводный» в доступных тюркских,

монгольских и других словарях не значится. Напротив, ‘гум/кум/хум’ в тюркских языках означает «песок» [70, с. 165, 313, 599], а ‘ак’ – «белый» [70, с. 42]. Но если предположить, что топоним всё же имеет тюркское происхождение, то тогда он должен звучать согласно законам грамматики как ‘аккум/акгум/акхум’ («белый песок»). Против тюркской версии свидетельствует и отсутствие в окрестностях Гумрака крупных песчаных массивов.

В то же время, топоним «Гумрак» легко переводится с арабского: по-арабски «الجمارك» (читается: jumruk – ‘джумрук/гумрук/гумрюк’) означает «таможня» [54; 57, с. 987; 71, с. 110]. При этом надо иметь в виду, что на различных диалектах арабского языка это слово может звучать несколько по-разному: на ливанском диалекте – ‘джумарик/гумарик’ (устное сообщение 2004 г. студента ВолГСПУ Салеха Худирата), на вавилонском диалекте (Ирак) ‘джамрак/гамрак’ (устное сообщение 2019 г. магистранта-биолога ВолГУ БМ-18 Ахмеда Хамаири, ahmed.h.mneahil@gmail.com), на дамаском диалекте (Сирия) – ‘джумрук/жумрук’ (устное сообщение 2022 г. студентки ВолГУ Биб-201 Абир Абдулкадер). Арабское наименование таможни было заимствовано в турецкий – ‘gümruk’ [71, с. 522] и узбекский ‘гумрукхона’ [76, с. 108], с пометкой как устаревшее книжное; само же слово ‘гумрук’ по-узбекски означает «пошлина» [71, с. 108] (с пометкой – устаревшее книжное). Само же русское слово «таможня» – по происхождению тюркское – от общетюркского ‘тамга’ в значении «знак собственности, печать, тавро» [34, с. 330; 63, с. 530]; в том или ином варианте оно отмечено в казахском, киргизском, татарском (Казань), уйгурском, чувашском и других тюркских языках [34, с. 330]. И только в турецком, туркменском и узбекском оно заменено на его арабский аналог. Это не удивительно, учитывая доминирующую роль арабских купцов в торговле на Ближнем и Среднем Востоке.

В современном туркменском языке слово «gümrukhana/гумрукхана» означает «таможня», а «gümruk/гумрук» – «пошлина» [75, с. 221]. Кроме того, в

крымско-татарском языке также сохранилось это арабское заимствование (очевидно, через турецкий) – «таможня» в нём обозначается как ‘gümrukane’, а ‘gümruk’ означает «пошлина (таможенная), таможенный сбор» [83].

Крымские татары какое-то время контролировали переволоку в междуречье Волги и Дона (см. например, «Карту Московии» из «Атласа Йоханнеса Блау, 1614 г.», где в междуречье Волги Дона отмечена р. Царица («Saritssa») и переволока («Perevolock»), а вся эта территория, согласно карте, относилась тогда к землям Крымского ханства («Crimea, seu Tartaria Perecopensis»). Царицын как русская крепость был заложен, как известно, в 1589 г., поэтому эта карта отражает, несомненно, политические и исторические реалии более раннего периода XVI века, когда крымские татары вместе со своими сюзеренами-турками доминировали в регионе и могли удерживать этот важный торговый и перевалочный пункт.

Учитывая всё изложенное выше, нельзя отрицать возможность отражения в названии «Гумрак» отголоска той давней исторической эпохи. Во всяком случае, арабское (через турецкое и крымско-татарское) происхождение наименования этого топонима, хотя бы в качестве интересной и перспективной гипотезы на данном уровне наших познаний, следует принять.

Кубá

Кубá – небольшая река в Старополтавском р-не, ранее впадавшая в р. Еруслан, а сейчас – в Волгоградское водохранилище (общая длина 37 км); она же Куба Белая, или Куба Большая (на старых картах). Кроме того, есть ещё и р. Солёная Куба – приток Еруслана (длина 62 км).

В «Гидронимическом словаре» [67, с. 137; 68, с. 143] предлагается два варианта объяснения этимологии этих гидронимов: 1) от диалектного «кубá» в значении «черемиска» (марийка) со ссылкой на В. И. Даля [62 (т. 2), с. 209]; 2) «кубышка, высокая кадушечка» (от ногайского *кубе*). Данное предположение не может быть принято: другие примеры финно-угорской топонимики в саратовском и волгоградском Заволжье отсутствуют, равно как и исторические

данные об обитании здесь марийцев. Неизвестны также и примеры использования бытовых названий посуды в гидронимии региона.

Можно было бы думать, что гидроним «Куба» имеет тюркское происхождение. Однако в словарях тюркских языков слово «куба» встречается нечасто и только в значении прилагательного «светло-бурый»/«бледно-бурый»: в татарском [74, с. 267] и карачаево-балкарском языках [61, с. 420], как «кьуба». Связать значение этого тюркизма с особенностями ландшафта, геоморфологии или растительности территории, где протекают обе Кубы, весьма затруднительно.

В то же время, известно, что бассейн Еруслана, как и в целом волгоградское и саратовское Заволжье долгое время были местом кочёвок торгоутских (ойратских) племён и данный регион богат калмыцкой гидротопонимикой (например, р. Торгун, лиманы Могута, Тажи, Ханата, оз. Булухта, оз. Эльтон, реки эльтонского бассейна – Хара-Зуха, Улан-Зуха (Чернавка), Ланцуг и др.). Поэтому логично попытаться выявить ойратские (калмыцкие) корни гидронима «Куба».

Калмыцкое «көва» (произносится «кё(о)ва») означает «берег (реки, озера, моря)», «окраина, опушка» чего-либо [65, с. 308] и восходит к общетюркско-монгольскому «коба/хоба/хова/хово», «куба/хуба», которое имеет много значений, в том числе и «лощина, ложбина, сухое русло, долина; овраг; сточная канава; лоток» [70, с. 147, 280]. Древнетюркское «qobı/qovı» в значении «полюй, пустой; дуплистый» [63, с. 451, 461], просматривается в маньчжурском «кьоби» (углубление, впадина), японском «кубо» (в том же значении), крымско-татарском «коба/хоба» (карстовые пещеры Крыма), наименовании р. Куба в Азербайджане, р. Куба на Алтае (приток Катуня), р. Хаба (Каба) в Монгольском Алтае, оз. Кубукуль в Казахстане и др. [70, с. 280].

Всё сказанное выше позволяет осмыслить гидроним «Куба» как искажённое калмыцкое (ойратское) «көва» в значении «берег реки, её окраина»,

что полностью соответствует геоморфологии данного водотока с пологими берегами – это неглубокая лощина в степи, часто пересыхающая в конце лета.

Могута́

Могута́ – лиман к востоку от г. Николаевска в волгоградском Заволжье на старой солевозной дороге от Эльтона в сторону Николаевской слободы (г. Николаевска). По мнению авторов «Гидронимического словаря» это наименование восходит к слову *могутной* (*могутный*) – «могучий, большой, крепкий» [67, с. 137; 68, с. 215]. Однако Могута – довольно небольшой по площади и глубине заволжский лиман и считать его «большим» и «могучим», или особо выдающимся, по меньшей мере, опрометчиво.

На самом деле этот топоним, как и многие другие в волгоградском Заволжье (Торгун, Эльтон, Булухта, Ланцуг, Хара(-Зуха), Улан(-Зуха), Улаган и т. д.), является калмыцким по происхождению. В волгоградском и саратовском Заволжье в XVII–XVIII вв. господствовало племенное объединение торгоутов (торгутов), поэтому здесь очень много калмыцкой топонимики. Калмыцкие слова: ‘моһа’ (произносится – «моха́») означает «змея», ‘моһан’ («змеиный») (произносится – «мохан»), ‘моһархг’ («изобилующий змеями») (произносится – «мохархыг») [65, с. 353]. Таким образом, название лимана «Могу + та», может быть переведено как «место (где имеются/находятся/изобилуют) змеи». Учитывая, что эти рептилии часто концентрируются близ лиманов – это связано с особенностями их поведенческой биологии и физиологии – такое объяснение является наиболее приемлемым.

В Целинском районе Республики Калмыкия имеется балка Могута (Моһата) с такой же этимологией [73, с. 136].

Тингута́

Тингута́ (в прошлом Тангута́) – две реки (Малая и Большая), начинающиеся на восточном макросклоне Ергенинской возвышенности, соединяющиеся в единое русло у пос. Приволжский и впадающие в озеро Цацу. При этом в разных источниках этот гидроним упоминается в нескольких

вариантах: «Tüngunu-Schirä, Bach und Thal» (маршрут поездки студента Соколова из Царицына в Куманскую степь весной 1773 г.) [50, с. 583], «Tungutu» [51, Karte], «Тенгута» [3, с. 29], «Тангута», «Такгута», «Татута» [59, с. 58, 69]. По-видимому, наименование «Тингута/Тангута» наиболее близко к исходному, потому что жители соседнего Малодербетовского района Калмыкии до сих пор именно так предпочитают именовать эти реки и почитают данную местность как особую и даже священную (опросные сведения В. А. Сагалаева в 1999, 2002 гг.).

Относительно этимологии топонима в литературе существуют неудовлетворительные и противоречивые объяснения. Так, например, И. В. Крюкова и В. И. Супрун [67, с. 32] предлагают варианты ‘тангта’ – «ещё пригодный» и ‘танг’ – «слабый» со ссылкой на «Калмыцко-русский словарь», хотя на самом деле калмыцкое слово ‘танг’ (читается как «танг») переводится как «качество» [65, с. 476].

В калмыцком языке нет понятия, полностью соответствующего русскому слову «слабый»; имеются лишь а налоги вроде ‘аанахан’ (произносится как «аана́хан») – «плохой, неважный», ‘бичкн’ (произносится как «бичкын») – «маленький, мизерный, небольшой; мало», ‘жижж,г’ (произносится мягко как «чжичжиг») – «маленький, низкий, мелкий», ‘муута’ (произносится как «муута») – «плохой, скверный», ‘нарн’ (произносится как «нярын») – «тонкий, узкий» и др. [65, с. 19, 101, 227, 363, 372]. Очевидно, что приводимая выше этимология по этой причине не выдерживает критики.

Авторы «Словаря топонимов Республики Калмыкии» связывают название реки с калмыцким ‘түңгү’ (читается как «тюнгю») со значением «осот полевой» (*Sónchus arvénsis* L., *Asteráceae*) [73, с. 186]. Топоним «Тингута» известен, кроме юго-востока Волгоградской области, ещё и на юге Калмыкии в песчаном массиве «Чёрные земли» [ibid.]. Если в долине реки Тингуты имеются подходящие местообитания для влаголюбивого *осота полевого* – обитателя берегов водоёмов, заболоченных лугов, то среди песчаных барханов в Чёрных

землях осот полевой просто не может произрастать по причине сухости субстрата. Поэтому трактовать топоним «Тингута» как «местность, (где растёт) цветок ‘*туңгү* (осот полевой)» [ibid.], на наш взгляд, некорректно.

И. Г. Борисенко [7, с. 39] переводит этот гидроним с калмыцкого как «пенёк», хотя по-калмыцки «пень, срубленное дерево» – ‘*модна тээрсн*’ (читается как «модна тьярсын») или реже ‘*хожүл*’ (читается как «хочжюль») – дословно «дубина, чурбáн» [65, с. 354, 592]; в то же время, ‘*туңг*’ (читается как «тюнге») – «основание (травы); пень (дерева)» (*торгутское слово*) [65, с. 523]. Интересная гипотеза, позволяющая понимать топоним «Тингута/Тангута» как «выпасаемое место, пастбище», где от деревьев остались лишь пенки, а травяной покров съеден пасущимся скотом до основания дернины.

С другой стороны, гидроним «Тингута/Тангута» с известными допущениями можно было бы перевести с калмыцкого как «место, где (находится/находился) тангут» – ‘тангут’ + ‘та’. Тангуты – древний народ, основавший своё государство Си-ся или Великое Ся (982-1227 гг.) (Си-Ся – в переводе с тангутского – «Великое государство высокой белизны») в Северном Китае и оставившее заметный след в культуре и мифологии монголов, бурят, тибетцев и ойратов-калмыков [19; 20]. Ойратские племена торгоутов и хошеутов не позднее конца XIV в. уже кочевали близ Тибета и на землях Тангута, т. е. в Северном Тибете [13, с. 87]. У калмыков – тангутское – значит тибетское и связано с основными представлениями буддизма. Отголоски о тангутском (тибетском) царстве встречаются в калмыцком эпосе Джангр в виде описания сказочной страны Бумбе [10, с. 23, 35, 38, 185, 229, 351 и др.; 6]. Иносказательно – «тангут-та» – это «хорошее, счастливое, святое место». Возможно, так и должен восприниматься гидроним «Тингута/Тангута».

Харсэй

Харсэй – наименование озера в пойме Дона напротив ст. Усть-Хопёрской [67, с. 192]. В пойме р. Цимлы имеется оз. Харсюха [60, с. 65]. Считается названием неясного происхождения [67, с. 192].

Топонимы с основой «харс/хорс» в бассейне Среднего и Нижнего Дона в пределах Волгоградской и Ростовской областей нередки. Так, например, в Волгоградская обл., помимо упомянутых выше, отмечены: оз. Харсей в долине Дона в Клетском районе; Хорсеев угол (и бугор) близ ст. Букановской и Хорсеев бугор в низовьях р. Едовли между ст. Федосеевской и ст. Слащёвской на правом берегу Хопра в Кумылженском р-не; Хорсеев луг на правом берегу Бузулука напротив ст. Алексеевской (рядом – Хорсеево озеро); оз. Харсев в долине Бузулука между хут. Исакиевским и хут. Ольховским в Алексеевском р-не; оз. Харсеево и Харсеево урочище на левобережье Дона напротив ст. Усть-Хопёрской в Серафимовичском р-не; Хорсеев луг и Хорсеев угол близ ст. Старогригорьевской Иловлинского р-на. В Ростовской обл. известны: хут. Харсеев (Хорсеев) Дубовского р-на на берегу Цимлянского водохранилища близ границы с Волгоградской обл., рядом с хутором располагается Харсеевское оз. и Харсеева балка; оз. Харсеев Лиман на правом берегу Дона в Багаевском р-не между г. Новочеркасском и ст. Багаевской. Очевидно, что этот перечень однокоренных географических названий далеко не полон, однако и он даёт представление о широком распространении подобного рода топонимов в регионе. Анализ этимологии названий топонимов в бассейне Среднего и Нижнего Дона с основой «хорс/харс» в литературе, если исключить небольшую и малоизвестную краеведческую заметку Е. И. Кравченко [15, с. 2] и перечень региональных топонимов с основой на «хорс/харс» [31, с. 167], не проводился.

Можно было бы предположить, что все эти топонимы образованы от мужского имени «Харисий»/«Харитон» (народное диалектное – «Харитоша», «Харисей», «Хорсей/Харсей») [43] или фамилии «Харитонов» («Харитошин», «Хорсеев/Харсеев»), однако эта фамилия на Дону – одна из самых мало распространённых [43, с. 91] и потому эта гипотеза выглядит маловероятной.

Гораздо более привлекательным выглядит другое предположение и объяснение этой группы топонимов. По свидетельству местных жителей, Хорсеев угол в Кумылженском районе и Хорсеев луг близ ст. Алексеевской

издавна и вплоть до недавних пор оставались местами народных гуляний на майские праздники, на Троицу, Иванов день, на Спас и другие дохристианские по своему происхождению праздники. По-видимому, это далеко не случайно. Как не случайна и концентрация этих топонимов в долинах Дона, Хопра и Бузулука – мест компактного проживания современных казаков и их предков, среди которых были и тюркоязычные, и ираноязычные (аланы) этносы.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что вышеприведённые топонимы могут быть связаны с именем древнерусского божества Хорса (Хърса). Он упоминается в «Слове о полку Игореве» и в некоторых других литературных источниках; считается божеством солнечного света (солнечного диска) индоиранского (скифо-сарматского?) происхождения [64, с. 594; 29, с. 584; 78, с. 267]. По преданию, идол этого бога стоял в Киеве и почитался наряду с другими богами [64, с. 594]. Следует также отметить, что в славянских языках сохранилось свидетельство о давних контактах с ираноязычными народами в виде слова «хорошо»/«хороший» (т.е., «к Хорсу относящийся», «Хорсу принадлежащий») со старшим значением «прекрасный»/«лучезарный» [79, с. 352–353; 78, с. 267]; по-осетински 'horz' (читается «хорц») означает «хороший, добрый, славный; добро, благо, хорошо» [52, с. 217].

Заключение

Проведенное лингвокультурологическое исследование топонимии Волгоградской области позволяет сформулировать следующие основные выводы. В ходе исследования установлено, что географические названия исследуемого региона выступают в роли культурно-исторических маркеров, фиксирующих и транслирующих во времени значимые этапы освоения территории, этнические миграции, хозяйственный уклад и духовные приоритеты населения. Топонимический материал Волгоградской области наглядно демонстрирует способность ономастической лексики аккумулировать

экстралингвистическую информацию и служить источником реконструкции исторического прошлого.

Анализ этимологии, структурно-словообразовательных моделей и семантической динамики отобранных для анализа топонимов позволил верифицировать тезис о диалектической связи языка и культуры. Установлено, что выбор номинативных признаков при создании географического имени (свойства ландшафта, антропонимы, события, сакральные объекты) непосредственно отражает систему ценностей и особенности мировосприятия этноса в конкретный исторический период.

В целом, результаты исследования вносят вклад в разработку проблем ономастики и лингвокультурологии, демонстрируя эвристический потенциал анализа регионального топонимического материала для реконструкции языковой картины мира и выявления механизмов сохранения культурной памяти этноса.

Список литературы:

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы, лингвокультурные коды // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. № 1 (5). С. 115–124.
2. Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Государст. Эрмитажа, 1962. 521 с.
3. Барбот-де-Марни Н. Геолого-орографический очерк Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель (с геологической картой) // Записки Императ. Рус. географ. общ-ва. Кн. 3. Отд. II. 1862. С. 1–128.
4. Батыров В. В. Растительная пища в рационе калмыков XIX в. *Oriental Studies*. Т. 2. № 2. 2009. С. 73–75.
5. Батыров В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 226 с.

6. Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Проблемы типологии национальных версий. Элиста, 1990. 154 с.
7. Борисенко И. В. Топонимика Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста: Калм. НИИ ист., филол., 1983. С. 35–51.
8. Бугаева И. В. Прецедентный топоним как политический символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 124–135.
9. Даль Л. В. Матеріалы для исторіи русскаго гражданскаго зодчества // Зодчій (Архитектурный и художественно-технический журнал, издаваемый С.-Петербургскимъ обществомъ архитекторовъ) (ежемесячное издание). СПб, 1874 (год 3-й). № 3 (март). С. 30–32; № 7 (июль). С. 93–94; № 12 (декабрь). С. 153–155.
10. Джангар. Калмыцкий героический эпос. Т. 2. На калмыцком языке. Элиста: Калмыцкое книжн. изд-во. 1990. 476 с.
11. Долгачёв И. Г. Язык земли родного края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1986. 144 с.; 2-е изд., перераб. и доп. 1989. 144 с.
12. Записки путешествія академика Фалька / И. П. Фальк // Полное собраніе учёныхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академією Наукъ по предложенію ея Президента: съ примѣчаніями, изъясненіями, и дополненіями. Т. 6. Въ СанктПетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1824. X, II. 446 с.
13. Китинов Б. У. Торгоуты: к вопросу этногенеза и религиозной ориентации // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2017. Т. 9, № 1. С. 84–95.
14. Ковригина И. А. Икона в народной культуре старообрядцев Забайкалья // Вестник Иркутского госуд. технич. ун-та. 2011. № 1 (48). С. 286–288.
15. Кравченко Е. И. Топонимические тропы // Вестник Волгоградского отделения Русского Географического Общества. 2003. № 2. С. 2.

16. Краснокутская Н. В. Европа и европейские топонимы в Русской языковой картине мира // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 2 (80). С. 153–157.
17. Кротов О. С. Повседневный мир донских старообрядцев во второй половине XVIII века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 56–60.
18. Крюкова И. В., Супрун В. И. К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 75–85.
19. Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена. (Очерк об исследователях тангутской цивилизации). М.: Наука (ГРВЛ). 1965. 139 с.
20. Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств С.-Петербургского гос. ун-та, 2008. 767 с.
21. Лащилин Б. С. На родных просторах: записки краеведа. Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во. 1968. 192 с.
22. Литовкина А. М. Исследование семантики онимов с позиций когнитивной лингвистики // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 33–39.
23. Лонщаков М. Н. Возвращение Ас(Аз)Саков: Дорогой легендарных предков. Исторический очерк / М. Н. Лонщаков, Б. В. Мелехин, О. Н. Сеницын, В. В. Филичкин, Л. П. Попков, Л. П. Средзинская, Н. А. Попова. Челябинск: Изд-во «Издательский дом Олега Сеницына», ООО «Работа Плюс». 2008. 244 с.
24. Лысогорский Н. В. Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 г.). Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры. 1915. 800 с.
25. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1951. 451 с.
26. Муштанова О. Ю. Прецедентные топонимы в итальянском языке и проблема национальной идентичности // Культура и текст. 2024. № 4 (59). С. 149–160.

27. Поспелова Н. М., Чеснокова О. С. Топонимика Мексики: названия штатов и их столиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2005. № 1. С. 227–237.

28. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб. Изд. Импер. Академии Наук. 1893-1911. Т. 1, 1893; Т. 2, 1899; Т. 3, 1905; Т. 4, 1911. [Репринтное переиздание. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1963. 8495 с.]

29. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: «Русское слово». 1997. 824 с.

30. Рязанова Н. Е. Изменения площадей Сарпинских озёр в 2005–2016 гг. Причины и последствия / Н. Е. Рязанова, М. В. Кравчук // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: Матер. III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). С.-Петербург: Своё издательство, 2017. С. 26–32.

31. Сагалаев В. А. Биологическая топонимика Волгоградской области // Краеведение: биологическое и ландшафтное разнообразие природы Волгоградской области. Методическое пособие. М.: Глобус. 2008. С. 164–172.

32. Сагалаев В. А. Распространение водяного ореха (чилима) (*Trapa natans* L. s. l., *Traraseae*) в прошлом и настоящем на территории Волгоградской области и вопросы его охраны / В. А. Сагалаев, О. И. Жигачёва // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 11. Естествен. науки. 2011. №1 (1). С. 23–29.

33. Сень, Д. В. Старообрядчество на Дону в конце XVII века // Донской временник. Год 2013-й. Вып.21. Ростов на/Д., 2012. С. 111–114.

34. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / [Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев]. Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Наука. 2001. 822 с.

35. Суворов Е. К. Поездка по системе Сарпинских озёр // Изв. Императ. Русск. географ. общества. 1909. Т. 45. Вып. 7. С. 433–457.

36. Суперанская А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М.: Эдиториал УРСС. 2011. 178 с.
37. Супрун В. И. Топонимия Волго-Донской Переволоки на картах 12–16 вв. // Ономастика Поволжья: Материалы Шестой конференции. Ч. 2. / АН СССР, Институт этнологии и антропологии, Волгоградский государственный педагогический институт им. А. А. Серафимовича. М., 1992. С. 19–28.
38. Супрун В. И. О проекте словаря гидронимов Волгоградской области // Вопросы краеведения: Материалы V краеведческих чтений, посвящённых 80-летию Волгоградского областного краеведческого музея. Вып. 3. Волгоград; «Перемена». 1994. С. 191–194.
39. Таранец С. В. Старообрядчество Украины: вопросы истории и его современного состояния // Старообрядчество: история и культура. Сборн. статей. Вып. 2. Барнаул: Изд-во «Фонд поддержки...». 2003. С. 58–65.
40. Файзиева Г. В., Громова Н. В. Термины родства в топонимах южных регионов России // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3, № 4 (12). С. 94–104.
41. Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1174.
42. Хвесько Т. В., Черниченко О. Ю. Системообразующая роль мотивации топонимов в языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 132–135.
43. Щетинин Л. М. Русские имена (Очерки по донской антропонимии). Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та. 1972. 229 с.
44. Эрдниев У. Э. Историческая судьба ойратов. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1993. 80 с.
45. Яковлев С. В. Особенности водной фауны реки Голубой Донского бассейна / С. В. Яковлев, В. П. Горелов // Вопросы краеведения: Материалы краеведческих чтений и конференций [Материалы XIII и XIV областных краеведческих чтений и научно-практических конференций]. Вып. 8. Волгоград: Издатель. 2005. С. 507–511.

46. Яхъяева А. А. Англоязычные топонимы: внутренняя форма, структура и динамика / А. А. Яхъяева, Т. Д. Магомадова, Р. Д. Шамилева // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 448–453.

47. Denisenko O. V. Toponymic STUDY of the MAP of Spain: READING toponymic landscapes of ARABIC ORIGIN // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. 2023. No. 8. P. 47–52.

48. [Falk J. P.] Herrn Johann Peter Falk, Professors der Kräuterkunde beym Garten des Russisch- Kayserl. Medizinschen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in St. Petersburg. Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs / J. P. Falk. Bd. 1–3. St. Petersburg, gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1785–1786. Erster Band, welcher die Geschichte seine Reise von den Jahren 1768 bis 1773 und Beyträge zur physikalischen und politischen Erdbeschreibung etc. enthält. 1785. XII+ 402 S. + 7 S. Ill. + Karte.

49. Güldenstädt J. A. Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Rußisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. [Erste Theil]. St. Petersburg: bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1787. XXIV+511 S. + 1 Karte + XIII Platte.

50. [Pallas P. S.] P. S. Pallas D.A.D. Professors der Natur-Geschichte und ordentlichen Mitgliedes der Russisch-Kayserlichen Akademie d. W. der freyen oeconomischen Gesellschaft in St. Petersburg, wie auch der Römisch-Kayserlichen Akademie der Naturforscher und Königl. Engl. Societät; Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs / P.S. Pallas. Reise aus Sibirien zurück an die Wolga im 1773sten Jahr. Des Dritten Theils, Zweytes Buch. St. Petersburg: Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. S. 457-760 [Anhang zum dritten Theil. S. 691–760]; 47 Tab. 4 Karten.

51. Zwick H. A., Schill J. G. Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahr 1823 vom 26-ten May bis 21-ten August neuen Stils in Angelegenheiten der Russischen Bibel-Gesellschaft

unternommen von Hein. Aug. Zwick und Joh. Gottfr. Schill und von ersterem beschreiben / Н. А. Zwick, J. G. Schill.. Mit 1 Charte. Leipzig, bei Paul Gotthelf Kummer. 1827. 176 S. + 1 Karte.

Словари и справочники:

52. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Т. 4 (U-Z). Л.: Наука. 1989. 325 с.

53. Анненков Н. И. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб. 1878. 646 с.

54. Большой арабско-русский словарь (БАРС) URL: <https://bars.org.ru/?ysclid=lnzu8r1bae740998742> (дата обращения: 30.11.2025).

55. Большой русско-турецкий словарь / Н. Н. Богочанская, А. С. Торгашова. М.: ООО «Дом славянской книги». 2009. 609 с.

56. Большой толковый словарь донского казачества. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ». 2003. 608 с.

57. Борисов В. М. Арабско-русский словарь. М.: САМ-Интернешнл. 1993. 1119 с.

58. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1935. 528 с., 1 с. объявл., 2 вкл. л. карт. (Труды Историко-археографического института Академии наук СССР. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи; Т. 12, [вып. 2]).

59. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. Статистические описания губерний и областей Российской империи, по высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. Т. 5,

ч. 5: Астраханская губерния [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Безносилов]. СПб.: Типограф. Департ. Генераль. Штаба, 1852. [6], II, 176. 37 с.

60. Гомулов В. И. Второй Донской округ: Историко-географический справочник (XVIII – первая треть XX вв.) / В. И. Гомулов, В. И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО. 2007. 168 с.

61. Гочияева С. А., Суюичев Х. И. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык. 1989. 832 с.

62. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырёх томах / В. И. Даль. М.: Издат. Центр «Терра». 1994. Т. 1. (А-З). 800 с.; Т. 2, (И-О). 779 с.; Т. 4. (Р-В). 688 с.

63. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. 1969. XXXVIII, 676 с.

64. Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологический словарь. М.: «Советская энциклопедия». 1991. С. 594.

65. Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык. 1977. 765 с.

66. Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Супрун В. И. Топонимический словарь Республики Калмыкия. Элиста: НПП «Джангар», 2017. 272 с.

67. Крюкова И. В. Реки и водоёмы Волгоградской области: Гидронимический словарь / И. В. Крюкова, В. И. Супрун. Волгоград: Перемена. 2002. 216 с.

68. Крюкова И. В. Реки и водоёмы Волгоградской области: Гидронимический словарь / И. В. Крюкова, В. И. Супрун. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО (Ленинск). 2009. 379 с.

69. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону. 1929. 416 с.

70. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль. 1984. 653 с.

71. Русско-арабский. Арабско-русский словарь. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига. 2005. 226 с.

72. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука. 1974. 768 с.

73. Словарь топонимов Республики Калмыкия. Хальмг Таңһчин һазр-усна нердин толь-бичг / Сост.: Д. Б. Гедеева, Б. Э. Убушиева, Л. А. Лиджиева, Б. В. Баринаова. Элиста: КалмНЦ РАН. 2019. 344 с.

74. Татарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия. 1966. 863 с.

75. Туркменско-русский словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1968. 832 с.

76. Узбекско-русский словарь. Ташкент: Изд-во Узбекс. филиала АН СССР. 1941. 736 с.

77. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. 1 том (А-Д). М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во Аст». 2003. 588 с.

78. Фасмер. М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. 4 том (Т-Ящур). М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во Аст». 2003. 864 с.

79. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1–2, М.: Русский язык. 1994. Т. 2, 560 с.

Интернет-источники:

80. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гумрак_\(Волгоград\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гумрак_(Волгоград))

References:

1. Abramova V. I., Arxangel'skaya Yu. V. Inokul'turny`e toponimy`, e`tnonimy` i ix derivaty` v russkoj leksike i frazeologii: simvol`, e`talony`, stereotipy`, lingvokul'turny`e kody` // Tul'skij nauchny`j vestnik. Seriya Istoriya. Yazy`koznanie. 2021. № 1 (5). S. 115–124.

2. Artamonov M. I. Istoriya xazar. L.: Izd-vo Gosudarst. E`rmitazha, 1962. 521 s.

3. Barbot-de-Marni N. Geologo-orograficheskij ocherk Kalmy`czkoj stepi i priljezhashhix k nej zemel` (s geologicheskoyu kartoyu) // Zapiski Imperat. Rus. geograf. obshh-va. Kn. 3. Otd. II. 1862. S. 1–128.

4. Baty`rov V. V. Rastitel`naya pishha v racione kalmy`kov XIX v. *Oriental Studies*. T. 2, № 2. 2009. S. 73–75.
5. Baty`rov V. V. Ocherki istorii tradicionnoj kul`tury` kalmy`kov vtoroj poloviny` XIX v. E`lista: KIGI RAN, 2016. 226 s.
6. Bitkeev N.Cz. Kalmy`czkij geroicheskiy e`pos «Dzhangar». Problemy` tipologii nacional`ny`x versij. E`lista, 1990. 154 s.
7. Borisenko I. V. Toponimika Ergenej (dorevolucionny`j period) // *Onomastika Kalmy`kii*. E`lista: Kalm. NII ist., filol., 1983. S. 35–51.
8. Bugaeva I. V. Precedentny`j toponim kak politicheskiy simbol // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov*. Seriya: Teoriya yazy`ka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9, № 1. S. 124–135.
9. Dal` L. V. Materialy` dlya istorii russkogo grazhdanskogo zodchestva // *Zodchij (Arxitekturny`j i xudozhestvenno-texnicheskij zhurnal``, izdavaemy`j S.-Peterburgskim`` obshhestvom`` arxitektorov``)* (ezhemesyachnoe izdanie). SPb, 1874 (god 3-j). № 3 (mart). S. 30–32; № 7 (iyul`). S. 93–94; № 12 (dekabr`). S. 153–155.
10. Dzhangar. Kalmy`czkij geroicheskiy e`pos. T. 2. Na kalmy`czkom yazy`ke. E`lista: Kalmy`czkoe knizhn. izd-vo. 1990. 476 s.
11. Dolgachyov I. G. Yazy`k zemli rodnogo kraja. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1986. 144 s.; 2-e izd., pererab. i dop. 1989. 144 s.
12. Zapiski puteshestviya akademika Fal`ka / I. P. Fal`k // *Polnoe sobranie uchyony`x`` puteshestvij po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademieyu Nauk`` po predlozheniyu eya Prezidenta: s`` prim`chaniyami, iz``yasneniyami, i dopolneniyami*. T. 6, V`` SanktPeterburgb, pri Imperatorskoj Akademii Nauk``, 1824. X, II. 446 s.
13. Kitinov B. U. Torgouty`: k voprosu e`tnogeneza i religioznoj orientacii // *Vestnik Ross. un-ta družby` narodov*. Seriya: Vseobshhaya istoriya. 2017. T. 9, № 1. S. 84–95.
14. Kovrigina I. A. Ikona v narodnoj kul`ture staroobryadcev Zabajkal`ya // *Vestnik Irkutskogo gosud. texnich. un-ta*. 2011. № 1 (48). S. 286–288.

15. Kravchenko E. I. Toponimicheskie tropy` // Vestnik Volgogradskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo Obshhestva. 2003. № 2. S. 2.
16. Krotov O. S. Povsednevny`j mir donskix staroobryadcev vo vtoroj polovine XVIII veka // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvenny`e nauki. 2017. № 4. S. 56–60.
17. Kryukova I. V., Suprun V. I. K istoriko-lingvisticheskomu izucheniyu donskoj gidronimii // Voprosy` onomastiki. 2004. № 1. S. 75–85.
18. Ky`chanov E. I. Zvuchat lish` pis`mena. (Ocherk ob issledovatelyax tangutskoj civilizacii). M.: Nauka (GRVL). 1965. 139 s.
19. Ky`chanov E. I. Istoriya tangutskogo gosudarstva. SPb.: Fakul`tet filologii i iskusstv S.-Peterburgskogo gos. un-ta, 2008. 767 s.
20. Krasnokutskaya N. V. Evropa i evropejskie toponimy` v Russkoj yazy`kovej kartine mira // E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura. 2015. № 2(80). S. 153–157.
21. Lashhilin B. S. Na rodney`x prostorax: zapiski kraevedy. Volgograd: Nizhne-Volzh. kn. izd-vo. 1968. 192 s.
22. Litovkina A. M. Issledovanie semantiki onimov s pozicij kognitivnoj lingvistiki // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 3. S. 33–39.
23. Lonshhakov M. N. Vozvrashhenie As(Az)Sakov: Dorogoj legendarny`x predkov. Istoricheskij ocherk / M. N. Lonshhakov, B. V. Melexin, O. N. Sinicyn, V. V. Filichkin, L. P. Popkov, L. P. Sredzinskaya, N. A. Popova. Chelyabinsk: Izd-vo «Izdatel`skij dom Olega Sinicyna», OOO «Rabota Plyus». 2008. 244 s.
24. Ly`sogorskij, N. V. Edinoverie na Donu v XVIII i XIX v. (po 1883 g.). Sergiev Posad: Tipografiya Sv.-Tr. Sergievoj Lavry`. 1915. 800 s.
25. Malov S. E. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis`mennosti. Teksty` i issledovaniya. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1951. 451 s.
26. Mushtanova O. Yu. Precedentny`e toponimy` v ital`yanskom yazy`ke i problema nacional`noj identichnosti // Kul`tura i tekst. 2024. № 4 (59). S. 149–160.

27. Pospelova N. M., Chesnokova O. S. Toponimika Meksiki: nazvaniya shtatov i ix stolicz // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Russkij i inostranny`e yazy`ki i metodika ix prepodavaniya. 2005. № 1. S. 227–237.
28. Radlov V. V. Opy`t slovarya tyurkskix narechij. T. 1–4. SPb. Izd. Imper. Akademii Nauk. 1893–1911. T. 1, 1893; T. 2, 1899; T. 3, 1905; T. 4, 1911. [Reprintnoe pereizdanie. M.: Izd-vo vostoch. lit-ry`, 1963. 8495 s.]
29. Ry`bakov B. A. Yazy`chestvo drevnix slavyan. M.: «Russkoe slovo». 1997. 824 s.
30. Ryazanova N. E. Izmeneniya ploshhadej Sarpinskix ozyor v 2005–2016 gg. Prichiny` i posledstviya / N. E. Ryazanova, M. V. Kravchuk // Nauki o Zemle: vchera, segodnya, zavtra: Mater. III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyul` 2017 g.). S.-Peterburg: Svoyo izdatel`stvo, 2017. S. 26–32.
31. Sagalaev V. A. Biologicheskaya toponimika Volgogradskoj oblasti // Kraevedenie: biologicheskoe i landshaftnoe raznoobrazie prirody` Volgogradskoj oblasti. Metodicheskoe posobie. M.: Globus. 2008. S. 164–172.
32. Sagalaev V. A. Rasprostranenie vodyanogo orexa (chilima) (Trapa natans L. s. l., Trapaceae) v proshlom i nastoyashhem na territorii Volgogradskoj oblasti i voprosy` ego oxrany` / V. A. Sagalaev, O. I. Zhigachyova // Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Ser. 11. Estestven. nauki. 2011. № 1 (1). S. 23–29.
33. Sen`, D. V. Staroobryadchestvo na Donu v konce XVII veka // Donskoj vremennik. God 2013-j. Vy`p.21. Rostov na/D., 2012. S. 111–114.
34. Sravnitel`no-istoricheskaya grammatika tyurkskix yazy`kov: Leksika / [E`. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dy`bo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev]. Ros. akad. nauk, In-t yazy`koznaniya. M.: Nauka. 2001. 822 s.
35. Suvorov E. K. Poezdka po sisteme Sarpinskix ozyor // Izv. Imperat. Russk. geograf. obshhestva. 1909. T. 45, Vy`p. 7. S. 433–457.
36. Superanskaya A. V. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskix nazvanij. M.: E`ditorial URSS. 2011. 178 s.

37. Suprun V. I. Toponimiya Volgo-Donskoj Perevoloki na kartax 12-16 vv. // Onomastika Povolzh`ya: Materialy` Shestoj konferencii. Ch. 2. / AN SSSR, Institut e`tnologii i antropologii, Volgogradskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij institut im. A.A. Serafimovicha. M., 1992. S. 19–28.
38. Suprun V. I. O proekte slovarya gidronimov Volgogradskoj oblasti // Voprosy` kraevedeniya: Materialy` V kraevedcheskix chtenij, posvyashhyonny`x 80-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Vy`p. 3. Volgograd; «Peremena». 1994. S. 191–194.
39. Taranez S. V. Staroobryadchestvo Ukrainy`: voprosy` istorii i ego sovremennogo sostoyaniya // Staroobryadchestvo: istoriya i kul`tura. Sborn. statej. Vy`p. 2. Barnaul: Izd-vo «Fond podderzhki...». 2003. S. 58–65.
40. Fajzieva G. V., Gromova N. V. Terminy` rodstva v toponimax yuzhny`x regionov Rossii // Lingvistika i obrazovanie. 2023. T. 3, № 4 (12). S. 94–104.
41. Fatkullina F. G. Toponimy` kak komponent yazy`kovoju kartiny` mira // Sovremennye problemy` nauki i obrazovaniya. 2015. № 1–1. S. 1174.
42. Xves`ko T. V., Chernichenko O. Yu. Sistemoobrazuyushhaya rol` motivacii toponimov v yazy`kovoju kartine mira // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki. 2011. № 1 (26). S. 132–135.
43. Shhetinin L. M. Russkie imena (Ocherki po donskoju antroponimii). Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta. 1972. 229 s.
44. E`rdniev U. E`. Istoricheskaya sud`ba ojratov. E`lista: Kalm. kn. izd-vo. 1993. 80 s.
45. Yakovlev S. V. Osobennosti vodnoj fauny` reki Goluboj Donskogo bassejna / S. V. Yakovlev, V. P. Gorelov // Voprosy` kraevedeniya: Materialy` kraevedcheskix chtenij i konferencij [Materialy` XIII i XIV oblastny`x kraevedcheskix chtenij i nauchno-prakticheskix konferencij]. Vy`p. 8. Volgograd: Izdatel`. 2005. S. 507–511.

46. Yax`yaeva A. A. Angloyazy`chny`e toponimy`: vnutrennyaya forma, struktura i dinamika / A. A. Yax`yaeva, T. D. Magomadova, R. D. Shamileva // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3. S. 448–453.

47. Denisenko O. V. Toponymic STUDY of the MAP of Spain: READING toponymic landscapes of ARABIC ORIGIN // Opy`t i perspektivy` obucheniya inostranny`m yazy`kam v evrazijskom obrazovatel`nom prostranstve. 2023. No. 8. P. 47–52.

48. [Falk J. P.] Herrn Johann Peter Falk, Professors der Kräuterkunde beym Garten des Russisch- Kayserl. Medizinischen Kollegiums, auch Mitglieds der freyen Oekonomischen Societät in St. Petersburg. Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs / J. P. Falk. Bd. 1–3. St. Petersburg, gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1785–1786. Erster Band, welcher die Geschichte seine Reise von den Jahren 1768 bis 1773 und Beyträge zur physikalischen und politischen Erdbeschreibung etc. enthält. 1785. XII+ 402 S. + 7 S. Ill. + Karte.

49. Güldenstädt J. A. Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Rußisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P. S. Pallas. [Erste Theil]. St. Petersburg: bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1787. XXIV+511 S. + 1 Karte + XIII Platte.

50. [Pallas P. S.] P. S. Pallas D.A.D. Professors der Natur-Geschichte und ordentlichen Mitgliedes der Russisch-Kayserlichen Akademie d. W. der freyen oeconomischen Gesellschaft in St. Petersburg, wie auch der Römisch-Kayserlichen Akademie der Naturforscher und Königl. Engl. Societät; Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs / P.S. Pallas. Reise aus Sibirien zurück an die Wolga im 1773sten Jahr. Des Dritten Theils, Zweytes Buch. St. Petersburg: Kayserlichen Akademie der Wissenschaften, 1776. S. 457–760 [Anhang zum dritten Theil. S. 691–760]; 47 Tab. 4 Karten.

51. Zwick H. A., Schill J. G. Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahr 1823 vom 26-ten May bis 21-ten August neuen Stils in Angelegenheiten der Russischen Bibel-Gesellschaft

unternommen von Hein. Aug. Zwick und Joh. Gottfr. Schill und von ersterem beschreiben / H. A. Zwick, J. G. Schill.. Mit 1 Charte. Leipzig, bei Paul Gotthelf Kummer. 1827. 176 S. + 1 Karte.

Slovari i spravochniki:

52. Abaev V. I. Istoriko-e`timologicheskij slovar` osetinskogo yazy`ka. V 4-x t. T. 4 (U-Z). L.: Nauka. 1989. 325 s.

53. Annenkov N. I. Botanicheskij slovar`. Spravochnaya kniga dlya botanikov, sel`skix xozyaev, sadovodov, lesovodov, farmacevtov, vrachej, drogistov, puteshestvennikov po Rossii i voobshhe sel`skix zhitelej. SPb. 1878. 646 s.

54. Bol`shoj arabsko-russkij slovar` (BARS) URL: <https://bars.org.ru/?ysclid=lnzu8r1bae740998742> (data obrashheniya: 30.11.2025).

55. Bol`shoj russko-tureczkij slovar` / N. N. Bogochanskaya, A. S. Torgashova. M.: OOO «Dom slavyanskoj knigi». 2009. 609 s.

56. Bol`shoj tolkovy`j slovar` donskogo kazachestva. M.: OOO «Russkie slovari»: OOO «Izdatel`stvo Astrel`»: OOO «Izdatel`stvo AST». 2003. 608 s.

57. Borisov V. M. Arabsko-russkij slovar`. M.: SAM-Interneshnl. 1993. 1119 s.

58. Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.). M.: Izd-vo Vsesoyuz. ob-va politkatorzhan i ssy`l`no-poselencev. 1935. 528 s., 1 s. ob`yavl., 2 vkl. 1. kart. (Trudy` Istoriko-arxeograficheskogo instituta Akademii nauk SSSR. Krest`yanskije i nacional`ny`e dvizheniya nakanune obrazovaniya Rossijskoj imperii; T. 12, [vy`p. 2]).

59. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii, izdavaemoe po vy`sochajshemu povelenu pri 1-m otdelenii Departamenta General`nogo shtaba [trudami oficerov General`nogo shtaba]. Statisticheskie opisaniya gubernij i oblastej Rossijskoj imperii, po vy`sochajshemu povelenu izdavaemy`e Departamentom General`nogo shtaba Voennogo ministerstva. T. 5, ch. 5: Astraxanskaya guberniya [po rekognoscirovkam i materialam, sobr. na meste, sost. Beznosikov]. SPb.: Tipograf. Depart. General`. Shtaba, 1852. [6], II, 176. 37 s.

60. Gomulov V. I. Vtoroj Donskoj okrug: Istoriko-geograficheskiy spravochnik (XVIII – pervaya tret` XX vv.) / V. I. Gomulov, V. I. Suprun. Volgograd: Izd-vo VGIPK RO. 2007. 168 s.
61. Gochiyaeva S. A., Suyuichev X. I. Karachaevo-balkarsko-russkiy slovar`. M.: Russkiy yazy`k. 1989. 832 s.
62. Dal` V. I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka v chety`ryox tomax / V. I. Dal`. M.: Izdat. Centr «Terra». 1994. T. 1. (A-Z). 800 s.; T. 2. (I-O). 779 s.; T. 4. (R-V). 688 s.
63. Drevnetyurkskiy slovar`. L.: Nauka. 1969. XXXVIII, 676 s.
64. Ivanov V. V., Toporov V. N. Mifologicheskiy slovar`. M.: «Sovetskaya e`nciklopediya». 1991. S. 594.
65. Kalmy`czko-russkiy slovar`. M.: Russkiy yazy`k. 1977. 765 s.
66. Kichikova N. A., Mandzhieva E`. B., Suprun V. I. Toponimicheskiy slovar` Respubliki Kalmy`kiya. E`lista: NPP «Dzhangar», 2017. 272 s.
67. Kryukova I. V. Reki i vodoyomy` Volgogradskoj oblasti: Gidronimicheskiy slovar` / I. V. Kryukova, V. I. Suprun. Volgograd: Peremena. 2002. 216 s.
68. Kryukova I. V. Reki i vodoyomy` Volgogradskoj oblasti: Gidronimicheskiy slovar` / I.V. Kryukova, V.I. Suprun. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izd-vo VGAPK RO (Leninsk).2009. 379 s.
69. Mirtov A. V. Donskoj slovar`. Materialy` k izucheniyu leksiki donskix kazakov. Rostov-na-Donu. 1929. 416 s.
70. Murzaev E`. M. Slovar` narodny`x geograficheskix terminov. M.: My`sl`. 1984. 653 s.
71. Russko-arabskiy. Arabsko-russkiy slovar`. M.: Astrel`: AST: Tranzitkniga. 2005. 226 s.
72. Sevortyan E`.V. E`timologicheskiy slovar` tyurkskix yazy`kov. M.: Nauka. 1974. 768 s.

73. Slovar` toponimov Respubliki Kalmy`kiya. Xal`mg Таҥhchin hazr-usna nerdin tol`-bichg / Sost.: D. B. Gedeeva, B. E`. Ubushieva, L. A. Lidzhieva, B. V. Barinova. E`lista: KalmNCz RAN. 2019. 344 s.

74. Tatarsko-russkij slovar`. M.: Sovetskaya e`nciklopediya. 1966. 863 s.

75. Turkmensko-russkoj slovar`. M.: Izd-vo «Sovetskaya e`nciklopediya». 1968. 832 s.

76. Uzbeksko-russkij slovar`. Tashkent: Izd-vo Uzbeks. filiala AN SSSR. 1941. 736 s.

77. Fasmer M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka. V 4-x tomax. 1 tom (A-D). M.: OOO «Izd-voAstrel`»: OOO «Izd-vo Ast». 2003. 588 s.

78. Fasmer. M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka. V 4-x tomax. 4 tom (T-Yashhur). M.: OOO «Izd-voAstrel`»: OOO «Izd-vo Ast». 2003. 864 s.

79. Cherny`x P. Ya. Istoriko-e`timologicheskij slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka. T.1–2, M.: Russkij yazy`k. 1994. T. 2, 560 s.

Internet-istochniki:

80. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Gumrak_\(Volgograd\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Gumrak_(Volgograd))

Информация об авторах:

В. А. Сагалаев – доктор биологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет

Г. В. Файзиева – доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

V. A. Sagalaev – D. Sc. in Biology, Professor, Volgograd State University

G. V. Fayzieva – D. Sc. in Philology, Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Вклад авторов:

В. А. Сагалаев – научное руководство; разработка концепции исследования; сбор материала исследования; опросные сведения; проведение, обзор и анализ выборки; написание исходного текста; доработка текста.

Г. В. Файзиева – развитие методологии; теоретический обзор; анализ выборки; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

V. A. Sagalaev – scientific guidance; development of the research concept; conducting of research materials; survey information; a sample conducting and analyzing; the source text writing; text revision.

G. V. Fayzieva – development of methodology; theoretical review; a sample analyzing; the source text writing; text revision; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 07.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 20.02.2026; approved after reviewing 07.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81'32:36

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СПОРТИВНЫХ ПРОЗВИЩ В АНГЛИЙСКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Алина Буранбаевна Даулетова

АНО «Центр прогресса бокса», Москва, Россия

dauletova.alina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу спортивных прозвищ как единиц вторичной номинации в английской, французской и русской лингвокультурах. Рассматриваются структурно-словообразовательные модели, семантические типы, прагматические и дискурсивные функции данных номинаций в спортивной коммуникации. Выявляются универсальные механизмы образования прозвищ (метафоризация, метонимизация, аффиксация, усечение, игровая деривация), а также национально-культурные особенности их функционирования. Установлено, что англоязычная традиция характеризуется прагматичностью и брендообразующей направленностью, французская – образно-эстетической доминантой и стилистической изысканностью, русская – разговорно-экспрессивным, эмоционально-солидаризирующим характером. Полученные результаты позволяют расширить представления о роли неофициальной антропонимии в спортивной коммуникации и уточнить место спортивных прозвищ в системе вторичной номинации.

Ключевые слова: спортивный дискурс, прозвище, вторичная номинация, антропонимия, лингвокультура, словообразование, метафора, прагматика, сопоставительное языкознание, фанатская коммуникация

Для цитирования: Даулетова А. Б. К вопросу об особенностях формирования и функционирования спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 106–132.

**COMPARATIVE STUDIES
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81'32:36

**ON THE ISSUE OF THE PECULIARITIES OF THE FORMATION
AND FUNCTIONING OF SPORTS NICKNAMES IN ENGLISH, FRENCH
AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES**

Alina B. Dauletova

ANCO «Boxing Progress Center», Moscow, Russia

dauletova.alina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to comparative analysis of sports nicknames as units of secondary nomination in English, French and Russian language cultures. The structural and word-formation models, semantic types, pragmatic and discourse functions of these classifications in sports communication are considered. The universal mechanisms of the formation of nicknames (metaphorization, metonymization, affixation, truncation, playful derivation) are revealed, as well as the national and cultural features of their functioning. It has been established that the

English-speaking tradition is characterized by pragmatism and a brand-shaping orientation, the French one – by an aesthetic orientation and stylistic sophistication, and the Russian one – by a colloquial, expressive, and emotionally solidarity-building nature. The results obtained allow expanding the ideas on the role of unofficial anthropomony in sports communication and clarifying the place of sports nicknames in the secondary nomination system.

Keywords: sports discourse, nickname, secondary nomination, anthropology, linguistics, vocabulary, metaphor, pragmatics, comparative linguistics, fan communication

For citation: Dauletova A. B. On the issue of the peculiarities of the formation and functioning of sports nicknames in english, french and russian linguistic cultures // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 106–132. (In Russ.).

Введение

Спортивная коммуникация представляет собой динамичную сферу современного дискурса, характеризующуюся высокой экспрессивностью, эмоциональной насыщенностью и активным использованием неофициальных номинаций. Одним из ярких проявлений данной тенденции являются спортивные прозвища – вторичные именованья спортсменов, команд и клубов, возникающие в среде болельщиков, журналистов и самих участников спортивного сообщества.

Спорт в современном обществе выступает не только как вид физической активности или соревновательной практики, но и как важнейший социокультурный феномен, формирующий коллективные идентичности, ценностные установки и коммуникативные практики. Спортивная коммуникация охватывает широкий спектр дискурсов – от официальных репортажей и аналитических комментариев до фанатского фольклора и интернет-сленга. Одной из наиболее ярких и продуктивных форм языковой креативности в данной сфере являются спортивные прозвища.

Настоящее исследование является актуальным в связи с возрастающей ролью спорта как социокультурного феномена и необходимостью изучения языковых средств, формирующих коллективную идентичность и оценку в различных лингвокультурах, в связи с чем определение особенностей формирования и функционирования спортивных прозвищ в национальных лингвокультурах приобретают особую значимость.

Цель статьи – выявить и описать специфику формирования и функционирования спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах, установив, как типологические, так и национально-культурно обусловленные особенности их семантики, структуры и прагматики.

В работе применялись следующие методы:

- *Описательный метод* (для систематизации материала, выделения структурных и семантических типов спортивных прозвищ).
- *Сопоставительный анализ* (для выявления сходств и различий в системе спортивных прозвищ трёх лингвокультур).
- *Метод направленной выборки* из лексикографических источников, СМИ, спортивных трансляций и интернет-дискурса (для формирования корпуса прозвищ).
- *Лексикографический анализ* (при обращении к словарям сленга, жаргона, спортивной лексики, особенно для английского материала).
- *Элементы количественного анализа* (подсчёт частот моделей словообразования, доминирующих семантических групп, функциональных типов прозвищ).
- *Лингвокультурологический анализ* (интерпретация культурных коннотаций, прецедентных имён, стереотипов, отражённых в спортивных прозвищах).

Материал исследования отбирался методом направленной выборки из спортивных СМИ (спортивные интернет-порталы: Sport24.ru, Championat.com, Sportbox.ru, Спорт-Экспресс, BBC Sport, Sky Sports, The Guardian, France

Football, L'Équipe), биографий («Alex Ferguson: My Autobiography» (2013), «Becks: Both Feet on the Ground» by David Beckham (2003), «Zidane: Le roman d'une victoire» by Dan Franck (1998), «Легенда ММА – Фёдор Емельяненко» Аля Рогожина (2025)), специализированных словарей («Alex Ferguson: My Autobiography» (2013); «Becks: Both Feet on the Ground» by David Beckham (2003); «Zidane: Le roman d'une victoire» by Dan Franck (1998); «Легенда ММА – Фёдор Емельяненко» Аля Рогожина (2025); Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева «Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле-оле!!!»; Владимир Козлов Фанатско-русский словарь «Фанаты. Прошлое и настоящее российского околофутбола») и фан-ресурсов (Rusfan.ru, RedYarsk.ru).

Исследовательские результаты и их интерпретация

Спортивные прозвища относятся к разряду вторичной номинации и рассматриваются в рамках антропонимики и прагмалингвистики. Они выполняют номинативную, оценочную, идентификационную и экспрессивную функции. В отличие от официальных имён, прозвища обладают высокой образностью, метафоричностью и контекстной обусловленностью. Вторичная номинация представляет собой процесс наименования объекта посредством уже существующих языковых средств, основанный на переносе значения, ассоциациях или переосмыслении. В отличие от первичной номинации, она обладает ярко выраженной субъективностью и оценочностью.

Прозвища занимают особое место в системе неофициальной антропонимии. Они не закреплены юридически, ситуативны, экспрессивны, тесно связаны с коллективной оценкой.

Спортивная коммуникация, в рамках которой и возникают спортивные прозвища, характеризуется высокой эмоциональностью, динамичностью, конфликтностью (соревнование, противостояние), массовостью. Эти параметры создают благоприятную среду для появления ярких, запоминающихся номинаций.

Формирование спортивных прозвищ детерминировано совокупностью личностных, социокультурных факторов. Базой номинации выступает антропоним спортсмена, который подвергается различным лингвистическим модификациям – метафоризации, гиперболизации, ассоциативным трансформациям. Как справедливо отмечает Н. Н. Бобырева, исходное имя собственное функционирует как первичная языковая модель, обеспечивающая прозвищу устойчивую фиксацию в дискурсе и культурной памяти, что способствует его превращению в семиотически значимый и узнаваемый маркер [3].

Личностные характеристики спортсмена – одна из главных мотивирующих основ для возникновения прозвищ. Внутренние качества, такие как сила, выносливость, скорость, агрессивность или, наоборот, тактическая тонкость и интеллигентность, становятся предметом языкового отражения и метафорического кодирования. При этом жизненные обстоятельства, включая спортивные достижения, характер взаимодействия с командой и болельщиками, а также индивидуальные привычки, оказывают непосредственное влияние на выбор и закрепление прозвища. Например, российский хоккеист Александр Овечкин благодаря своему сокрушительному броску и мощи получил прозвище «Александр Великий», что кодирует его статус как фигуры исторического масштаба в хоккее. В английском языке широко известен пример легендарного хоккеиста Уэйна Гретцки, получившего прозвище «The Great One» (Великий). Данная номинация возникла не столько в результате метафорического переосмысления его фамилии, сколько как гиперболизированная реакция на его экстраординарные спортивные достижения и уникальное видение площадки. Во французской спортивной традиции показателен пример футболиста Лилиана Тюрама, которого болельщики и пресса называли «Le Rocher» (Скала). По аналогии с «Броней» в русском языке, данное прозвище возникло на основе метафоризации личностных характеристик спортсмена Владимира Крутова: оно кодирует его непробиваемость, надёжность и физическую мощь как

защитника, превращая антропоним в семиотически значимый маркер несокрушимости.

Культурные стереотипы и коллективные символические модели формируют основу для создания спортивных прозвищ как культурных конструкций. В российском медийном и фанатском пространстве часто используются архетипы, связанные с национальной историей, фольклором или кинематографом, которые служат источниками для языковых образов. Так, прозвища могут обращаться к типажам героев народных сказок, мифов или советских символов, что усиливает эмоциональную и символическую нагрузку, а также способствует формированию устойчивого образа спортсмена в массовом сознании [3].

Социальные взаимодействия играют ключевую роль в процессе появления и закрепления спортивных прозвищ. Они возникают в группах спортсменов, среди болельщиков, журналистов и экспертов, переходя из локальных сообществ в более широкое медиапространство. В этом процессе важна динамика коммуникативных актов, где прозвище становится средством идентификации, объединения и социального признания. Медийное воздействие усиливает этот эффект, так как средства массовой информации и социальные сети способствуют быстрому распространению новых прозвищ, часто сопровождая их рассказами, аналитикой и визуальным сопровождением, что способствует формированию их символического веса и культурного значения [3; 9].

Анализ спортивных прозвищ из российской спортивной практики демонстрирует множество типов мотиваций, лежащих в основе прозвищ [3; 13]. Так, футболиста Артёма Дзюбу называют «Дзюбастик» – уменьшительно-ласкательное прозвище, отражающее неформальное общение и эмоциональную близость болельщиков, а одновременно подчёркивающее его харизму и узнаваемость. Российского хоккеиста Сергея Широкова именуют «Буллит», что отсылает к его скоростной и точной силовой манере игры. Такие прозвища

возникают из сочетания личностных характеристик, выразительных языковых форм и культурных контекстов, подкрепляемых медийным вниманием и социальными реакциями.

Е. Б. Кузьмин, Р. Р. Азиуллин, Ю. П. Денисенко, А. А. Ионов, А. А. Гераськин, И. Ф. Андриюшин подчёркивают, что историко-философский анализ происхождения спортивных прозвищ раскрывает их двойственную природу – с одной стороны, они являются продолжением традиций именования, а с другой – продуктом социальной коммуникации и массовой культуры. Спортивное прозвище выступает как знаковый код, посредством которого индивидуальность спортсмена переводится в общественный символ, несущий ценности, ожидания и культурные смыслы. Его формирование зависит от мотивационной сферы спортсмена, в которую входят не только стремление к успеху, но и эмоциональное состояние, самоутверждение и социальные связи, а также от внешних факторов – оценки и представления в медиа и культуре [9; 12].

Возникновение спортивных прозвищ – сложный динамичный процесс, объединяющий лингвистические техники, психологию мотивации и культурные конструирования. Медиа и общественное мнение обеспечивают их актуализацию и распространение, превращая прозвища из локальных ярлыков в признанные культурные феномены. В результате спортивное прозвище не только выполняет функцию именования, но и становится важным элементом культурной идентичности спортсмена и символом коллективных представлений о спорте в российском обществе [11; 13].

Спортивные прозвища формируются на пересечении языковых и внеязыковых факторов, которые в совокупности определяют их лингвокультурную значимость и функционирование. Языковые механизмы создания прозвищ включают фонетические, морфологические, семантические и стилистические приёмы, свойственные каждой из рассматриваемых лингвокультур.

С точки зрения фонетики, спортивные прозвища часто отличаются лёгкостью произношения и выразительностью звуковой композиции, что способствует их запоминаемости и эмоциональной восприимчивости. В английском языке, например, широко распространены фонетические редукции, сокращения и игра с ритмом слов, что увеличивает динамичность прозвищ и облегчает их употребление в разговорной речи. Так, легендарный футболист сборной Англии Уэйн Руни (Wayne Rooney) часто именуется болельщиками и прессой просто «Wazza» (Уазза). Данное прозвище образовано путём типичной для английской разговорной речи редукции имени (Wayne → Waz) с добавлением характерного суффикса «-а», что создаёт динамичный, ритмичный и фамильярный вариант, удобный для скандирования на стадионах. Во французской лингвокультуре подобные прозвища могут включать аллитерации и ассонансы, усиливающие эстетическое восприятие имён. Например, прозвище футболиста Зинедина Зидана – «Zizou» (Зизу) – построено на повторении звонкого сонорного звука [z], что придаёт ему музыкальность и лёгкость. Русская практика выделяется частым использованием звукоподражательных элементов и интонационно окрашенных суффиксов, придающих прозвищам эмоциональную насыщенность и выразительность. Показательное детское прозвище хоккеиста Валерия Харламова – «Хорлик». Оно образовано от фамилии путём усечения основы (Харл- → Хорл-) с заменой гласной [a] на [o], что создаёт эффект большей мягкости и округлости звучания. Добавление уменьшительно-ласкательного суффикса *-ик* придаёт прозвищу фамильярный, «домашний» оттенок.

В зависимости от языка различаются и способы образования прозвищ. Так, в английской традиции часто используются словосложение и конверсия, что позволяет создавать новые названия без потери семантической прозрачности. Например, баскетболист Шакил О'Нил получил составное прозвище «Shaq-Fu» (Шак-Фу), объединяющее его сокращённое имя Shaq с названием боевого искусства кунг-фу – эта игровая номинация подчёркивает

его доминирующий, «боевой» стиль игры под кольцом. Применение суффиксов уменьшительно-ласкательного и ласкательно-пренебрежительного характера наблюдается во французском языке, что придаёт прозвищам особую образность и стилистическую окраску. Примером служит прозвище французского футболиста Тьерри Анри «Titi» (Тити) – это прозвище образовано путём редупликации слога из его имени *Thierry* и несёт оттенок фамильярной нежности. В России же преобладают суффиксация, усечение основ и аббревиатуры, несущие в себе оттенок народной речи и отражающие эмоциональную связь общества со спортом [18]. Футболиста Андрея Тихонова болельщики ласково называли «Тиша» – это прозвище образовано путём усечения фамилии Тихонов до корня *Тии-* с добавлением суффикса *-а*, характерного для русских уменьшительно-ласкательных форм личных имён.

Английские прозвища зачастую строятся на ассоциациях с животными, мифологическими образами, а также игровых характеристиках, что придаёт им универсальность и международную узнаваемость. Ярким примером служит прозвище боксера Майка Тайсона «Iron Mike» (Железный Майк), где мифологизированный образ несокрушимости сочетается с личным именем, создавая универсальный архетип воина. Тайсон получил это прозвище за то, что наносил свои удары будто железными кулаками. Во французской традиции прослеживаются изящные и артистичные метафоры, отражающие эстетическую сторону спорта. Полузащитника Мишеля Платини называли «Le Roi» (Король) – прозвище, несущее эстетический смысл: королевская элегантность, благородство движений, способность решать исход матча одним величественным касанием. Его стиль игры французы называли «футбол-балет», подчёркивая хореографическую точность каждого паса. Русские прозвища помимо описательной функции несут эмоционально-коммуникативную нагрузку, часто выражая коллективное отношение к спортсмену – от восхищения до иронии и критики [6]. Хоккеиста Павла Буре болельщики называли «Русская ракета» – это прозвище стало воплощением коллективного

восхищения и национальной гордости. Определение «русская» – не просто маркер происхождения, а эмоциональный идентификатор, символ триумфа отечественной хоккейной школы. Существительное «ракета» несёт гиперболическую нагрузку, обрастая в русском культурном сознании дополнительными смыслами: стремительный прорыв, преодоление земного притяжения, выход на недостижимый уровень.

Стилистические приёмы включают использование юмора, иронии, гиперболы и сокращений, что делает прозвища эффективным средством социальной коммуникации. В английской и французской культурах наблюдается тренд на лаконичность и выразительность, тогда как русские прозвища могут сочетать сложные эмоциональные оттенки и юмористическую интонацию, что отражает специфику национального взаимодействия и коллективного восприятия спортивных персонажей. В английской традиции лаконичность достигается за счёт односложных или ритмичных форм, легко запоминающихся и скандируемых. Например, баскетболист Дуэйн Уэйд получил прозвище «Flash» (Вспышка) – одно слово, мгновенно создающее образ молниеносного, взрывного игрока. Французская традиция также тяготеет к выразительной лаконичности, но с обязательным эстетическим оттенком. Велогонщика Анри Корне, за его весёлый нрав прозвали «Le Rigolo» (Джокер) – лаконичное прозвище, метко схватившее главную черту характера спортсмена. Слово «rigolo» во французском языке имеет яркую эмоциональную окраску и переводится как «забавник», «шутник», «весельчак».

В русской традиции прозвища нередко обретают многослойную эмоциональность и юмористическую окраску. Так, у легендарного вратаря Рината Дасаева было несколько запоминающихся прозвищ, каждое из которых отражает разные грани восприятия спортсмена: «Железный занавес» – прозвище, полученное от партнеров по «Севилье». Это метафора несокрушимости с политическим подтекстом, выражающая восхищение, уважение к надёжности русского вратаря. «Креветка» (La Gamba) – испанское

прозвище, иронично обыгрывающее необычайную гибкость Дасаева, его умение «складываться» в прыжках. «Булочка» – насмешливое прозвище от Леонида Буряка, пример внутрикомандной русской иронии, построенной на тёплой бытовой ассоциации. «Татарин» – этнический маркер, подчёркивающий происхождение и характер спортсмена. «Дос» – фамильярное усечение фамилии, удобное для общения в команде. Примеры иллюстрирует способность русской традиции сочетать сложные эмоциональные оттенки и отражать многогранность коллективного восприятия спортивного героя.

Внеязыковые факторы также играют ключевую роль в формировании и функционировании спортивных прозвищ. Культурно-исторический контекст в каждой лингвокультуре задает свои правила создания прозвищ. Под влиянием глобализации английские спортивные термины и имена проникают в другие языки, из-за чего традиции разных народов смешиваются и обогащают друг друга.

Отношение общества к личной жизни спортсменов, значимость индивидуальных или командных ценностей определяют, как используются прозвища в общении. В России прозвища чаще передают общие эмоции болельщиков, а в западной культуре они выполняют больше практическую задачу – помогают узнавать игрока и общаться на эту тему [5; 14].

Процесс внедрения прозвищ в спортивную среду и их последующая популяризация во многом определяются социальными факторами. Деятельность средств массовой информации, активность болельщиков, позиции тренеров и комментаторов способствуют тому, что неформальные имена закрепляются в обиходе и становятся неотъемлемой частью как профессиональной коммуникации, так и широкого культурного контекста. Подобные номинации выполняют функцию социального маркирования: они позволяют обозначить индивида в группе, подчеркнуть его отличительные черты на фоне сообщества. В данном ключе прозвища рассматриваются не как

языковые единицы, а как индикаторы культурной среды и общественного положения их носителя.

Национально-культурная маркированность спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах представлена в виде сложного семантического и прагматического слоя, который формируется под воздействием исторических традиций и культурных кодов каждой из этих культур.

Во французской лингвокультуре спортивные прозвища связаны с историческим и культурным наследием. Значительную роль играют именованья, отсылающие к известным историческим фигурам – такие аллюзии реализуются через фразеологию и культурные коды, придавая прозвищам глубинный национальный подтекст. Подобная смысловая нагрузка служит инструментом фиксации национальной идентичности и отражает эстетические предпочтения и историческую память французов. Исследование фразеологизмов с антропонимами показывает, что фундамент смыслообразования составляют именно культурные отсылки и историко-этимологические связи, а упоминания знаковых личностей выступают в роли культурных маркеров в пространстве спортивной коммуникации [15; 16].

Примером служат прозвища легендарных французских теннисистов 1920-х годов – Рене Лакоста, Жана Боротры, Анри Коше и Жака Брюньона, которых окрестили «Четырьмя мушкетёрами» (*Les Quatre Mousquetaires*). Это прозвище отсылает к героям романа Александра Дюма и закрепляет за спортсменами образ благородных, сплочённых и отважных воинов корта. Метафора оказалась точной не только из-за их манеры игры, напоминающей фехтование, но и благодаря командному духу, который они демонстрировали в Кубке Дэвиса, завоевывая трофей для Франции шесть лет подряд. Каждый из мушкетеров имел и индивидуальное прозвище: Лакост – «Крокодил» (за непреклонность на корте), Боротра – «Прыгучий баск» (за манеру игры в прыжке и берет), Коше –

«Фокусник», Брюньон – «Тото». Сегодня память о них увековечена в Кубке Мушкетеров – главном трофее Открытого чемпионата Франции по теннису.

В англоязычной культуре спортивные прозвища также играют важную роль в формировании и выражении национальной идентичности. Наибольшую значимость данный феномен приобретает в игровых видах спорта (футбол, хоккей), выступающих в качестве социокультурного явления. Прозвища выполняют функции социальной оценки и коммуникативного воздействия, репрезентируя ценностные ориентиры и ментальные установки носителей языка. Их прагматика охватывает спектр интенций – от мотивации до иронии, что свидетельствует о корреляции антропонимов с культурными кодами и нормативными ожиданиями социума [2; 8]. Показательным примером служит термин «franchise player» – прозвище для игрока, который является стержнем и лицом клуба, вокруг которого строится команда. Такая номинация закрепляет за спортсменом статус лидера на площадке и в имидже клуба. В НХЛ к числу franchise player относят братьев Хенрика и Дэниела Сединых, всю карьеру выступавшие за «Ванкувер Кэнакс» и олицетворявшие команду для целого поколения болельщиков. Джон Таварес в «Нью-Йорк Айлендерс» также считался классическим представителем – вокруг него строилась команда, и его имя ассоциировалось с клубом.

В русской лингвокультуре спортивные прозвища отличаются эмоционально-экспрессивной насыщенностью. В их структуре нередко аккумулируются элементы фольклорного мышления, реализованные через образные метафоры и оценочные коннотации, что детерминировано культурно-историческим контекстом. Помимо номинативной функции, данные единицы выступают инструментом коллективной репрезентации отношения к спортсмену, транслируя социальные стереотипы и ценностные ориентации. Указанные особенности формируют устойчивые паттерны коммуникации, закрепляя национальную идентичность в дискурсивных практиках спорта [15; 17]. Например, прозвище Александра Мостового – «Царь», возникшее

благодаря меткой журналистской характеристике его игры. Здесь монархическая метафора аккумулирует архетипическое для русской культуры представление о правителе-батюшке, что придаёт прозвищу сакральный оттенок, далеко выходящий за рамки простой спортивной номинации.

Фольклорная образность отчётливо проступает в прозвище Алексея Смертина – «Баба-яга». Здесь срабатывает механизм сказочной ассоциации: внешние данные или манера поведения спортсмена вызывают в коллективном сознании персонажа фольклора, что придаёт прозвищу не только узнаваемость, но и мифологическую глубину,

В исследуемых лингвокультурах общей чертой выступает прагматический потенциал спортивных прозвищ, реализуемый в процессах социальной интеракции, эмоциональной репрезентации и внутригрупповой коммуникации. Данные антропонимы функционируют как маркеры корпоративной идентичности и механизмы трансляции социокультурных норм. Дифференциация обусловлена спецификой языковых средств и культурных стратегий: французская традиция тяготеет к историко-культурным аллюзиям и образно-художественным обозначениям; англоязычная – к репрезентации социальных ценностей и коллективистских установок; русская – к эмоциональной доминанте и коллективному способу восприятия.

Функционирование спортивных прозвищ может рассматриваться через призму социолингвистики. Прозвища рождаются в результате социального взаимодействия внутри команд, среди болельщиков и журналистов, после чего распространяются в массовом медийном пространстве. При этом роль медиа и цифровых технологий в современном мире усиливает транснациональную взаимосвязь и способствует заимствованию и адаптации прозвищ, что приводит к интересным межкультурным трансформациям и смешениям. Тем не менее каждая культура сохраняет уникальные традиции и мотивации, определяющие лингвокультурную специфику своих прозвищ [3; 4].

Так, например, в английской спортивной культуре прозвища помогают объединять болельщиков и создавать образ спортсмена или команды. Исследования показывают, что такие прозвища подчёркивают принадлежность к группе, выделяют достижения и личные качества игроков. Например, прозвища «Iron Mike Tyson» или «Air Jordan» создают узнаваемый образ, который потом поддерживают СМИ и фанаты. В широком смысле они помогают создавать устойчивые социальные связи и поддерживать коммуникацию внутри фанатских сообществ и спортивных коллективов [21].

Во французской культуре спортивные прозвища часто отличаются деликатностью и изяществом. Они помогают соблюдать правила общения и поддерживать уважительную атмосферу между игроками, тренерами и болельщиками. Такие прозвища могут использоваться и в официальной, и в дружеской беседе, что говорит об их гибкости. В итоге, они помогают сохранять добрые отношения в коллективе и подчёркивают культурные особенности французского общения [10].

Например, прозвище французского футболиста Килиана Мбаппе – «Kiki» (Кики). Эта неформальная, почти семейная форма образована путём редупликации первого слога имени (Килиан → Ки-ки) и появилась ещё в детстве футболиста. Несмотря на мировую славу и статус суперзвезды, прозвище сохранилось и используется близкими друзьями и одноклубниками. Пример демонстрирует французскую культурную специфику, где деликатность и изящество языковых форм сочетаются с прагматичной гибкостью их социального применения.

В русской спортивной среде прозвища всегда эмоциональны и выражают отношение болельщиков к спортсменам. Они могут передавать самые разные чувства – от восхищения до насмешки или осуждения. Такие прозвища объединяют фанатов в единое сообщество. Это связано с нашей традицией общения, где важны душевность и поддержка друг друга. Прозвища звучат в

разговорах болельщиков, в интервью спортсменов и в новостях, отражая особенности нашего характера и культуры [7; 19].

Например, прозвище российского бойца Фёдора Емельяненко «Последний император», полученное им в Японии, где он покорило местную публику своим величием и силой. Другой пример насмешливого прозвища Романа Павлюченко – «Спящий гигант», которое стало для футболиста источником многолетнего раздражения и ярким примером того, как прозвище может жить собственной жизнью вопреки воле носителя.

Таким образом, русские спортивные прозвища охватывают широчайший спектр эмоций – от восхищения до раздражения самих спортсменов. Эта эмоциональная многогранность отражает коллективное отношение болельщиков и объединяет их в единое сообщество вокруг любимых спортсменов.

Медиа и современные коммуникационные технологии усиливают значение спортивных прозвищ, способствуя их быстрому распространению и закреплению в общественном сознании. Прозвища становятся важной частью спортивного мира – они объединяют различные группы и создают узнаваемый образ спортсмена.

Необходимо отметить, что спортивные прозвища в различных культурных контекстах выполняют сходные базовые функции, связанные с номинацией личности спортсмена, но при этом отражают уникальные социально-культурные и психолингвистические особенности конкретных сообществ. Во всех культурах имя собственное служит основой для создания прозвища, которое становится элементом специальной коммуникации, выступая не только как простое обозначение, но и как символ, формирующий особую социальную идентичность и дополнительные культурные смыслы [3; 4].

В англоязычной спортивной традиции прозвища часто базируются на фонеморфологических приёмах – звуковых или морфологических изменениях

имени, усиливающих выразительность и эмоциональную окраску. Например, футболист Том Брэди, которого в начале карьеры часто называли «Tommy» (Томми). Эта уменьшительная форма, образованная путём добавления суффикса «-у» к полному имени Tom, характерна для английской разговорной речи и придаёт прозвищу домашний, фамильярный оттенок.

Во французской лингвокультуре аналогичные процессы проявляются в использовании аллитераций, ассонансов и ритмически организованных конструкций, что придаёт прозвищам особую мелодичность и эстетическую выразительность. Например, велогонщик Луи Трусселье получил прозвище «Trou-Trou» (Тру-Тру) – редупликация первого слога фамилии создала игривое, музыкальное звучание. А биатлонистку Сандрин Байи в команде ласково зовут «San-san» (Сан-сан) – прозвище, построенное на той же модели редупликации, придаёт общению внутри команды особую теплоту и фамильярность. Французские прозвища нередко строятся на изящной игре слов, каламбурах и стилистически маркированных суффиксах, подчёркивающих не только индивидуальные качества спортсмена, но и культурный контекст его восприятия. При этом значительную роль играют историко-культурные и отсылки, и обращения к национальным символам, что придаёт прозвищам глубинный символический подтекст и связывает их с французским культурным кодом. Фехтовальщица Лора Флессель-Коловик получила прозвище «La Guêpe» (Оса) за стремительный, агрессивный стиль боя, где уколы следовали один за другим, словно укусы осы. Здесь зооморфная метафора с коротким, жалящим звучанием идеально передает суть её спортивной манеры.

В русском языке схожие процессы сопровождаются активным использованием метафор, гипербол и культурных аллюзий, обусловленных национальными стереотипами и историческими традициями. При этом парадигмо-мотивированные прозвища, связанные с системным членением или формальными шаблонами, встречаются крайне редко вне зависимости от культурной среды [1].

Так, Александр Овечкин стал «Великой Восьмёркой» (его номер – 8), Елизавету Туктамышеву болельщики называют «Императрица» – прозвище появилось, когда фигуристке было 13–14 лет, и окончательно закрепилось после блестящего сезона-2014/15, в котором она выиграла все международные турниры. Эти прозвища не только идентифицируют спортсменов, но и создают запоминающиеся образы, понятные всем болельщикам.

Функционально спортивные прозвища во всех рассматриваемых культурах проявляют свои семиотические свойства: они выступают условными знаками, которые обеспечивают практическую ориентацию в социальной и профессиональной среде, помогают выразить принадлежность к группе, укрепляют коллективную идентичность спортсменов и болельщиков, а также служат средством эмоциональной оценки и оценочной коммуникации. Кроме того, в малых социальных группах, таких как семьи, школы или фан-клубы, возникают шуточные, зачастую комические прозвища (Scherzname или Ulkname), основанные на намеренной иронии или юморе, которые воспринимаются несерьёзно и выполняют функцию сплочения и развлечения [4; 8].

Несмотря на общую функциональную базу, спортивные прозвища отражают различные культурные коды, стереотипы и исторические контексты, становясь важными элементами взаимодействия между спортсменом, обществом и массовой культурой. Они выполняют роль кода идентичности, коммуникативного акта и культурного символа, при этом их значение и восприятие формируются под воздействием локальных традиций и глобальных медийных процессов. Понимание этих факторов является ключевым при сравнительном лингвокультурном анализе спортивных прозвищ в международном контексте.

Заключение

Проведённое исследование спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах позволяет сделать ряд обобщающих

выводов о природе, механизмах формирования и функциональной специфике данных номинативных единиц в спортивном дискурсе.

Анализ выборки показал, что возникновение и закрепление прозвищ в спортивной коммуникации детерминировано комплексом факторов: личностными характеристиками спортсмена, его физическими и игровыми качествами, звучанием имени, а также культурными ассоциациями и коллективными оценками со стороны болельщиков, журналистов и медиа.

В ходе сопоставительного анализа были выявлены как универсальные, так и национально-специфические черты исследуемых номинаций. К числу универсальных механизмов образования прозвищ относятся метафоризация, метонимизация, аффиксация, усечение основ, аббревиация и игровая деривация. Во всех трёх лингвокультурах прозвища выполняют сходный набор функций: номинативную, идентификационную, оценочную, экспрессивную и солидаризирующую, выступая маркерами групповой принадлежности и инструментами неформальной коммуникации внутри фанатских сообществ и спортивных коллективов.

Систематизация полученных результатов позволяет наглядно представить ключевые характеристики спортивных прозвищ в каждой из исследуемых лингвокультур (табл.).

Таблица

Ключевые характеристики спортивных прозвищ в английской, французской и русской лингвокультурах

Параметр	Английская лингвокультура	Французская лингвокультура	Русская лингвокультура
Доминирующий образ	Сила	Эстетика	Близость
Стиль	Динамичный	Поэтический	Разговорный
Функция	Брендинг	Эстетизация	Солидарность

В ходе исследования обнаружены универсальные черты, присущие спортивным прозвищам во всех трёх лингвокультурах: метафоричность, оценочность, экспрессивность, принадлежность к неофициальному дискурсу.

Механизмы их образования включают метафору и метонимию, словообразовательные трансформации, заимствования, сокращения и игровую деривацию.

Наряду с универсальными характеристиками выявлена национально-культурная специфика:

- англоязычная среда – прагматичность и маркетинговый потенциал, ориентация на эффективность и коммерциализацию, что связано с развитой системой спортивной журналистики;

- французская традиция – художественность и символизм, эстетическое осмысление, стилистическая изысканность;

- русская лингвокультура – эмоциональность и фамильярность, акцент на социальной близости и коллективном восприятии.

Спортивные прозвища выступают не только языковым, но и культурным феноменом, способствующим формированию коллективной идентичности. Они служат маркерами «своего круга», создают эффект неформальной солидарности и эмоциональной близости. Несмотря на наличие общих механизмов вторичной номинации, каждая из исследуемых лингвокультур демонстрирует собственные способы концептуализации образа спортсмена, отражающие фундаментальные культурные ценности соответствующих лингвосообществ.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном анализе динамики спортивных прозвищ в цифровой среде, изучении процессов их заимствования и адаптации в условиях глобализации, а также в расширении сопоставительной базы за счёт включения других лингвокультур. Полученные результаты могут найти применение в лексикографической практике, при разработке учебных курсов по лингвокультурологии, антропонимике и

спортивному дискурсу, а также в практической деятельности спортивных комментаторов, журналистов и специалистов по спортивному маркетингу.

Список литературы:

1. Андрейко С. А. К вопросу о мотивационной типологии прозвищ американской лингвокультуры (на примере представителей спорта) // Вестник магистратуры. 2013. № 4 (19). С. 42–44.
2. Банникова С. В. Особенности использования национально-маркированных прецедентных феноменов в англоязычном дискурсе // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8. С. 202–209.
3. Бобырева Н. Н. Типология именных образований в спортивном дискурсе // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 4. С. 64–69.
4. Вишнякова О. Д., Александрова В. А. Прозвищное наименование как процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2015. № 24 (221). С. 51–60.
5. Дементьева М. С., Сомкин А. А. Лингвокультурная специфика современного спортивного дискурса (на материале английского языка) // Огарёв-Online. 2021. № 15 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-spetsifika-sovremennogo-sportivnogo-diskursa-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 12.01.2026).
6. Жучкова И. И. Тезаурусное моделирование английской спортивной терминологии (на примере семантического поля «football» (футбол)) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 25–30.

7. Климова М. А. Никнеймы игроков Dota 2 и психические границы языка в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 36–53.
8. Кузнецов А. М., Цепкова А. В. Национальная специфика прозвищ в англоязычных культурах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2014. № 4. С. 121–127.
9. Кузьмин Е. Б., Азиуллин Р. Р., Денисенко Ю. П., Ионов А. А., Гераськин А. А., Андриюцишин И. Ф. Спортивная мотивация как психическое состояние личности спортсмена // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2016. № 1. С. 97–110.
10. Оленев Д. С., Чернов А. В. К проблеме спортивного дискурса: нейминг отечественных клубов как индикатор социальных трансформаций // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 2. С. 59–64.
11. Пак Л. Е. Лингвокультурная специфика спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев Канады и России) // Litera. 2024. № 7. С. 136–147.
12. Румянцева Н. В. Особенности мотивов спортивной деятельности спортсменов-любителей // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. № 4. С. 117–112.
13. Рябчиков В. В., Ашкинази С. М., Воронов Д. И., Мигунова А. В. Структура спортивной мотивации российских спортсменов юношеского возраста // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 19–21.
14. Сарычев В. В. Семантико-функциональные особенности английской спортивной лексики // Полилингвильность и транскультурные практики. 2007. № 5. С. 45–49.
15. Сосоенко С. С., Седых А. П. Типологические характеристики современной спортивной терминологии (на материале французского языка) //

Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. № 13 (156). С. 153–156.

16. Сухорукова Ю. С. Национально-культурная маркированность французских фразеологизмов с компонентом-антропонимом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 2. С. 690–696.

17. Цепкова А. В. Лингвокультурологический потенциал прозвищ различных мотивационных типов (на материале английского языка) // Science for Education Today. 2012. № 5. С. 105–114.

18. Шарикова Ф. Н. Способы словообразования спортивных терминов в английском языке на примере зимних видов спорта // Казанский лингвистический журнал. 2025. № 2. С. 290–301.

19. Eliseeva Yu. S., Simonova K. Yu. Nicknames in English ice hockey terminology: semantic features // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nicknames-in-english-ice-hockey-terminology-semantic-features> (дата обращения: 15.01.2026).

20. Olimat S. Naser, Mahadin D. K., Olimat K. N. Socio-onomastic study of the 2022 FIFA world cup football teams' nicknames // Training, Language and Culture. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-socio-onomastic-study-of-the-2022-fifa-world-cup-football-teams-nicknames> (дата обращения: 14.01.2026).

21. Razhina V. A. The language peculiarities of sport discourse in the national world picture: cognitive and pragmatic approaches // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-language-peculiarities-of-sport-discourse-in-the-national-world-picture-cognitive-and-pragmatic-approaches> (дата обращения: 14.01.2026).

References:

1. Andrejko S. A. K voprosu o motivacionnoj tipologii prozvishh amerikanskoj lingvokul'tury` (na primere predstavitelej sporta) // Vestnik magistratury`. 2013. № 4 (19). S. 42–44.
2. Bannikova S. V. Osobennosti ispol'zovaniya nacional'no-markirovanny`x precedentny`x fenomenov v angloyazy`chnom diskurse // Social'no-e`konomicheskie yavleniya i processy`. 2011. № 8. S. 202–209.
3. Boby`reva N. N. Tipologiya imenny`x obrazovanij v sportivnom diskurse // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4. S. 64–69.
4. Vishnyakova O. D., Aleksandrova V. A. Prozvishhnoe naimenovanie kak process vzaimodejstviya lingvisticheskoy semiotiki i semioticheskoy konceptologii // Voprosy` zhurnalistiki, pedagogiki, yazy`koznaniya. 2015. № 24 (221). S.51–60.
5. Dement`eva M. S., Somkin A. A. Lingvokul'turnaya specifika sovremennogo sportivnogo diskursa (na materiale anglijskogo yazy`ka) // Ogaryov-Online. 2021. № 15 (168). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-spetsifika-sovremennogo-sportivnogo-diskursa-na-materiale-anglijskogo-yazyka> (data obrashheniya: 12.01.2026).
6. Zhuchkova I. I. Tezaurusnoe modelirovanie anglijskoj sportivnoj terminologii (na primere semanticheskogo polya «football» (futbol)) // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. 2021. № 3 (112). S. 25–30.
7. Klimova M. A. Niknejmy` igrokov Dota 2 i psixicheskie granicy yazy`ka v e`poxu globalizacii // Voprosy` psixolingvistiki. 2020. № 1 (43). S. 36–53.
8. Kuznecov A. M., Cepkova A. V. Nacional'naya specifika prozvishh v angloyazy`chny`x kul'turax // Social'ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazy`koznanie: Referativny`j zhurnal. 2014. № 4. S. 121–127.
9. Kuz`min E. B., Aziullin R. R., Denisenko Yu. P., Ionov A. A., Geras`kin A. A., Andryushhishin I. F. Sportivnaya motivaciya kak psixicheskoe sostoyanie

lichnosti sportsmena // Zdorov`e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul`tury` i sporta. 2016. № 1. S. 97–110.

10. Olenev D. S., Chernov A. V. K probleme sportivnogo diskursa: nejming otechestvenny`x klubov kak indikator social`ny`x transformacij // Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2. S. 59–64.

11. Pak L. E. Lingvokul`turnaya specifika sportivnogo medianarrativa (na materiale sportivny`x kommentarijev Kanady` i Rossii) // Litera. 2024. № 7. S. 136–147.

12. Rumyanceva N. V. Osobennosti motivov sportivnoj deyatel`nosti sportsmenov-lyubitelej // Fizicheskaya kul`tura. Sport. Turizm. Dvigatel`naya rekreaciya. 2020. № 4. S. 117–112.

13. Ryabchikov V. V., Ashkinazi S. M., Voronov D. I., Migunova A. V. Struktura sportivnoj motivacii rossijskix sportsmenov yunosheskogo vozrasta // Teoriya i praktika fizicheskoy kul`tury`. 2023. № 10. S. 19–21.

14. Sary`chev V. V. Semantiko-funktional`ny`e osobennosti anglijskoj sportivnoj leksiki // Polilingvial`nost` i transkul`turny`e praktiki. 2007. № 5. S. 45–49.

15. Sosenko S. S., Sedy`x A. P. Tipologicheskie xarakteristiki sovremennoj sportivnoj terminologii (na materiale francuzskogo yazy`ka) // Voprosy` zhurnalistiki, pedagogiki, yazy`koznaniya. 2013. № 13 (156). S. 153–156.

16. Suxorukova Yu. S. Nacional`no-kul`turnaya markirovannost` francuzskix frazeologizmov s komponentom-antroponimom // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2025. № 2. S. 690–696.

17. Cepkova A. V. Lingvokul`turologicheskij potencial prozvishh razlichny`x motivacionny`x tipov (na materiale anglijskogo yazy`ka) // Science for Education Today. 2012. № 5. S. 105–114.

18. Sharikova F. N. Sposoby` slovoobrazovaniya sportivny`x terminov v anglijskom yazy`ke na primere zimmix vidov sporta // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2025. № 2. S. 290–301.

19. Eliseeva Yu. S., Simonova K. Yu. Nicknames in English ice hockey terminology: semantic features // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nicknames-in-english-ice-hockey-terminology-semantic-features> (data obrashheniya: 15.01.2026).

20. Olimat S. Naser, Mahadin D. K., Olimat K. N. Socio-onomastic study of the 2022 FIFA world cup football teams' nicknames // Training, Language and Culture. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-socio-onomastic-study-of-the-2022-fifa-world-cup-football-teams-nicknames> (data obrashheniya: 14.01.2026).

21. Razhina V. A. The language peculiarities of sport discourse in the national world picture: cognitive and pragmatic approaches // Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-language-peculiarities-of-sport-discourse-in-the-national-world-picture-cognitive-and-pragmatic-approaches> (data obrashheniya: 14.01.2026).

Информация об авторе:

А. Б. Даулетова – директор по связям с общественностью, АНО «Центр прогресса бокса»

Information about the author:

A. B. Dauletova – Director of Public Relations, ANCO «Boxing Progress Center»

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 06.02.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 811

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ИНТЕЛЛЕКТ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Ирина Васильевна Лысикова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

irina_polulyah@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу гендерно маркированной субстандартной лексики, номинирующей интеллектуальные способности лиц женского и мужского пола в английском и русском языках. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения механизмов репрезентации гендерных стереотипов в субстандартной языковой картине мира. Материалом исследования послужили субстандартные лексические единицы английского и русского языков, отобранные методом направленной сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников. В статье выявлены ядерные компоненты номинаций лиц женского и мужского пола, которые сочетаются с дополнительными дифференциальными семами. Установлена асимметрия в наборе сем для мужских и женских номинаций: в женских доминируют семы внешней привлекательности, обаяния и пустоты, в мужских – поведенческие характеристики и физическая грубость. Выявлена национально-культурная специфика метафоризации: английский субстандарт

опирается на историко-культурные типажи и стереотипы, русский – на бытовые и гастрономические реалии. Полученные результаты подтверждают, что субстандартная лексика является важным источником информации о действительности в разных лингвокультурах, фиксируя патриархальные гендерные асимметрии.

Ключевые слова: субстандарт, гендерно маркированная субстандартная лексика, репрезентация, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия, номинация

Для цитирования: Лысикова И. В. Вопросы гендерной маркированности субстандартной лексики лексико-семантической группы «интеллект» в русском и английском языках (сравнительно-сопоставительный анализ) // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 133–147.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 811

Irina V. Lysikova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

irina_polulyah@mail.ru

ISSUES OF GENDER LABELING OF SUBSTANDARD VOCABULARY OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP "INTELLIGENCE" IN ENGLISH AND RUSSIAN (COMPARATIVE ANALYSIS)

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of gender-labeled substandard vocabulary nominating the intellectual abilities of female and male persons in English and Russian languages. The relevance of the work is due to the

need to study the mechanisms of representation of gender stereotypes in the substandard linguistic worldview. The research material was substandard lexical units of English and Russian languages, selected by the method of directed continuous sampling from reputable lexicographic sources. The article identifies the nuclear components of the nominations of female and male persons, which are combined with additional differential semes. An asymmetry has been established in the set of semes for male and female nominations: female ones are dominated by the semes of external attractiveness, charm and emptiness, while male ones are dominated by behavioral characteristics and physical rudeness. The national and cultural specifics of metaphorization are revealed: English substandard is based on historical and cultural types and stereotypes, Russian – on everyday and gastronomic realities. The results obtained confirm that substandard vocabulary is an important source of information about reality in different linguistic cultures, fixing patriarchal gender asymmetries.

Keywords: substandard, gender-labeled substandard vocabulary, representation, gender stereotypes, gender asymmetry, nomination

For citation: Lysikova I. V. Issues of gender labeling of substandard vocabulary of the lexico-semantic group "intelligence" in Russian and English (comparative analysis) // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 133–147. (In Russ.).

Введение

«За каждым текстом стоит языковая личность» [5, с. 7]. Данное утверждение принадлежит выдающемуся советскому и российскому лингвисту Ю. Н. Караулову, создателю теории языковой личности – одной из фундаментальных концепций современной антропоцентрической лингвистики.

Антропоцентрическая лингвистика – это «обобщённое название ряда научных направлений, объединяемых антропоцентризмом – методологическим принципом, в соответствии с которым в центр научных теорий ставится

человек, все свойства и категории языка и речи соотносятся с точки зрения его носителя, выводятся из свойств и поведения человека [7, с. 24].

Одним из ключевых направлений антропоцентрически ориентированной лингвистики является гендерная лингвистика (лингвогендерология), изучающая, каким образом, в языке фиксируются представления о мужественности и женственности, а также механизмы конструирования гендерных стереотипов.

Фундаментальный вклад в развитие лингвогендерологии внесла Р. Лакофф. Исследователь пишет: «Маргинальность и бесправие женщин отражаются как в том, как женщины должны говорить, так и в том, как говорят о женщинах... Таким образом, личностная идентичность женщин лингвистически нивелируется; язык работает против восприятия женщин как серьёзных личностей, имеющих собственные взгляды» [14, с. 45].

В 1957 г. Р. Лакофф написала монографию «Language and Woman's Place» [14], в которой отразила значимые выводы о наличии асимметрии в языковой репрезентации мужчин и женщин, что в последствии стимулировало появление многочисленных сопоставительных исследований в разных языках.

В центре внимания учёных всё чаще оказываются не только литературные формы языка, но и его субстандартные пласты. Субстандартная лексика (сленг, жаргоны, арг, просторечие) представляет собой наиболее динамичную и экспрессивную часть языковой системы, чутко реагирующую на социальные изменения и отражающую неофициальную картину мира носителей языка [1; 11]. Именно в субстандарте находят непосредственное выражение гендерные стереотипы, в том числе те, которые по тем или иным причинам не получают легитимации в кодифицированном литературном языке.

Особый интерес в этом контексте представляет лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) «Интеллект», поскольку оценка умственных способностей человека традиционно является одной из ключевых областей проявления гендерных стереотипов.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют работы в области теории субстандарта, гендерной лингвистики. Исследования по гендерной лингвистике в отечественной науке связаны, прежде всего, с именами А. В. Кирилиной и Е. И. Горошко. А. В. Кирилина в работе «Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике» представила философский и методологический анализ становления гендерной лингвистики, определила её категориальный аппарат и основные направления развития [5]. Е. И. Горошко исследовала речевое поведение мужчин и женщин, особенности письменной и устной коммуникации в гендерном аспекте [2]. В. А. Ефремов рассматривает гендерные стереотипы как базовые когнитивные единицы, на основе которых формируется представление о гендерной стратификации общества, и анализирует их отражение в лексикографических источниках [3].

Важное значение для исследования имеют работы, посвящённые лексико-семантической группе «Интеллект». А. Л. Кормильцева исследовала гендерный аспект устойчивых выражений, кодирующих женский интеллект, в английском и русском языках, выявив асимметрию в репрезентации интеллектуальных качеств женщин в паремиологическом фонде рассматриваемых языков [6].

Г. В. Файзиева и И. В. Лысикова в исследовании «Проблематика полоролевых референций в субстандартной лексике русского и английского языков» рассмотрели общие закономерности репрезентации образов мужчины и женщины в субстандарте, показав, что субстандартная лексика фиксирует асимметричное представление оппозиции «мужчина-женщина», подтверждая патриархальные взаимоотношения между полами [11].

Таким образом, анализ степени изученности проблемы позволяет констатировать, что при наличии значительного корпуса работ по субстандартной лексике, гендерной лингвистике и отдельным аспектам вербализации интеллекта, комплексных сравнительно-сопоставительных исследований, посвящённых гендерной маркированности субстандартной

лексики лексико-семантической группы «Интеллект» в русском и английском языках, до настоящего времени не проводилось. Существующие работы либо рассматривают литературный язык, либо ограничиваются одним языком, либо затрагивают иные лексико-семантические группы. Данное обстоятельство обуславливает научную новизну и актуальность настоящего исследования, направленного на восполнение выявленной лакуны.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Источниками выборки стали словари субстандартной лексики английского языка: «The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English» (Tom Dalzell) [13], «A Dictionary of Slang and Unconventional English» (Eric Partridge) [15] и словари субстандартной лексики русского языка: «Большой словарь русского жаргона» (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина) [8], «Толковый словарь молодёжного сленга: Слова, непонятные взрослым» (Т. Г. Никитина) [9].

Выбор данных лексикографических источников обусловлен тем, что они отражают лексику разговорного стиля, являющуюся наиболее употребительной в живой речи. Объём проанализированного материала составил 98 субстандартных лексических единиц английского языка и 91 субстандартная лексическая единица русского языка. Единицей анализа выступало отдельное слово со значением «лицо мужского пола» или «лицо женского пола», с характеристикой умственных способностей. Особое внимание в ходе анализа уделяли наличию словарных помет, т. к. именно они позволяют идентифицировать функционально-стилистический статус лексической единицы и реконструировать социокультурную стратификацию субстандартных номинаций, обеспечивая достоверность выводов о структурно-семантических и функционально-прагматических особенностях исследуемого лексического пласта [11].

Семантический анализ отобранных СЛЕ позволил нам выделить базовые семантические признаки. Рассмотрим примеры СЛЕ, репрезентирующие лиц женского пола, в английском языке:

Dumb Dora – an empty-headed woman. Бук. перевод: «глупая Дора – пустоголовая женщина». Компонентный анализ СЛЕ позволил выделить несколько сем. Ядерной семой является сема «Глупость, отсутствие ума», которая указывает на интеллектуальную несостоятельность. Сема «Женское имя» обобщает целый типаж женщин. Сема «Обаяние» выделяется из характеристики персонажа комикса «Тупая Дора», вышедшего в 1924 году в Америке. Дора была необразованной, но умела обаять окружающих людей. Каждый комикс заканчивался фразой «She ain't so dumb!» («Она не такая и тупая!» – перевод наш). Базовый семантический признак: глупая женщина легкомысленна, но при этом обладает шармом и обаянием.

dumb bunny – a stupid girl. Букв. перевод: «глупый зайчик – глупая девушка». Компонентный анализ позволил выделить несколько сем: сема «Глупость» от лексемы «dumb», сема «Милота» от лексемы «bunny» (зайчик), которая смягчает негативную оценку, добавляя оттенок умиления. Базовый семантический признак: глупая женщина не раздражает, а умиляет.

dumb blonde – an extremely pretty, but very stupid, girl, blonde by nature or by artifice; the sort portrayed to perfection by Marilyn Monroe in the film The Seven-Year Itch. Букв. перевод: «глупая блондинка – чрезвычайно симпатичная, но очень глупая девушка, блондинка от природы или искусственно созданная; именно такой типаж в совершенстве изобразила Мэрилин Монро в фильме «Зуд семи лет». Из дефиниции выделим следующие семы: сема «Глупость», сема «Внешность», сема «Красота», сема «Культурный стереотип». СЛЕ «dumb blonde» определяет самый устойчивый гендерный стереотип в английской культуре, когда красивая женщина ассоциируется с глупостью. Базовый семантический признак: женщина, обладающая яркой внешностью (светлые волосы), глупая».

Далее рассмотрим примеры СЛЕ, репрезентирующие лиц мужского пола в английском языке:

blunderbuss – a stupid, or ignorant, clumsy fellow. Букв. перевод: «мушкетон – глупый, или невежественный, неуклюжий парень». Из определения можно выделить несколько сем: сема «Глупость», сема «Неуклюжесть», сема «Хаос». Сравнение с мушкетером – оружием, которое было громоздким, стреляло с грохотом и не имело прицельной точности, – точно передаёт манеру поведения мужчины: суетливо, грубо, и с шумом. Базовый семантический признак: глупый мужчина создаёт вокруг себя много хаоса.

bull-head – a stupid fellow. Букв. перевод: «бычья голова – глупый парень». Выделим несколько сем: из определения «*stupid fellow*» сема «Глупость», от лексемы «*bull*» (бык – символ упорства, нежелания менять траекторию, а также указание на большие размеры, массивность) сема «Упрямство» и сема «Грубость». Его голова «работает» так же, как бык – он не анализирует, а прёт напролом, не замечая препятствий. Базовый семантический признак: глупый мужчина упрямый и грубый.

calf's head – a very stupid fellow. Букв. перевод: «голова телёнка – очень глупый парень». Компонентный анализ позволяет нам выделить следующие семы: из определения «*a very stupid fellow*» – сема «Глупость», от лексемы «*calf*» (теленочек) – сема «Неопытность». СЛЕ является образной характеристикой очень глупого мужчины. Сравнение с телячьей головой подчёркивает отсутствие ума у мужчины, своего рода «интеллектуальную девственность». Данная номинация не столько про упрямство, сколько про неразвитость мышления, как у молодого, ещё ничего не понимающего телёнка.

chucklehead – a stupid fellow. Букв. перевод: «болван – глупый парень». Компонентный анализ позволил выделить семы: сема «Глупость» (из определения «*stupid fellow*»), сема «Большая голова» (от этимологии *chuckle*, возможно, связанного с *chuck* – «ком, глыба»). Словарь нормативного

английского языка (Webster's Dictionary) определяет «chucklehead» как «человека с большой головой» (a person with a large head) [16]. В данной СЛЕ лексема «head» (голова) выступает как метонимия ума, а её большой размер может указывать на то, что она набита не мозгами, а чем-то пустым или тяжёлым. СЛЕ употребляется для описания мужчины, который медленно соображает и постоянно попадает впросак, вызывая не страх или отвращение, а насмешку. Базовый семантический признак: глупый мужчина большой и неуклюжий.

Далее рассмотрим примеры СЛЕ, репрезентирующие лиц женского пола в русском языке:

Бычка, -и, ж. 1. пренебр. Глупая полная девушка. Компонентный анализ позволил выделить такие семы, как сема «Глупость» (из определения глупая), сема «Полнота» (из определения полная – физическая характеристика, которая в данном контексте создаёт уничижительный образ женщины). СЛЕ относится к зооморфная метафоре. В русской культуре бык ассоциируется с тяжёлой, грубой силой. Выражение создаёт образ женщины, лишённой женственности, уподобленной крупному, неповоротливому животному. В СЛЕ объединяется интеллектуальная и физическая характеристика. В отличие от английской СЛЕ «dumb bunny» (где глупость смягчена), здесь глупость и полнота взаимно усиливают отрицательную оценку, создавая образ женской непривлекательности. Базовый семантический признак: неповоротливая, полная женщина – глупая.

Чипка, -и, ж., пренебр. Глупая, непривлекательная девушка. Из определения выделим сему «Глупость» и сему «Непривлекательность». СЛЕ образована от слова «чипсы». Чипсы – лёгкий, хрустящий, но пустой продукт с точки зрения питательности, символ фастфуда. Девушка-«чипка» – «пустышка», внешне возможно яркая (как упаковка чипсов), но внутри пустая. Базовый семантический признак: глупая женщина внутренне пустая.

Шанель, -и, ж. О Шанель номер пять, шутл.-ирон. Глупая, наивная девушка. Из определения выделим сему «Глупость», сему «Наивность», имплицитно сему «Подделка». Образ женщины ассоциируется с знаменитым французским парфюмом, но женщина не соответствует ему, она сравнивается с подделкой – внешне хочет выглядеть изысканно, а внутри остаётся глупой и пустой. Базовый семантический признак: глупая женщина наивная.

Далее рассмотрим примеры СЛЕ, репрезентирующие лиц мужского пола в русском языке:

Пельмень, -я, м. 1. неодобр. Глупый, некрасивый мужчина. СЛЕ является гастрономической метафорой, объединяющей интеллектуальную и физическую характеристики. Компонентный анализ позволил выделить такие семы, как сема «Глупость», сема «Непривлекательность», сема «Закрытость». Пельмень – закрытое тесто, через которое не видно начинки; образное значение переносится на мужчину, чьи мысли непонятны окружающим. Базовый семантический признак: глупый мужчина медленно соображает, неповоротлив, закрыт для понимания и некрасив.

Якорь, - м., неодобр. Глупый, недалёкий мужчина. С помощью компонентного анализа выделим сему «Глупость» и сему «Тяжесть». Якорь – тяжёлый предмет, который удерживает судно на месте. Сравнивая мужчину с якорем, возникает ассоциация образа мужчины, который «тянет вниз», мешает движению и не способен к развитию. Базовый семантический признак: глупый мужчина не даёт развиваться ни себе, ни окружающим.

Кирпич - м., пренебр. Глупый, несообразительный мужчина. Компонентный анализ помогает выделить следующие семы: сема «Глупость», сема «Твёрдость» (кирпич твёрдый, в него «ничего не вбить», что может говорить о неспособности к обучению), сема «Грубость» (кирпич имеет простую, грубую форму, без изящества, что переносится на внешность и манеры мужчины), сема «Бесчувственность» (кирпич не имеет чувств, поэтому

такой мужчина эмоционально чёрствый). Базовый семантический признак: глупый мужчина грубый, лишенный эмоций и чувств.

Заключение

Семантический анализ отобранных СЛЕ выявил как универсальные, так и национально-специфические черты в концептуализации глупости мужчины и женщины в двух лингвокультурах. Ядерным компонентом всех проанализированных номинаций является сема «Глупость». Данный признак сочетается с дополнительными характеристиками (внешность, поведение, физическая характеристика, возраст). Также в сопоставляемых языках было зафиксировано различие в наборе дополнительных сем для мужчин и женщин. Так, в женских номинациях значительную роль играют семы внешней привлекательности, обаяния, милоты, наивности, а также пустоты. Глупая женщина часто предстаёт либо как объект умиления, либо как носительница стереотипного сочетания «красота – глупость». В мужских номинациях доминируют семы поведенческие (шумливость и хаотичность, упрямство, медлительность) и физической грубости. Глупый мужчина концептуализируется как источник проблем, объект насмешки из-за своей неуклюжести.

Субстандартные номинации лиц мужского и женского пола с характеристикой умственных способностей представляют собой сложную, иерархически организованную ЛСГ, в которой ядерный признак «глупость» обрастает множеством дифференциальных сем, отражающих культурные стереотипы. Проведённый анализ подтверждает, что субстандарт является не просто периферийным пластом лексики, а важным источником информации о способах категоризации действительности в разных лингвокультурах.

Список литературы:

1. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1987. 160 с.

2. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. 2001. Т. 4, С. 358 с.
3. Ефремов В. А. Концептуализация и теория стереотипов // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 322–331.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
5. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дисс. ... д. филол. наук: Москва, 2000. 369 с.
6. Кормильцева А. Л. Выражение интеллектуального уровня лиц женского пола в пословицах русского и английского языков // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 71–76.
7. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562, [1] с.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 717 с.
9. Никитина Т. Г. Толковый словарь молодёжного сленга: Слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 736 с.
10. Рябичкина Г. В. Типы помет в «Словаре сленга и нестандартного английского языка» Э. Партриджа (социолексикографический анализ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11(67). С. 220–225.
11. Файзиева Г. В., Лысикова И. В. Проблематика полоролевых референций в субстандартной лексике русского и английского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 128–136.
12. Хомяков В. А., Беляева Т. М. Нестандартная лексика английского языка. М.: Либроком, 2010. 136 с.

13. Dalzell T., ed. *The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English* / edited by Tom Dalzell. – New York: Routledge, 2008. 1110 p.
14. Lakoff R. *Language and Woman's place* // *Language in Society*. 1973. Vol. 2, No. 1. P. 45–80.
15. Partridge E. *A Dictionary of Slang and Unconventional English*. London: Routledge, 1937. 999 p.
16. *Webster's Revised Unabridged Dictionary*. Springfield, Mass.: G. & C. Merriam Co., 1913. URL: <https://classic.net.bible.org/lexicon.php?word=chucklehead>, свободный (Дата обращения: 28.01.2026).

References:

1. Bondaletov V. D. *Social'naya lingvistika: ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov*. M.: Prosveshhenie, 1987. 160 s.
2. Goroshko E. I. *Gendernaya problematika v yazy`koznanii* // *Vvedenie v genderny`e issledovaniya*. 2001. T. 4, S. 358 s.
3. Efremov V. A. *Konceptualizaciya i teoriya stereotipov* // *Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka*. 2018. Vy`p. XXXIII. S. 322–331.
4. Karaulov Yu. N. *Russkaya yazy`kovaya lichnost` i zadachi eyo izucheniya* // *Yazy`k i lichnost` / AN SSSR, In-t rus. yaz.; otv. red. D. N. Shmelev*. M.: Nauka, 1989. S. 3–8.
5. Kirilina A. V. *Genderny`e aspekty` yazy`ka i kommunikacii: diss. ... d. filol. nauk*: Moskva, 2000. 369 s.
6. Kormil`ceva A. L. *Vy`razhenie intellektual`nogo urovnya licz zhenskogo pola v posloviczax russkogo i anglijskogo yazy`kov* // *Filologiya i kul`tura. Philology and Culture*. 2014. № 4 (38). S. 71–76.
7. Matveeva T. V. *Polny`j slovar` lingvisticheskix terminov*. Rostov n/D: Feniks, 2010. 562, [1] s.

8. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar` russkogo zhargona. Sankt-Peterburg: Norint, 2000. 717 s.

9. Nikitina T. G. Tolkovy`j slovar` molodyozhnogo slenga: Slova, neponyatny`e vzrosly`m. Ok. 2000 slov. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 736 s.

10. Ryabichkina G. V. Tipy pomet v «Slovare slenga i nestandartnogo anglijskogo yazyka» E. Partridzha (socioleksikograficheskij analiz) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. № 11(67). S. 220–225.

11. Fajzieva G. V., Ly`sikova I. V. Problematika polorolevy`x referencij v substandartnoj leksike russkogo i anglijskogo yazy`kov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 2 (496). S. 128–136.

12. Xomyakov V. A., Belyaeva T. M. Nestandartnaya leksika anglijskogo yazy`ka. M.: Librokom, 2010. 136 s.

13. Dalzell T., ed. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English / edited by Tom Dalzell. – New York: Routledge, 2008. 1110 p.

14. Lakoff R. Language and Woman's place // Language in Society. 1973. Vol. 2, No. 1. P. 45–80.

15. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. London: Routledge, 1937. 999 p.

16. Websters Revised Unabridged Dictionary. Springfield, Mass.: G. & C. Merriam Co., 1913. URL: <https://classic.net.bible.org/lexicon.php?word=chucklehead>, svobodny`j (Data obrashheniya: 28.01.2026).

Информация об авторе:

И. В. Лысикова – ассистент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

I. V. Lysikova – assistant, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 02.02.2026; approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

ЛИНГВОДИДАКТИКА
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 372.881.111.1

СЕРИАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ
ТУРЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Елена Ромисовна Гужвинская¹, Лилианна Ильдаровна Тимофеева^{2✉}

^{1,2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Россия

²liliana.batkaeva@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в выявлении дидактического потенциала сериала как средства формирования социокультурной компетенции в процессе изучения турецкого языка. В статье обосновывается положение о том, что сериал, выступая значимым социокультурным феноменом современности, может быть эффективно использован для усвоения национально-культурной специфики страны изучаемого языка, а также для осмысления глобальных социокультурных процессов. Научная новизна работы состоит в разработке методики использования социокультурного компонента сериала в практике преподавания турецкого языка. В результате исследования доказано, что использование сериала в качестве дидактического инструмента не только способствует усвоению обучающимися национально-специфической информации о стране изучаемого языка, но и позволяет проследить динамику социокультурных трансформаций, что приобретает особую значимость в контексте поликультурного образования.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, аутентичный материал, сериал, турецкий сериал, турецкий язык

Для цитирования: Гужвинская Е. Р., Тимофеева Л. И. Сериал как инструмент формирования социокультурной компетенции при обучении турецкому языку // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 148–166.

**LINGUODIDACTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 372.881.111.1

**SERIAL AS A TOOL FOR FORMING SOCIO-CULTURAL COMPETENCE
IN THE TURKISH LANGUAGE TEACHING**

Elena Romisovna Guzhvinskaya¹, Lilianna Ildarovna Timofeeva² ✉

^{1,2}Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

²liliana.batkaeva@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify the didactic potential of the series as a means of forming socio-cultural competence in the process of learning the Turkish language. The article substantiates the position that the series, acting as a significant socio-cultural phenomenon of our time, can be effectively used to assimilate the national and cultural specifics of the country of the language being studied, as well as to comprehend global socio-cultural processes. The scientific novelty of the work consists in the development of a methodology for using the socio-cultural component of the series in the practice of teaching the Turkish language. As a result of the research, it is proved that the use of the series as a

didactic tool not only contributes to the assimilation by students of nationally specific information about the country of the language being studied, but also allows them to trace the dynamics of socio-cultural transformations, which is of particular importance in the context of multicultural education.

Keywords: sociocultural competence, authentic material, TV series, Turkish TV series, the Turkish language

For citation: Guzhvinskaya E. R., Timofeeva L. I. Serial as a tool for forming socio-cultural competence in the Turkish language teaching // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 148–166. (In Russ.).

Введение

В современном обществе наблюдается стремительный рост популярности различных медиапродуктов: компьютерных видеоигр, фильмов, мультфильмов и сериалов, что повышает роль видеоматериалов в обучении иностранным языкам. Сериалы, приобретающие всё больший дидактический потенциал в методическом пространстве, на данный момент являются одними из самых востребованных аутентичных видеоматериалов, которые активно используются на занятиях и которые способствуют не только изучению иностранных языков, но и получению знаний о культуре, быте и традициях страны изучаемого языка.

Растущий интерес к турецким сериалам, как к культурному феномену, очевиден, однако широкий спектр дидактических возможностей использования сериала в обучающих целях и методические рекомендации относительно возможности применения сериала, как аутентичного видеоконтента, остаются недостаточно изученными и требуют целостного теоретического осмысления соответственно. Этим и определяется актуальность представленного исследования.

Цель исследования – выявить и систематизировать дидактические возможности использования турецких сериалов, как инструмента формирования социокультурной компетенции у студентов, изучающих

турецкий язык, а также определить методические принципы их интеграции в образовательный процесс.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Современные процессы глобализации, расширение международных связей и интеграция России в мировое образовательное пространство обуславливают качественное изменение требований к подготовке специалистов в системе высшего образования. Компетентностный подход, являющийся основой современной образовательной парадигмы, предполагает формирование у обучающихся не только профессиональных знаний и умений, но и способности к эффективному взаимодействию в поликультурной среде [10]. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема формирования социокультурной компетенции как неотъемлемого компонента коммуникативной компетенции.

В современной лингводидактике сложилось несколько подходов к определению социокультурной компетенции. Согласно словарю методических терминов РГПУ им. А. И. Герцена, социокультурная компетенция представляет собой совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка [8]. По мнению А. В. Хуторской, социокультурная компетенция – это «совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определённым кругам предметов и процессов, необходимых для качественной продуктивной деятельности» [10, с. 55].

Значительный вклад в разработку теории социокультурной компетенции внесла В. В. Сафонова, которая определяет её как компонент коммуникативной компетенции, «образуемый совокупностью определённых знаний, навыков, умений, способностей и качеств, формируемых в процессе формальной или

неформальной языковой подготовки к межкультурному общению» [7, с. 28]. По мнению исследователя, социокультурная компетенция предполагает готовность и способность к ведению диалога культур.

Можно предположить, что овладение вышеупомянутой компетенцией помогает эффективно и уместно взаимодействовать с представителями иной культуры, опираясь на понимание глубинных механизмов, регулирующих их повседневную жизнь, мышление и коммуникацию. В академическом понимании это не просто знание фактов о стране или знание этикета, но и понимание, что в конкретной ситуации говорят не только слова, но и молчание, дистанция, интонация, исторический подтекст или социальный статус собеседника; это способность видеть за поступками людей не случайные черты характера, а устойчивые паттерны, сформированные их культурной; это быть посредником, который может объяснить представителю своей культуры мотивы «чужого» и наоборот, не искажая и не упрощая эти смыслы.

Таким образом, целью формирования социокультурной компетенции может послужить не ассимиляция обучающихся в иную культуру, а развитие межкультурных навыков, открытости и толерантности вследствие более глубокого понимания другой культуры и её ценностей [4].

В проведённом научном исследовании одну из основополагающих ролей занимает понимание культуры Турции – её яркого восточного колорита, смешанного с европейскими мировыми стандартами. За счёт нахождения на пике двух континентов, Турецкая республика приняла на своих землях огромное количество национальностей, со временем не только осевших территориально, но и повлиявших на становление укоренившихся традиционных устоев турецкого общества. Однако, Турция, по-прежнему, полна множества интереснейших традиций и обычаев, а также интересных явлений речевого этикета, связанных как с мусульманством (основной религией страны), так и с восточным гостеприимством.

Не всегда в пособиях по обучению турецкому языку учитываются данные факторы. В основном, современные дидактические материалы ориентированы на освоение необходимого базового языкового минимума. Однако, по-прежнему, остаётся недостаточным наличие важных для овладения социокультурной компетенции аутентичных материалов.

К. С. Кричевская раскрывает понятие «аутентичный материал» следующим образом: подлинное литературное, изобразительное, музыкальное произведение и предметы окружающей нас действительности, являющиеся образцами современного иностранного языка, позволяющими учащимся погрузиться в повседневную среду носителей языка [5].

Достижение оптимального результата в процессе обучения языковым компетенциям предполагает приоритетное использование аудиовизуальных источников информации. Для глубокого понимания прагматических аспектов коммуникации и особенностей поведенческих моделей носителей языка критически важно анализировать их речевое поведение в контексте конкретной коммуникативной ситуации.

Контекстуальный фактор, включающий социокультурную и ситуативную обстановку общения, оказывает существенное влияние на речевые стратегии и коммуникативное поведение участников диалога. Видеоматериалы представляют собой ценный дидактический ресурс, позволяющий изучать не только языковые конструкции, но и этнокультурные особенности страны изучаемого языка, включая традиции, обычаи и модели социального взаимодействия её жителей.

Аутентичные аудиовизуальные материалы обладают особой дидактической ценностью, поскольку соответствуют определению аутентичного текста как абстрактной модели иноязычной культуры. С данной позиции аутентичный текст предстаёт как системообразующий источник культурной информации, формирующий содержательную структуру обучения

и представляющий собой сложную систему знаков, отражающих культурные коды и ценности общества [9].

Если мы говорим о Турции, невозможно не затронуть такой аутентичный аудиовизуальный материал, как сериал. По определению С. В. Андришиной, телесериал – это одно из сложных и многоуровневых явлений медиакультурного пространства, которое приобрело репутацию парадоксального. Онтологическим детерминантом, определяющим выбор средств построения текста сериала и выбор приёмов воздействия на зрителя, является экономический код (коммерческий интерес коммуникатора) [1, с. 2]. Таким образом, сериал как продукт национальной и одновременно мировой культуры, может успешно применяться в процессе обучения иностранному языку для освоения социокультурного компонента.

Турецкие телевизионные сериалы – не просто культурный феномен; они играют существенную роль в обучении турецкому языку и знакомству с турецкой культурой, что обусловлено спецификой турецкого этикета. Последний характеризуется жёсткой регламентацией межличностных отношений, дифференцированных по возрастному признаку, что отчётливо проявляется в коммуникативном поведении носителей современного турецкого языка – как в поликультурном, так и в межкультурном общении [3]. Эмоциональность и гостеприимство, присущие турецкой культуре, формируют особый стиль речевой и невербальной коммуникации, который может вызвать трудности у лиц, не знакомых с нормами турецкого речевого этикета.

Для полноценной реализации лингвострановедческого потенциала телевизионного сериала в образовательном процессе необходимо организовать работу с социокультурным компонентом исключительно на иностранном языке. При этом основополагающим условием эффективности данной методики является соответствие уровня языковой компетенции обучающихся минимальному порогу – уровню В1 по общеевропейской шкале. С целью предотвращения когнитивной перегрузки и расфокусировки внимания

студентов представляется целесообразным внедрить принцип модульности в структуру аудиторных занятий, чётко разграничив культурный и языковой компоненты обучения [6].

Телевизионный сериал представляет собой эффективный дидактический инструмент для совершенствования языковых навыков, однако процесс отработки лексико-грамматического материала рекомендуется осуществлять дискретно от обсуждения социокультурных аспектов. Данные направления обучения реализуются параллельно, находясь в отношении взаимодополнения, однако в рамках учебного занятия для каждого из компонентов необходимо предусмотреть обособленные временные блоки. Исключением из данного подхода являются лексические единицы, наделённые культурно-семантическим компонентом – их усвоение приоритетно рассматривается в контексте освоения элементов национальной культуры.

Изучение социокультурного компонента, заложенного в сериале, требует организации отдельного просмотрового блока. Рекомендуется реализовывать данный этап после:

- предварительного ознакомления обучающихся с основной сюжетной линией сериала;
- проведения детального анализа лингвистической составляющей аудиовизуального материала [6].

Работа с социокультурным компонентом в рамках использования сериала в обучении предполагает реализацию двух последовательных этапов.

На первом этапе осуществляется социокультурный анализ аудиовизуального материала, который первоначально проводится преподавателем. Цель данного анализа – идентификация спектра социокультурных вопросов, актуализируемых в сериале [6]. Проведённый обзор содержания большинства сериалов позволяет выделить типовой набор социокультурных тем, релевантных для педагогического анализа: структура семейных отношений, институциональные механизмы власти, организация

системы образования, религиозные практики и верования, гастрономические традиции населения, особенности географического пространства, достижения в области искусства. Преподаватель обладает определённой степенью академической свободы при выборе приоритетных тем для анализа, руководствуясь закреплением конкретного лексического материала и коррекцией существующих стереотипов о стране, язык которой изучается.

Второй этап анализа реализуется непосредственно учащимися. Методика предполагает распределение выявленных социокультурных аспектов между студентами учебной группы. В процессе последовательного просмотра серий каждый учащийся подготавливает краткий аналитический обзор, отражающий социокультурные реалии, выявленные в просмотренном фрагменте сериала.

Второй этап работы заключается в формировании социокультурного комментария. Многие культурные феномены, представленные в сериале, требуют дополнительных пояснений и детализации. Существует два варианта реализации данного этапа:

1. самостоятельное предоставление социокультурных комментариев преподавателем (оптимально для кратких пояснений);
2. делегирование задачи по подготовке комментариев студентам в форме дополнительных устных или письменных сообщений.

Важным методическим принципом является сопоставление культурных явлений страны изучаемого языка с элементами родной культуры обучающихся. Для эффективного осуществления сравнительного анализа традиций необходимо, чтобы студенты обладали глубокими знаниями об обычаях и культурных особенностях своей страны. В случае недостатка таких знаний целесообразно предусмотреть подготовку дополнительных записей.

Для отслеживания социокультурных особенностей мы обратились к известному турецкому драматическому сериалу 2018 года знаменитого режиссера Хиляля Сарал «**Соколиный холм**». Сюжет повествует о

взаимоотношениях двух семей, которые враждуют друг с другом на протяжении вот уже 20 лет. В ходе социокультурного анализа были выявлены основные социальные тематические группы, сопровождающие сериал на протяжении всех серий. Каждая из тем – отражение того общества, в котором Турция существует уже долгое время.

Первая важная тематика сериала «Соколиный холм» – **семейные отношения**. Система родства является гибкой и достаточно подвижной, она определяет особенности социальной организации и структуры общества. Терминами родства обозначают статус, иерархическое и имущественное положение членов общества, права на наследство [2]. Отношения с родственниками и традиции семейного уклада играют в жизни турок огромное значение. В этом ключе в турецком речевом этикете с давних времён существует своеобразный этикет.

Если у русского народа названия бабушек с дедушками и тётей с дядями идут без уточнения от отца или от матери, то у турок всё устроено иначе. Здесь существует некая иерархия, где чётко прослеживается разделение по материнской и отцовской линии. Бабушки, дедушки, тёти и дяди, все они, в зависимости от этого, обозначены своим конкретным словом:

- *по отцовской линии*: «*dede*» (рус. дедушка по отцовской линии), «*nine*» (рус. бабушка по отцовской линии), «*amca*» (рус. дядя по отцовской линии), «*hala*» (рус. тётя по отцовской линии);

- *по материнской линии*: «*büyükbaba*» (рус. дедушка по материнской линии), «*büyükanne*» (рус. бабушка по материнской линии), «*dayı*» (рус. дядя по материнской линии), «*teyze*» (рус. тётя по материнской линии).

Следует отметить, что в «Соколином холме» преобладает лексика со значением кровного родства, так как сюжет турецкого сериала сконцентрирован на отношениях между кровными родственниками. В речевом этикете Турции, как это было выявлено на примере анализируемого нами турецкого сериала, есть своя закономерность в обращении к членам семьи.

Например, к старшим родственникам молодые герои обращаются на *ты* с использованием только фактических терминов родства (*anne* «мама», *baba* «папа», *abla* «старшая сестра», *amca* «дядя», *teyze* «тётя», *dede* «дедушка» и др.) или в сочетании с личным именем (*Nazik teyze* «тётя Назик», *Mehmet amca* «дядя Мехмет» и др.). Что касается обращения к младшим, то старшие родственники также сохраняют неформальность в общении на «ты» с использованием личного имени (имени собственного) и использование терминов родства по схеме «термин родства +афф. принадлежности 1 л. ед. ч» (например, *kızım* «моя дочка», *oğlum* «мой сын»).

Но в речевом этикете Турции наблюдается крайне интересная закономерность, о которой необходимо упомянуть и которая является ещё одной причиной, почему термины кровного родства так часто использовались в речи турецкого сериала «Соколиный холм». Термины родства могут употребляться не только по отношению к членам семьи или дальним родственникам, но и по отношению к малознакомым или вообще незнакомым людям в неофициальном стиле общения вне зависимости от их возраста. Данному определению соответствуют следующие термины:

- *kızım* «дочь-моя» – обращение к женщинам, значительно младше говорящего;
- *oğlum* «сын-мой» – обращение к мужчинам, значительно младше говорящего;
- *kardeş* «младший брат» – обращение к мужчинам приблизительно одного возраста с говорящим или чуть младше;
- *abla* «старшая сестра» – обращение к женщинам, как правило, несколько старше по возрасту, чем говорящий, но возможно и по отношению к женщинам среднего возраста вне зависимости от возраста говорящего;
- *ağabey* «старший брат» – обращение к мужчинам, несколько старше по возрасту, чем говорящий, но возможно и по отношению к мужчинам среднего возраста вне зависимости от возраста говорящего;

- *amca* «дядя» – обращение к мужчинам приблизительно одного возраста с отцом говорящего;
- *teyze* «тётя» – обращение к женщинам приблизительно одного возраста с матерью говорящего;
- *enişte* «дядя» – обращение практически к любым мужчинам.

Например, друг главного героя обращается к нему, используя слово *kardeş* «брат», хотя двоих людей связывают исключительно дружеские отношения. Это может говорить о том, что в речевом этикете Турции преобладает братство – вне зависимости от наличия кровного родства. Как говорилось ранее, люди в Турции – не просто гостеприимные, но и радушные по отношению ко всем людям: неважно, связаны ли вы семейными узами или вы незнакомец, которого видят в первый раз.

Помимо семейных ценностей, в турецком сериале «Соколиный холм» рассматривается **тематика любви и взаимоотношений**, которая характерна для турецких сериалов. Тема любви в выбранном нами сериале является одной из самых главных тем, ведь главные герои сериала – Верда и Эфе – влюбляются в друг друга, несмотря на вражду их семей и особенно – мам.

Важно отметить, что тема «любовь вопреки» встречается в турецком обществе очень часто. Поскольку Турция – страна двух континентов, а соответственно и двух культур, столкновение восточного и европейского колорита часто находит отражение именно в любовных отношениях. Восток означает «запрет», «осторожная любовь» (примером является мама главной героини – Мелек), а европейская культура более свободололюбива и толерантна к людям разных культур. Столкновение детей из разных семей и их влюбленность в друг друга – одна из основных тем популярных турецких сериалов.

Кроме вышепредставленных слов и словосочетаний с ними, мы выявили часто упомянутые уменьшительно-ласкательные слова (субституты имени собственного), которые характерны для разговорного пласта на уровне лексики

и их количество: *güneşim* «моё солнышко» (2), *aşkim* «любовь моя» (23), *sevgilim* «мой дорогой» (45), *meleğim* «ангел мой» *küçüküm* «моя маленькая девочка» *tatlim* «моя сладость», *canım* «возлюбленный», *bebeğim* «маленький», *aslanım* «мой лев». Чаще всего данную лексику используют в обращениях, заменяя при этом имена собственные и нарицательные (например, термины родства).

Резюмируя проведённое исследование, можно констатировать, что для турецкого менталитета, находящегося под влиянием религиозных догматов, характерно трепетное, возвышенное восприятие любовных отношений. Примечательно, что, будучи сдержанным и порой едва уловимым в силу религиозных убеждений, внешний модус проявления чувств отнюдь не становится препятствием для формирования глубоких, исполненных страсти эмоциональных связей.

Турция, позиционирующая себя как светское государство, тем не менее, характеризуется преобладанием мусульманского населения. В сериале «Постучись в мою дверь» религиозная проблематика намеренно выведена на периферию повествования, что выступает характерной чертой современного турецкого кинематографа, ориентирующегося на широкую международную аудиторию. Тем не менее ряд культурных паттернов, имеющих под собой религиозную основу, находит своё отражение в поведенческих моделях героев. Так, во время семейных трапез демонстрируется отказ от употребления свинины и алкоголя, что является прямым следованием исламским канонам. В одной из сцен тётя Айдан актуализирует праздник Рамазан (Рамадан), подчёркивая его значимость не столько как религиозного ритуала, сколько как периода духовного очищения и родового единения. Стоит отметить, что в Турции традиция коллективного ифтара (вечернего разговения) выступает объединяющим началом, консолидируя людей вне зависимости от степени их религиозности и являясь неотъемлемой частью национальной идентичности. Помимо этого, наличие в сериале сцен празднования национальных дат (Дня

Республики – Cumhuriyet Bayramı) предоставляет возможность для дискуссии о соотношении светских и религиозных начал в турецком социуме. Значимым представляется и тот факт, что религиозные праздники (Курбан-байрам – Kurban Bayramı) в современной Турции наделены статусом государственных, сопровождаясь практиками посещения родственников, дарения подарков и благотворительности, что может служить отправной точкой для компаративного анализа с российскими традициями.

Обращаясь к анализируемому сериалу «Соколиный холм» (Şahin tepesi), следует выделить эксплицитно выраженную тему защиты прав животных (эйбайт), реализуемую через образ главной героини Верды Озден, позиционируемой как бескомпромиссный защитник фауны и окружающей среды. Уже в первой серии посредством взгляда матери Верды, Мелек, зрителю демонстрируется сцена участия героини в протестной акции, направленной против использования натурального меха и изделий, производство которых сопряжено с уничтожением живых существ.

В ходе повествования мы неоднократно сталкиваемся с эпизодами, иллюстрирующими ярко выраженную активистскую позицию Верды. Первый из них, зафиксированный нами в первой серии, разворачивается в момент приезда героини с матерью и братом на похороны деда, о существовании которого она узнает лишь за несколько дней до траурной церемонии. Именно там происходит её столкновение с Эфе – одним из ключевых персонажей – и его спутницей, облачённой в одеяние из перьев. Не сумев сдержать эмоционального порыва, Верда адресует оппонентке риторический вопрос: «Tişörtündeki tüyler gerçek mi?» («Перья на твоей футболке настоящие?»). Получив ответ, содержащий упрёк в отсутствии уважения к незнакомцам, Верда произносит реплику, в которой отчётливо вербализуется её неприятие потребительского отношения к фауне: «Başka canlıların yaşam haklarına saygı yok, benden saygı istiyorsun» («Права других живых существ на жизнь не уважаются, а ты просишь у меня уважения»).

Помимо означенного эпизода, в третьей серии находит своё выражение готовность Верды к оказанию помощи животным даже в условиях экстремальной ситуации. Возвращаясь ночью с танцев, героиня улавливает жалобный скулёж собаки, угодившей в неглубокий котлован неподалеку от леса. Следуя своим убеждениям, она организует спасение животного, причём не в одиночку, а при содействии оказавшегося поблизости Эфе. В процессе объяснения последнему значимости сочувствия живым существам, подчёркивая их преданность, Верда оказывает на него решающее влияние, что впоследствии нами было отмечено как факт кардинальной трансформации его отношения к животным (от неприязни к участию).

Важно подчеркнуть, что до выхода «Соколиного холма» тема защиты фауны не была столь ярко артикулирована в турецком сериальном дискурсе. Однако после премьеры проанализированного нами проекта идея защиты прав животных приобрела значительную популярность, что позволяет квалифицировать указанный как «прорывной» в контексте продвижения новой культурной повестки.

Следовательно, социокультурный анализ сериала «Соколиный холм» (Şahin tepesi), проводимый в совокупности с соответствующим социокультурным комментарием, может быть квалифицирован как релевантный источник формирования обширных фоновых знаний, позволяющий реконструировать многомерную картину турецкой культуры.

Заключение

Являясь репрезентацией не только национальных, но и глобальных социокультурных процессов, сериал органично встраивается в парадигму поликультурного образования, выступая действенным средством ознакомления с культурным многообразием страны изучаемого языка. Будучи организованным по серийному принципу, данный формат предполагает повторяемость культурных элементов, что способствует постепенному, органичному формированию у обучающихся позитивного личностного

восприятия иных культур. Неоднозначность, присущая характерам и сюжетным коллизиям в современном сериале, создаёт продуктивную почву для аудиторных дискуссий, позволяя студентам овладевать навыками корректной артикуляции собственной позиции на иностранном языке, воспринимая альтернативные точки зрения и преодолевая потенциальные коммуникативные барьеры.

Предложенная методика работы с социокультурной составляющей сериала структурируется в два основных этапа: проведение социокультурного анализа и формулирование социокультурного комментария. Сериальный текст открывает возможность охвата широкого спектра культурологических тем, причём один комментарий закономерно становится отправной точкой для последующего, а выявление этих взаимосвязей позволяет сформировать целостное представление о национальной картине мира и характере носителей языка. Существенно и то, что сериал даёт возможность рассматривать культуру в динамике, определяя её место в современном поликультурном пространстве. На примере турецкого сериала «Соколиный холм» (Şahin tepesi) становится очевидным, что данный формат предоставляет богатейший материал для изучения таких аспектов, как семейные ценности, образовательные практики, гастрономические традиции, географический локус, искусство и многие другие.

Список литературы:

1. Андришина С. В. Телесериал как феномен современной медиакультуры // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 5. С. 3–17.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

4. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005. 432 с.

5. Кричевская К. С. Аутентичные материалы как средство формирования социокультурной компетенции при обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 1996. № 4. С. 13–17.

6. Муштанова О. Ю., Илларионова А. Л. Серил как инструмент формирования социокультурной компетенции студентов в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе (на примере итальянского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17, Вып. 5. С. 1412–1418.

7. Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М.: Еврошкола, 2004. 236 с.

8. Словарь методических терминов / под ред. Е. Азимова, А. Шукина. СПб.: Златоуст, 2005. 472 с.

9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 264 с.

10. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

11. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 260 p.

References:

1. Andriishina S. V. Teleserial kak fenomen sovremennoj mediakul'tury` // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2016. № 5. S. 3–17.

2. Bromlej Yu. V. Ocherki teorii e`tnosa. M.: Nauka, 1983. 412 s.

3. Gudkov D. B. Teoriya i praktika mezhkul`turnoj kommunikacii. M.: Gnozis, 2003. 288 s.
4. Elizarova G. V. Formirovanie mezhkul`turnoj kompetencii studentov v processe obucheniya inoyazy`chnomu obshheniyu: dis. ... d-ra ped. nauk. SPb., 2005. 432 s.
5. Krichevskaya K. S. Autentichny`e materialy` kak sredstvo formirovaniya sociokul`turnoj kompetencii pri obuchenii inostrannomu yazy`ku // Inostranny`e yazy`ki v shkole. 1996. № 4. S. 13–17.
6. Mushtanova O. Yu., Illarionova A. L. Serial kak instrument formirovaniya sociokul`turnoj kompetencii studentov v processe obucheniya inostrannomu yazy`ku v neyazy`kovom vuze (na primere ital`yanskogo yazy`ka) // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 2024. Tom 17, Vy`p. 5. S. 1412–1418.
7. Safonova V. V. Kommunikativnaya kompetenciya: sovremenny`e podxody` k mnogourovnevomu opisaniyu v metodicheskix celyax. M.: Evroshkola, 2004. 236 s.
8. Slovar` metodicheskix terminov / pod red. E.. Azimova, A.. Shhukina. SPb.: Zlatoust, 2005. 472 s.
9. Ter-Minasova S. G. Yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya. M.: Slovo, 2008. 264 s.
10. Xutorskoj A. V. Klyuchevy`e kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy` obrazovaniya // Narodnoe obrazovanie. 2003. № 2. S. 58–64.
11. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 260 p.

Информация об авторах:

Гужвинская Е. Р. – кандидат педагогических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Тимофеева Л. И. – ассистент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

E. R. Guzhvinskaya – Ph. D. (Pedagogics), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan

L. I. Timofeeva – assistant, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 20.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

ЛИНГВОДИДАКТИКА
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 378.147

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КУРСА
«АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД».
ЧАСТЬ 1. ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Александра Геннадьевна Неклюдова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

neklyudova95@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость специального обучения профессии аудиовизуального переводчика и предлагается учебно-методическая стратегия подготовки, основанная на профессиональном опыте автора. Она воплощена в форме электива, который внедрён в программы бакалавриата и специалитета. Электив профессионально ориентирован на реальные запросы рынка и ставит целью воспитать кадры, готовые приступить к работе сразу после окончания курса. Посвящён аудиовизуальному переводу под озвучивание с иностранного языка на русский. Все три этапа перевода усваиваются одновременно в ходе совместных просмотров фильмов, их анализа, домашних заданий на перевод видеоотрывков и редакции с последующим обсуждением в классе. Стратегия следует принципу «от простого к сложному» в зависимости от сложности произведений, даваемых в работу, и их анализа. С самого начала студентам внушается важность предпереводческого этапа с просмотром всего фильма, благодаря чему формируется стратегическая компетентность, а также воспитывается

скрупулёзность в оформлении перевода, от которого зависит эффективность записи. Студенты учатся создавать диалоги в псевдоустном регистре, адаптировать социокультурные референции в зависимости от восприятия реципиента, работать с искусственными вселенными. Особый интерес вызывают блоки, посвящённые переводу неанглоязычного контента (который появился после санкций 2022 г.) и табуированной лексики. Опыт показывает, что наиболее равномерное формирование переводческих компетенций происходит при регулярной проверке домашних заданий, это, однако, требует немалых затрат ресурсов преподавателя. Описанные подходы к обучению могут использоваться как опора при составлении подобного курса в высшей школе или курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, обучение аудиовизуальному переводу, псевдоустность, мультимодальность, перевод под озвучивание

Для цитирования: Неклюдова А. Г. Учебно-методическая стратегия курса «Аудиовизуальный перевод». Часть 1. Переводческий аспект // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 167–195.

LINGUODIDACTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC: 378.147

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL STRATEGY OF THE COURSE "AUDIO-VISUAL TRANSLATION". PART 1. TRANSLATION ASPECT

Alexandra G. Nekludova

Perm State National Research University, Perm, Russia

Abstract. The author proves the necessity of specific study system for the profession of audiovisual translator, and proposes the educational methodical strategy based on her professional experience. It has grown into the elective, which is introduced into bachelor and specialist programs. The elective is profession-oriented according to real demands of the market and is aimed to educate specialists who will be ready to work right after the course. It is dedicated to voice-over and dubbing from English to Russian. All three translation stages are mastered by students during screening of films, their analysis, homework translation and editing, and discussions in class. The strategy follows the principle “from simple to complex” depending on the complexity of films and their analysis. The teacher constantly tells students about the importance of pre-translation stage with screening of the entire film, thanks to this strategical competence appears. Besides, attention to graphic design of translation is formed, since efficiency of recording depends on it. Students learn to create dialogues in the register of prefabricated orality, to adapt social cultural references in accordance with recipient reception, to work with artificial worlds. Blocks dedicated to translation of non-English content (appeared after the sanctions of 2022) and taboo lexicon arouse a special interest. As experience has shown, the steadiest forming of translation competences is given by regular control of homeworks, however, this can cause drain on teacher’s resources. A solution is proposed. Described approaches can be used in development of similar courses in universities and in advanced training courses.

Keywords: audiovisual translation, audiovisual translation training, prefabricated orality, multimodality, voice-over, dubbing

For citation: Neklyudova A. G. Educational and methodological strategy of the course "Audio-visual translation". Part 1. Translation aspect // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 167–195. (In Russ.).

Введение

Профессия аудиовизуального переводчика является на данный момент одной из самых востребованных по всему миру. Объём производимого контента увеличивается в разы, а оборот средств вырастет к 2029 г. до 3,5 триллионов долларов, как прогнозирует в своём ежегодном обзоре всемирной индустрии развлечений и медиа международная аудиторская компания PricewaterhouseCoopers [24]. В частности, объём российского рынка развлечений вырастет до 2 триллионов рублей к 2029 г. [11].

Возникает естественная потребность в квалифицированных кадрах, которая до сих пор остаётся острой из-за игнорирования того, что аудиовизуальный перевод (АВП) – это отдельный тип перевода, которому необходимо обучаться специально. Такой непростой ситуации способствовало то, что долгое время в России не велось каких-либо значимых научных исследований по этой сфере, а также отсутствовала методика и единые стандарты преподавания этой специализации. В последние годы, впрочем, наблюдаются положительные сдвиги как в плане науки, так и обучения. АВП начали внедрять в учебные программы вузов, появились даже отдельные и полноценные программы по этой специальности в магистратуре, начали вносить даже предложения по постепенному внедрению этой дисциплины с поочерёдным развитием навыков уже с первого курса [16], а интернет пестрит онлайн-курсами, среди которых выделяется Школа аудиовизуального перевода (ШАП), созданная на базе студии локализации «RuFilms» и ставшая первопроходцем на этом поприще. Её преподаватели совместно с представителями компаний, оказывающих услуги в области аудиовизуального перевода и медиадоступности, в 2021 г. составили и опубликовали «Рамку компетенций» для специалиста в области перевода и медиадоступности – первый отечественный методический документ, содержащий унифицированный глоссарий терминов АВП, список базовых компетенций

необходимых аудиовизуальному переводчику и примерную структуру экзамена на проверку сформированности данных компетенций [13].

Однако это только начало долгого пути, АВП пока остаётся, по большей части, факультативной дисциплиной, осваиваемой дополнительно на курсах повышения квалификации. Проблема её более глубокого внедрения в вузы состоит, в первую очередь, в методической неготовности преподавателей. Поскольку АВП остаётся относительно новым явлением в отечественной системе подготовки переводчиков, педагоги мало информированы об АВП как отдельном типе перевода ввиду отсутствия изучения его в классическом лингвистическом образовании и небольшого числа научных исследований по этой тематике, а самое важное – у многих преподавателей отсутствует практический опыт перевода аудиовизуальных произведений. Нужно также понимать, что из-за сложности структуры объекта перевода АВП почти не поддаётся автоматизации и выполняется только человеком лишь с привлечением нейросетей и средств машинного перевода. Очевидно, что данная дисциплина должна вестись под руководством профессионального, опытного и практикующего аудиовизуального переводчика, который понимает специфику данной отрасли перевода как в плане прикладном, так и научном, или, по крайней мере, с активным привлечением одного.

Автор статьи – лингвист и филолог с высшим образованием, выпускник трёх различных курсов ШАП и практикующий аудиовизуальный переводчик с восьмилетним стажем. Преподавать АВП по приглашению ФГАОУ ВО «ПГНИУ» (г. Пермь) стала только спустя три года после начала практики.

Курс – интенсив-электив – внедрён в учебные программы бакалавриата и специалитета по специальностям «Лингвистика» и «Перевод и переводоведение» и ведётся на выпускных курсах, когда у студентов уже есть, по крайней мере, базовое представление о сути и процессе перевода.

Электив выполняется в объёме 42 академического часа. Экспериментальным методом проб и ошибок автор составил курс,

ориентированный на развитие навыков, достаточных для получения работы сразу после его окончания без привлечения дополнительных обучающих программ.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Традиционное деление перевода на устный и письменный и текстоцентрический подход к переводу до сих пор оказывают влияние на многие исследования по АВП в России: аудиовизуальное произведение рассматривается с позиций только лингвистики [9, с. 34]. Из-за этого отечественные учёные сильно отстают от своих коллег за рубежом, где исследование процесса и сути АВП продолжается уже не одно десятилетие. Впрочем, всё чаще в последние годы наши авторы [5–7; 10; 14] выносят язык АВП в *отдельный тип речи*, который обладает свойствами и устной, и письменной, но не сводится ни к одной из них. Эту особую характеристику зарубежные исследователи именуют «искусственной устностью» или «псевдоустностью» (*prefabricated orality*): «мы имеем дело с необычным устным типом речи, чья спонтанность и естественность на самом деле достигается путём тщательного планирования» [18]. То есть, это текст, написанный для устного воспроизведения, но звучащий так, будто он и написан вовсе не был, и воспринимаемый реципиентом как естественный и реалистичный. Аудиовизуальный переводчик анализирует псевдоустные средства языка оригинала и передаёт, а вернее, *воссоздаёт* диалоги с помощью псевдоустных средств языка перевода, тем самым, становясь частью «коллективного автора» произведения на языке перевода.

Аудиовизуальное произведение по своей сути – мультимодально, поскольку, как при его создании, так и интерпретации, и переводе, необходимо обращение к целому ряду семиотических кодов – и вербальных, и невербальных [19, с. 13]. Ещё в 1971 г. К. Райс писала, что перевод аудиомедиальных (позже она назвала их «мультимедиальными») произведений требует отдельного подхода [25]. Объектом АВП является аудиовизуальное

произведение – мультимодальное семантическое единство, которое создаётся за счёт взаимодействия множества знаковых систем (до пятнадцати) в четырёх информационных потоках: вербальном акустическом (звучащая речь), невербальном акустическом (шумомузыкальный ряд), вербальном визуальном (надписи, титры), невербальном визуальном (видеоряд, кинесика) [26]. Причём приоритетом здесь обладает невербальная визуальная составляющая, как было экспериментально доказано ещё представителями барселонской школы аудиовизуального перевода [17]. Результаты исследования показали, что две трети внимания и перцептивной деятельности уходит у реципиента на дешифровку и понимание визуального ряда, и только треть – вербально-текстового. Тем самым, эксперимент доказал полную несостоятельность текстоцентрического подхода к переводу аудиовизуального контента.

АВП – это перевод вербальных компонентов с обязательной синхронизацией их со всеми невербальными составляющими [20]. Аудиовизуальное произведение, вне зависимости от вида и жанра, оказывает на реципиента воздействие посредством всего комплекса информационных потоков, причём это воздействие должно обладать той же силой в принимающей культуре, что и в культуре оригинала, и вызывать ровно ту же эмоциональную реакцию как на уровне всего произведения, так и на уровне его структурных единиц. Здесь мы полностью согласны с концепцией Ю. Найды о динамической эквивалентности при переводе, которая достигается подбором наиболее точного варианта единицы коммуникации в языке перевода с точки зрения воздействия на эмоции и поведение реципиента, а не передачи максимально точного объёма формы и содержания [21–23].

Для интерпретации и перевода многокомпонентного аудиовизуального произведения, естественно, необходимы знания не только языковые, культурологические, страноведческие. Обучение аудиовизуальных переводчиков должно носить междисциплинарный характер и включать в себя

также основы таких дисциплин, как киноведение, социолингвистика, психолингвистика, психология, нарратология, сценарное искусство.

Долгое время к экстралингвистическим ограничениям, в рамках которых работает аудиовизуальный переводчик: подчинение видеоряду, синхронизация речи с мимикой и жестами, требования к оформлению, технологическая составляющая и т. д. – относились как к досадной помехе, они до сих пор остаются «основным «камнем преткновения» для большинства переводчиков, делающих первые шаги в аудиовизуальном переводе» [5, с. 32], и лишь недавно их начали рассматривать как *особенность* АВП, которая не мешает, а бросает вызов смекалке переводчика, заставляя его работать не «точечно», переводя реплику за репликой, сцену за сценой, а «смысл в смысл», интерпретируя и передавая неразрывно связанное между собой мультимодальное семантическое целое.

Соответственно, аудиовизуальный перевод необходимо рассматривать как отдельную специальность, требующую особой методики преподавания.

Составленный автором электив профессионально ориентирован на реальные запросы рынка, опирается на деятельностный подход и посвящён переводу под озвучивание с иностранного языка (английского) на русский – под закадр и дубляж. На это есть несколько причин. Во-первых, число заказов перевода под озвучивание заметно больше, чем на другие виды АВП. Во-вторых, сам автор специализируется именно на этих видах аудиовизуального перевода и может поделиться редкими наблюдениями и тонкостями рабочего процесса. В-третьих, у курса довольно сжатые сроки, и, как показывает опыт, часто даже 42 академических часов оказывается мало для полноценного освоения специфики АВП под озвучивание. Перевод под субтитры, аудиодескрипция, локализация видеоигр имеют свои законы и тонкости, которые необходимо изучать отдельно и глубоко (впрочем, желающим студентам даются ссылки на полезные ресурсы, которые могут помочь развиваться в этих направлениях). Электив же, в том числе, ставит целью воспитать кадры, готовые приступить к

работе уже после выпуска. Мотивацией, которая лежит в основе профессиональной компетенции, является рекомендация для наиболее отличившихся студентов в студию локализации «Кириллица», с которой у автора заключена договорённость, и шанс получить работу сразу. Парадоксально, но несмотря на нехватку квалифицированных переводчиков, студии редко публикуют вакансии и отвечают на «холодные» письма с резюме только в случае крайней необходимости кадров, предпочитая набирать специалистов посредством «сарафанного радио». Поэтому даваемый автором курса шанс весьма ценится студентами.

Две трети курса занимает перевод под закадровое озвучивание, и одна треть – под дубляж. Студии локализации всегда дают новичкам заказы только на закадр – самый простой вид АВП. Переводчику сначала нужно доказать свою компетентность и готовность заниматься более сложными видами перевода. Навыки дубляжа с курса становятся для выпускников дополнительным козырем, который поможет им ускорить продвижение по карьерной лестнице в студии.

В курсе отдаётся предпочтение практике, и он распределяется в соотношении 70 % практики и 30 % теории, где 10 % – это несколько лекций в начале курса, где рассказывается об особенностях АВП как отдельного типа перевода, актуальном рынке, «внутренней кухне» профессии и переводе под закадровое озвучивание, ещё 10 % – это лекции в середине курса, посвящённые переводу обценной лексики и переводу под дубляж, а остальные 10 % – это распределённая по всем занятиям установочная информация.

Электив, ведущий начало с 2021 г., изначально строился с опорой на личный опыт автора и его коллег, но с постоянным ростом научных работ по собственно аудиовизуальному переводу, методике его преподавания, выходом «Рамки компетенций» стало очевидно, что он во многом перекликается с ними, поскольку их авторы также анализировали АВП и составляли свои методики,

опираясь на практический опыт как свой и отечественных коллег, так и зарубежных [1–5; 12; 14–16].

Как заявляет А. В. Козуляев, профессиональная компетентность переводчика состоит в его готовности и способности использовать внутренние (теоретические, процедурные, интегративные знания, профессиональные умения и навыки, профессиональные качества) и внешние (средства для исполнения работы) ресурсы при выполнении профессиональных задач в определённых профессиональных условиях [5]. Он выделяет три группы компетенций, необходимых профессиональному аудиовизуальному переводчику. К первой группе, которая является и самой важной, относятся компетенции работы с образным рядом, понимания и анализа особенностей взаимодействия визуального и вербального ряда, без которых не получится составить целостную интерпретацию всех элементов невербальной информации и выстроить всё произведение как кинодискурс. Во вторую группу выносятся психоэмоциональные и культурологические компетенции, помогающие верно толковать взаимодействие вербального и невербального, интерпретировать локальные коммуникативные ситуации в произведении и его место в культуре. Благодаря этим компетенциям переводчик способен выработать целостный подход к преодолению культурного барьера, выполнив при этом главное требование поставщиков контента, а именно – добиться положительного впечатления от просмотра при адекватной передаче смысла. В третьей группе значатся языковые компетенции, которые обеспечивают адекватную передачу особенностей речи персонажей, чьи личностные и сюжетные характеристики, по большей части, отражаются в лексико-грамматической и стилистической составляющих их речи [2].

М. М. Степанова считает целесообразным строить процесс обучения аудиовизуальных переводчиков в зависимости от этапов перевода: предпереводческого, переводческого и редакционного – и, таким образом, делит учебный план на три модуля [15].

Автор статьи составил свой курс по АВП по иному принципу: все три этапа усваиваются студентами одновременно на примере домашних заданий, обсуждений и работы в классе. Все три группы компетенций, обозначенных А. В. Козуляевым, так же тренируются сразу, что представляется логичным, поскольку, чтобы выполнить аудиовизуальный перевод любого видеоклипа в том плане, который диктует специфика этого типа перевода, необходимо в процессе работы применить все указанные компетенции. Для того, чтобы все эти компетенции выросли из уже наличествующих навыков студентов выпускных курсов до достаточного профессионального уровня, в курсе используются не отдельные упражнения, а целая система целенаправленных взаимосвязанных упражнений, которые применяются в порядке нарастания сложности с уклоном в тот или иной навык.

Для закрепления навыков, необходимых для выполнения предпереводческого анализа практически на каждую пару в домашнее задание у студентов входит просмотр фильмов. Кроме того, опыт последних лет показывает, что насмотренность у молодёжи, которая так необходима аудиовизуальному переводчику для считывания всевозможных отсылок, аллюзий, пародий и т. п., оставляет желать лучшего. Автор сделала выборку по 1–2 фильма из каждого десятилетия, начиная с 1930-х гг., в список попали как признанные классические, так и «мейнстримные» произведения. На примере конкретных фильмов ученики усваивают принципы построения видеоряда, сценария и сюжета, развития конфликтов, получают общекинематографические знания, знания об истории кинематографа и месте обсуждаемых произведений в нём, учатся анализировать характеры персонажей, их взаимоотношения и развитие. Для тренировки умения выявлять элементы и средства создания псевдоустности в оригинале, а также адекватности их эквивалентов в переводе некоторые фильмы предлагается смотреть одновременно в русской озвучке и с английскими субтитрами.

Понимание логики и нюансов построения кинопроизведения переносится на домашние задания, в ходе которых выполняется перевод видеоотрывков. Следующим за обсуждением просмотренного фильма идёт обсуждение произведения, из которого был дан отрывок, с уклоном в нужды перевода: жанр и структура сюжета, конфликт, создатели произведения, их интенция и способы её воплощения, особенности целевой аудитории, ожидаемая реакция, канал дистрибуции и требования заказчика (придумываются автором, исходя из реальных примеров практики), основные переводческие сложности.

Надо подчеркнуть, что идёт обсуждение *всего* произведения. Студентам с самого начала внушается важность того, что первым этапом в АВП должен всегда являться просмотр и анализ всего произведения, поступившего на заказ. Перевод должен основываться на дедуктивном подходе – от общего к частному. Это правило пропагандировали ещё представители школы художественного перевода И. А. Кашкина, а в АВП оно приобретает жизненно важную необходимость. Только зная сюжетные повороты, логику и структуру кинопроизведения в целом, развитие персонажей и их взаимоотношений, переводчик может действительно стать частью коллективного автора и передать заложенное оригиналом динамическое воздействие на реципиента, которое манипулирует эмоциями последнего, причём как на вербальных, так и невербальных каналах. Если переводить произведение индуктивным способом – от реплики к реплике – нет гарантий того, что персонажи останутся самими собой от сцены к сцене. Если нет единого принципа и вектора работы, может потеряться целостность личности персонажей и логика всего повествования, и произведение распадается на отдельные события. Формирование стратегической компетентности начинается отсюда: восприняв и проанализировав целое, переводчик уже может построить примерную стратегию перевода с учётом составных элементов аудиовизуального произведения, социокультурного контекста, сложных ситуаций, жанровых особенностей и допущений, конвенций языка источника и перевода [5, с. 69].

Студенты учатся быть «первыми зрителями», моделируя процесс восприятия произведения сначала в культуре оригинала, а потом и в культуре принимающей, поскольку в дальнейшем ответственность за его адекватное воссоздание на языке перевода ляжет полностью на них.

С самого начала студенты понимают, что неотъемлемой частью АВП является техническая сторона. Цифровые технологии занимают важное место в работе аудиовизуального переводчика, поэтому студенты сразу начинают учиться работать с видеоматериалами, глоссариями и шаблонами оформления.

Осознать важность такого базового аспекта АВП, как оформление по правилам, диктуемым заказчиком перевода, – одна из первоочерёдных задач. В каждой студии локализации свои требования к оформлению, и мозг актёров заточен под определённые правила. Любой дефект в установленной системе может сбить актёра, что неминуемо приведёт к срыву записи и необходимости нового дубля, а время – деньги. Поскольку студенты замотивированы получить шанс попасть в конкретную студию, в ходе курса чаще всего используются её рекомендации к оформлению (но показываются примеры и других шаблонов).

Аспект оформления воспитывает в молодых переводчиках внимание к деталям – качество, жизненно необходимое переводчику в принципе и аудиовизуальному переводчику, в частности, особенно если он работает сразу в нескольких студиях или, например, трудится над многосерийным проектом, где мелкая деталь может «выстрелить» только через несколько десятков серий. Показательно, что студент, который постоянно совершает ошибки уже на этапе оформления, в будущем будет их совершать и в плане перевода: логики, однородности, стилистики и т. д. и, соответственно, вряд ли годится для этой профессии.

Как показал опыт, равномерное формирование компетентности во всех аспектах перевода эффективнее всего проходит, если работы студентов проходят регулярный контроль у преподавателя: от пары к паре домашних заданий, а не только в рамках проверочных мероприятий. Однако, разумеется,

это требует немалых затрат ресурсов самого преподавателя, особенно если группа обучающихся большая. Как выход из положения, можно производить проверку домашних работ не у всех студентов, а у одного-двух, но каждое занятие разных. Таким образом, за несколько месяцев курса преподаватель успевает отредактировать переводы по очереди у всех студентов и даже не по разу, если группа набирается до 15 человек. Комментируется всё: начиная оформлением и заканчивая «псевдоустностью» формулировок. Причём комментарии, в основной массе, прописываются в формате наводящих вопросов, а не собственно указаний, как нужно делать. Обучение происходит эффективнее, если студент собственным умом постигает суть ошибки и возможный путь её решения. Дополнительную и ничем незаменимую пользу приносит то, что после редакции студент выполняет работу над ошибками, и результаты закрепляются последующим коллективным обсуждением на занятии, которое строится на примере проверенных работ выбранных к данной паре студентов – причём обеих версий: непосредственно после редакции и после работы над ошибками – и, разумеется, переводов их одногруппников. Пусть проверка идёт по очереди, но трудятся все. Коллективное обсуждение получившихся переводов является одним из основных форматов обучения и для студентов представляет своего рода тоже работу над ошибками. Оно основывается на субъектно-субъектном подходе, который предполагает равнопартнёрское участие преподавателя и учеников при решении конкретных переводческих задач. Преподаватель начинает обсуждение с комментирования работ над ошибками, задаёт уточняющие, наводящие, а иногда и наоборот каверзные и сбивающие с толку вопросы, а студенты учатся отстаивать свою точку зрения, коллективно ищут решение проблем, делятся версиями переводов, создавая друг у друга «начитанность» – для одного и того же отрывка даётся множество вариантов формулировки от разных учеников – и формируя навык перифраза. В процессе студенты осознают, что в переводе часто «правильных» ответов может быть целое множество.

Принцип выстраивания упражнений от простого к сложному воплощается в зависимости от сложности произведений и, соответственно, их анализа – на конкретных примерах студенты осознают такие неотъемлемые свойства АВП, как сюжетность и жанровость – и аудиовизуальной синхронизации (о чём подробно будет рассказано во второй статье, посвящённой аспекту синхронизации при обучении АВП).

Курс начинается с отрывков из одноголосых документальных фильмов о природе. Сюжет у такого рода произведений довольно прост, поэтому студенты могут сосредоточиться на синхронизации, разметке, оформлении. Насыщенность фактической информации в документальных фильмах напоминает студентам, что навык поиска и анализа сведений необходим во всех типах перевода, и АВП – не исключение. Умение разбираться в материях далёких от собственной сферы работы и интересов и находить то, что нужно в конкретном заказе *в короткий срок* будет тренироваться не только при переводе документального контента, но и художественного, поскольку тематики аудиовизуальных произведений будут попадаться самые разные.

Далее мы переходим к передачам, где фигурирует уже несколько персонажей, по тематике путешествий, поиска идеального дома, ремонта, кулинарии и т. д. Сюжет у таких произведений также довольно прост, а характеры персонажей, по большей части, проявляются поверхностно. Несомненным плюсом такого контента является максимальная разговорность речи: она не прописанная, не из сценария, а произнесённая «в моменте». Несмотря на очевидную простоту, она изобилует «мусорными» выражениями, по типу *you know, kind of, I mean* и т. п. и повторами, которые студенты учатся обходить в переводе. Мы постепенно углубляем тренировку навыка создания псевдоустности. В данном аспекте сталкиваются два требования: текст должен быть оформлен по правилам русского языка, речь обязана быть грамматически, синтаксически и т. д. правильной и красивой, и при этом она обязана звучать естественно и разговорно. Фактически вся эта разговорная «шелуха» исчезает

из перевода. Студенты должны понимать, что у звучащей с экрана речи есть и образовательная функция, переводчик подаёт пример того, какой она должна быть. Это просвещение направлено на все слои и возрасты населения, но в первую очередь, конечно, на детей.

Далее мы начинаем работать уже непосредственно с художественным контентом, и первым заданием становится не собственно перевод, а разбор серии сериала в сюжетно-структурном плане. Студенты определяют костяк сюжета – завязка, развитие, кульминация, развязка – и основной конфликт. Далее устанавливают границы каждой сцены поочерёдно и ищут в них главный движок – событие или действие – сюжета, который приближает зрителя к развязке, те самые детали – «ружья» – которые потом выстрелят, а также эмоциональную доминанту. По мнению автора, одним из самых показательных жанров для такого упражнения является детектив.

Сюжет художественного контента – сложный, многоуровневый, неоднозначный. «Первому зрителю» необходимо понимать, что произведение не есть отражение объективной реальности, это отражение познания её *автором* произведения, и проявляется этот процесс познания через монтаж и иные манипуляции, которые автор производит над материалом. Посыл, образ, «подсказанный» через эти манипуляции автором, и должен расшифровать, в первую очередь, аудиовизуальный переводчик. Только поняв язык кино, мы убедимся, что оно представляет из себя не рабскую бездумную копию жизни, а активное воссоздание, в котором единства и отличия от жизни для зрителя (да и для переводчика тоже) складываются в единый, напряжённый – порой драматический – процесс познания жизни [8].

В тренировку анализа сюжета органично вплетается занятие, посвящённое практике навыка работать с искусственными вселенными. Очень часто переводчики присоединяются к многосерийным проектам не с начала, и им приходится проводить большую исследовательскую работу, чтобы разобраться в законах новой вселенной, персонажах и их взаимоотношениях.

Студентам даются на перевод отрывки из популярных франшиз, насыщенных отсылками к тому или иному персонажу, событию, предмету, закону. Их главная задача – разобраться, о чём идёт речь, и перевести «по канону», то есть, как заложила традиция конкретно в этой вселенной. Причём здесь имеется в виду не только собственно какие-то наименования, но и характеры, привычки и образы речи персонажей. Важно не только, *что* говорит герой, но и *как* он говорит.

Навык стилизовать речь вообще тренируется от общего: на примере различных жанров – комедии, боевика, исторической драмы – студенты практикуются сохранять выбранный жанровый социолект на протяжении всего перевода, к частному: конкретных персонажей. Каждый получает подробный лингворечевой портрет: имя/прозвище, возраст, род занятий, привычки, прошлое, устремления – аспекты, которые важны для формирования характера именно этого персонажа.

Наравне с этим студенты начинают интенсивно учиться воплощать в жизнь стратегии по передаче социокультурных особенностей оригинала. Аудиовизуальное произведение является концентрированным отражением культуры, которое транслируется через все его вербальные и невербальные составляющие. Вычленённые ещё на этапе предпереводческого анализа реалии рассматриваются с точки зрения потенциального зрителя, того, как он воспримет ту или иную культурную и языковую референцию в этом контексте и считает ли её вообще. Нужно понимать, что аудитория в стране исходного языка считывает их сама и без усилий, поэтому, чтобы произведение стало, как и на родине, явлением массовой культуры в стране языка перевода, переводчику необходимо подобрать верную стратегию передачи всех присутствующих референций.

Какого-то списка правил, как поступать в той или иной ситуации, нет. На примере различных жанров студенты постепенно приходят к пониманию, что суть профессии аудиовизуального переводчика – творческая. Он занимается

транскреацией, то есть креативной адаптацией оригинального произведения средствами языка перевода, которая преследует цель добиться того же эмоционального отклика от целевой аудитории, какое производит исходник [5, с. 18]. Здесь не может быть общих правил, это, скорее, бесчисленное множество частных случаев. Стратегии от произведения к произведению получаются разные, на 100 % похожих не бывает никогда, главное, уметь выстраивать их в зависимости от конечного пункта – реакции реципиента.

Особенно отчётливо студенты это понимают, когда мы переходим к переводу неанглоязычного контента. Этот особый блок был включён в курс под влиянием реальной ситуации на рынке перевода: после санкций 2022 г. и ухода большинства западного контента наш рынок наводнил контент на других языках. Самыми активными странами-поставщиками остаются Турция и Китай, поэтому на тренировку даются образцы их произведений. Вместе с оригинальным видео и субтитрами студентам отправляются и английские субтитры, которые, в подавляющем большинстве случаев, низкого качества, а часто являются даже не переводом, а пересказом оригинала. В них содержится множество неточностей, а то и фактических ошибок, несовпадений с видеорядом, буквализмов и калек. Переводчику в таком случае за неимением выбора приходится подниматься на уровень смысла, транслируемый видеорядом, и не просто перестраивать текст – переписывать его. Он буквально становится «вторым сценаристом». Поэтому знания построения сценария и навык создавать естественные диалоги здесь жизненно необходимы. Студенты учатся работать с оригинальными, английскими субтитрами и видео по-новому. Видео – истина в последней инстанции, полностью положиться можно только на него. Окончательное осознание того, что аудиовизуальный переводчик переводит видео, а не скрипты/субтитры, приходит именно в этом блоке. Сначала, когда ученики находятся на переходном этапе понимания разницы между аудиовизуальным и письменным переводом, они цепляются при работе за текстовые материалы, часто забывая, что эти материалы – лишь

вспомогательные и регулярно расходятся с тем, что происходит в видео. При переводе же неанглоязычного контента, когда субтитры/скрипты не просто расходятся в каких-то мелочах с видеорядом, а часто вводят в заблуждение и путают переводчика, у студентов не остаётся выбора как обратить, наконец, полное внимание на видеоматериалы.

Это уже совершенно другой уровень работы с новой информацией. Переводчику необходимо глубоко погружаться в культуру страны, язык которой он прежде не изучал, тем самым, он воспитывает в себе более серьёзное внимание к деталям. Несмотря на то, что в каждом подобном проекте, как правило, присутствует специалист, знающий исходный язык, ответственность переводчика, не говорящего на нём, не уменьшается, и умение задавать верные вопросы очень ценится. Студенты ориентированы на постоянное самообразование, без которого работать над таким контентом просто невозможно. Подобные заказы, кстати, нередко становятся отличной мотивацией учить новые языки. Специалистам, владеющим редкими языками (турецким, китайским, корейским, японским, ивритом, арабским), платят по повышенным ставкам, и студии отрывают таких переводчиков с руками.

Примерно на середине электива, когда у студентов уже набирается опыт перевода аудиовизуальных произведений, помимо переводческих упражнений, вводятся редакционные. Для этого ещё в начале курса автор собирает со всех учеников неотредактированные версии первого домашнего задания и снова раздаёт их уже на этом этапе. Задача студентов – отредактировать самих себя, имея за плечами багаж знаний и навыков, которых у них не было на момент первого перевода. Это задание, в том числе, имеет целью наглядно показать студентам их собственный рост и, тем самым, замотивировать их развиваться дальше, что представляется полезным, поскольку спустя полтора-два месяца уроков ощущение новизны и интерес начинает несколько угасать, и его бывает не лишним немного подстегнуть.

Другие примеры редакционных упражнений: студенты редактируют друг друга (они разделены на две подгруппы, одна из которых выступает в роли переводчиков, а вторая – редакторов), редактируют видеотривки уже с существующими переводами.

О важности саморедактуры студенты выпускных курсов уже и так знают, однако, преподаватель постоянно напоминает об этом. Отредактированный преподавателем домашний перевод наглядно показывает ученику, сколько мелких ошибок и недочётов остаётся в тексте, если его не «почистить» перед отправкой. А когда эти же самые глупые ошибки выносятся на всеобщее обозрение при коллективных обсуждениях в классе, студент учится обуздывать свою лень и невнимательность.

Ещё одним представляющим особый интерес для студентов блоком является перевод обценной лексики. В нём автор рассказывает, почему и когда ругань необходима в переводе, почему и какие выражения являются табуированными в России, о разнице отношения к ругани в России и за рубежом, о цензуре и табу-темах (ЛГБТ+, чайлдфри, аборт, наркотики), какие выражения не запрещены, но нежелательны и часто опускаются при переводе, и что переводчику делать в рамках действующей цензуры и требований заказчика. В качестве закрепления материала студентам предлагается в работу видеотривок из произведения, насыщенного табуированной лексикой, который нужно перевести в рамках цензуры, постаравшись при этом сохранить оригинальный эмоциональный накал.

Последний блок в курсе посвящён переводу под дубляж. На установочной лекции преподаватель готовит студентов к тому, что тексты переводов усложняются по всем аспектам. В оформлении появляется целое множество дополнительных помет (эмоций, образа речи, в кадре/за кадром). Синхронизация соблюдается строго.

Преподавателем было решено тренировать данный навык на примере мультсериалов для детей возрастом 9–14 лет, и на это есть несколько причин.

Несмотря на то, что мультфильмы выбраны для детей более старшего возраста, и соответственно, имеют более проработанный видеоряд в сравнении с мультфильмами для малышей, прорисовка движений речевого аппарата остаётся в большинстве произведений довольно недетализированной, что делает синхронизацию «в губы» гораздо легче.

Продолжается активная тренировка навыка работать с искусственными вселенными, поскольку они оказывают на перевод подобного контента довольно сильное влияние. Игра является основным средством познания мира у целевой аудитории, поэтому создатели мультсериалов стараются делать игровую вселенную максимально насыщенной, яркой и необычной. Особенности мультяшного мира очень часто используются для различных шуток, аллюзий, пародий, игры слов, неологизмов, перевести которые без знания этих особенностей невозможно.

Насыщенность всякого рода каламбурами и словообразованиями является отличительной чертой детского контента и делает его в плане перевода одним из самых сложных жанров. Фантазия создателей не знает границ, больше нигде, как в мультфильмах, законы логики и реальности не попираются так часто и с таким воодушевлением. Поэтому творческая жилка переводчика при работе с данными произведениями должна раскрываться максимально, в противном случае, на выходе получится пресный, полумёртвый мультфильм, который не вызовет ни радости, ни удивления, ни смеха, ни любознательности у детей.

Работа с игрой слов является одним из самых сложных навыков, поскольку удачно подобранный эквивалент показывает глубокое чувство не только иностранного языка и культуры, но и собственного. В большинстве случаев, чтобы перевести каламбур с иностранного языка, его нужно *придумать* на языке перевода и *подогнать* под рамки текущей ситуации. Особую сложность при переводе вызывают у студентов каламбуры, чей смысл обыгрывается не только вербально, но и невербально.

Контрольных мероприятий в курсе всего три: два в модуле перевода под за кадр и одно – в модуле дубляжа. Задание в первых двух представляет собой перевод видеоотрывков, а третьем – редакция уже готового перевода под дубляж, который преподаватель специально подготовил и наполнил всевозможными ошибками во всех аспектах, начиная с оформления и заканчивая правилами русского языка. Требования к текстам ужесточаются от контрольной к контрольной по мере накопления студентами переводческой практики.

Заключение

Аудиовизуальный перевод ввиду своих экстралингвистических особенностей является отдельным типом перевода, и поэтому обучаться ему необходимо специально. Описанная система упражнений доказала свою эффективность. За время существования электива «Аудиовизуальный перевод» в студию локализации «Кириллица» было отправлено автором 33 студента. Все успешно прошли тестовое задание и получили работу. Предложенные в статье подходы к обучению и примеры заданий обусловлены реальными запросами рынка, актуальной ситуацией в этой рабочей сфере и стране и запросами самих студентов. Популярность курса – по две группы от 10 человек набираются каждый год – объясняется устойчивым интересом молодёжи к данной профессии, который толкает ребят пробовать свои силы на этом поприще ещё со школьной скамьи в различных фанатских группах, занимающихся любительским переводом и озвучкой контента. Описанный учебный план может использоваться в качестве примера или опоры при составлении подобных курсов в высшей школе, а также курсов повышения квалификации и переподготовки аудиовизуальных переводчиков. То, что подобных курсов будет становиться всё больше, несомненно. Объёмы контента, его разновидностей, каналов дистрибуции, растут, расширение медиасферы происходит теперь отнюдь не только силами Запада, в процесс с каждым годом всё активнее включаются страны Азии, Африки, Южной Америки. После

санкций 2022 г. интересы российских потребителей стали более многонациональными. Следовательно, с течением времени спрос квалифицированных аудиовизуальных переводчиков будет ощущаться всё острее, и педагогическое сообщество должно быть готово его удовлетворить.

Список литературы:

1. Кац Н. Г., Герасимова А. С. Методическая стратегия обучения переводу иноязычных мультимодальных текстов // Вопросы методики преподавания в вузе. 2024. Т. 13, № 4. С. 23–42.
2. Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и основания инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 3–24.
3. Козуляев А. В. Основы инновационной методики формирования профессиональных компетенций аудиовизуального переводчика // Инновационные проекты и программы в образовании. 2017. № 6. С. 55–62.
4. Козуляев А. В. Понимание как составляющая процесса аудиовизуального перевода и методические инструменты обучения пониманию аудиовизуальных произведений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 181–199.
5. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2019. 234 с.
6. Корячкина А. В. Художественный (постановочный) кинофильм как дискурс // Филол. науки. Вопр. теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3 ч. Ч. III. С. 91–97.
7. Кустова О. Ю. Поликодовость текста как фактор стратегии перевода кинофильма // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29

января 2015 г.) / редкол. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 279–282.

8. Лотман М. Ю. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 567). Тарту, Издательство Тартуского университета, 1981. С. 3–18.

9. Малёнова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 32–46.

10. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 211 с.

11. Рынок развлечений в России удвоится к 2029 году и достигнет 2 трлн рублей. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/535915-rynok-razvlechenij-v-rossii-udvoitsa-k-2029-godu-i-dostignet-2-trln-rublej> (дата обращения: 22.03.2026).

12. Ситдикова В. В. Опыт обучения аудиовизуальному переводу // Японский язык в вузе. Актуальные проблемы преподавания: Сборник научных трудов. Материалы Второго международного форума. Москва: ООО «Языки народов мира», 2025. С. 270-277.

13. Специалист в области перевода и медиадоступности: рамка компетенций / Д. А. Асташина, И. С. Борщевский, Н. В. Гайдаш [и др.]. Казань: Бук, 2021. 46 с.

14. Степанова М. М. Методическая подготовка преподавателя к обучению студентов аудиовизуальному переводу // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8, № 29. С. 33–46.

15. Степанова М. М. Система упражнений для формирования компетенций аудиовизуального переводчика // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. Т. 11, № 1. С. 45–53.

16. Шевченко О. Г., Барабашёва И. В. Формирование профессиональных умений аудиовизуального переводчика в процессе

интеграции дисциплин в вузе // Перспективы науки и образования. 2025. № 2. С. 85–103.

17. Audiovisual Translation and Media Accessibility at the Crossroads: Media for All 3 / ed. by Aline Remael, Pilar Orero, Mary Carroll. Hague: Rodopi, 2012. 440 с.

18. Baños-Piñero R., Chaume F. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation // inTRAlinea Special Issue: The Translation of Dialects in Multimedia. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (дата обращения: 22.03.2026).

19. Gonzalez L. P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2011. P. 13–20.

20. Matkivska N. Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied. Kalbu Studijos. 2014. № 25. Pp. 38–44.

21. Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 с.

22. Nida E., Charles R. Taber. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969. 218 с.

23. Nida E. Language Structure and Translation. Stanford: Stanford University Press, 1975. 226 с.

24. Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2022–2026. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/business-model-reinvention/outlook/insights-and-perspectives.html> (дата обращения: 22.03.2026).

25. Reiss. K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. Munich: Hueber, 1971. 124 p.

26. Zabalbeascoa P. The Nature of the Audiovisual Text and Its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation / ed. by J. Díaz-Cintas. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 21–37.

References:

1. Kacz N. G., Gerasimova A. S. Metodicheskaya strategiya obucheniya perevodu inoyazy`chny`x mul`timodal`ny`x tekstov // Voprosy` metodiki prepodavaniya v vuze. 2024. T. 13, № 4. C. 23–42.
2. Kozulyaev A. V. Obuchenie dinamicheskii e`kvivalentnomu perevodu audiovizual`ny`x proizvedenij: opy`t razrabotki i osnovaniya innovacionny`x metodik v ramkax Shkoly` audiovizual`nogo perevoda // Vestnik Permskogo nacional`nogo issledovatel`skogo politexnicheskogo universiteta. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki. 2015. № 3 (13). S. 3–24.
3. Kozulyaev A. V. Osnovy` innovacionnoj metodiki formirovaniya professional`ny`x kompetencij audiovizual`nogo perevodchika // Innovacionny`e proekty` i programmy` v obrazovanii. 2017. № 6. S. 55–62.
4. Kozulyaev A. V. Ponimanie kak sostavlyayushhaya processa audiovizual`nogo perevoda i metodicheskie instrumenty` obucheniya ponimaniyu audiovizual`ny`x proizvedenij // Vestnik Permskogo nacional`nogo issledovatel`skogo politexnicheskogo universiteta. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki. 2018. № 4. S. 181–199.
5. Kozulyaev A. V. Integrativnaya model` obucheniya audiovizual`nomu perevodu (anglijskij yazy`k): dis. ... kand. ped. nauk. Moskva, 2019. 234 s.
6. Koryachkina A. V. Xudozhestvenny`j (postanovochny`j) kinofil`m kak diskurs // Filol. nauki. Vopr. teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 3 (45): v 3 ch. Ch. III. C. 91–97.
7. Kustova O. Yu. Polikodovost` teksta kak faktor strategii perevoda kinofil`ma // Aktual`ny`e napravleniya nauchny`x issledovanij: ot teorii k praktike: materialy` III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary`, 29 yanv. 2015 g.) / redkol. O. N. Shirokov [i dr.]. Cheboksary`: CzNS «Interaktiv plyus», 2015. S. 279–282.

8. Lotman M. Yu. Tekst v tekste // Trudy` po znakovy`m sistemam. XIV. (Ucheny`e zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vy`p. 567). Tartu, Izdatel`stvo Tartuskogo universiteta, 1981. S. 3–18.
9. Malyonova E. D. Teoriya i praktika audiovizual`nogo perevoda: otechestvenny`j i zarubezhny`j opy`t // Kommunikativny`e issledovaniya. 2017. № 2 (12). S. 32–46.
10. Matasov R. A. Perevod kino/video materialov: lingvokul`turologicheskie i didakticheskie aspekty`: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009. 211 s.
11. Ry`nok razvlechenij v Rossii udvoitsya k 2029 godu i dostignet 2 trln rublej. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/535915-rynok-razvlechenij-v-rossii-udvoitsya-k-2029-godu-i-dostignet-2-trln-rublej> (data obrashheniya: 22.03.2026).
12. Sitdikova V. V. Opy`t obucheniya audiovizual`nomu perevodu // Yaponskij yazy`k v vuze. Aktual`ny`e problemy` prepodavaniya: Sbornik nauchny`x trudov. Materialy` Vtorogo mezhdunarodnogo foruma. Moskva: OOO «Yazy`ki narodov mira», 2025. S. 270-277.
13. Specialist v oblasti perevoda i mediadostupnosti: ramka kompetencij / D. A. Astashina, I. S. Borshhevskij, N. V. Gajdash [i dr.]. Kazan`: Buk, 2021. 46 s.
14. Stepanova M. M. Metodicheskaya podgotovka prepodavatelya k obucheniyu studentov audiovizual`nomu perevodu // Voprosy` metodiki prepodavaniya v vuze. 2019. T. 8, № 29. S. 33–46.
15. Stepanova M. M. Sistema uprazhnenij dlya formirovaniya kompetencij audiovizual`nogo perevodchika // Voprosy` metodiki prepodavaniya v vuze. 2022. T. 11, № 1. S. 45–53.
16. Shevchenko O. G., Barabashyova I. V. Formirovanie professional`ny`x umenij audiovizual`nogo perevodchika v processe integracii disciplin v vuze // Perspektivy` nauki i obrazovaniya. 2025. № 2. S. 85–103.

17. Audiovisual Translation and Media Accessibility at the Crossroads: Media for All 3 / ed. by Aline Remael, Pilar Orero, Mary Carroll. Hague: Rodopi, 2012. 440 s.
18. Baños-Piñero R., Chaume F. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation // inTRAlinea Special Issue: The Translation of Dialects in Multimedia. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (data obrashheniya: 22.03.2026).
19. Gonzalez L. P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2011. P. 13–20.
20. Matkivska N. Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied. Kalbų Studijos. 2014. № 25. Rp. 38–44.
21. Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 s.
22. Nida E., Charles R. Taber. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969. 218 s.
23. Nida E. Language Structure and Translation. Stanford: Stanford University Press, 1975. 226 s.
24. Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2022–2026. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/business-model-reinvention/outlook/insights-and-perspectives.html> (data obrashheniya: 22.03.2026).
25. Reiss. K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. Munich: Hueber, 1971. 124 p.
26. Zabalbeascoa R. The Nature of the Audiovisual Text and Its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation / ed. by J. Díaz-Cintas. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 21–37.

Информация об авторе:

А. Г. Неклюдова – преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the author:

A G. Nekludova – teacher, Perm State National Research University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2026; одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 25.03.2026.

The article was published 22.03.2026; approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 25.03.2026.

ЛИНГВОДИДАКТИКА
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 372.881.161.1

МЕДИАТЕКСТ КАК ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Максим Юрьевич Рассохин

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

myurassokhin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается дидактический потенциал использования медиатекста на уроках русского языка. Показано, что включение различных видов медиатекстов (новостные заметки, рекламные сообщения, посты в социальных сетях, подкасты, видеоблоги) в образовательный процесс способствует развитию коммуникативной компетенции учащихся, формированию критического мышления и навыков работы с информацией. Отмечается, что медиатекст выступает эффективным средством обучения, позволяющим интегрировать работу над всеми видами речевой деятельности. Сделан вывод о необходимости системного включения медиатекстов в практику преподавания русского языка с учётом их жанрово-стилистического разнообразия.

Ключевые слова: медиатекст, медиаобразование, коммуникативная компетенция, критическое мышление, работа с информацией, жанры медиатекстов

Для цитирования: Рассохин М. Ю. Медиатекст как дидактическая единица на уроках русского языка // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 196–206.

LINGUODIDACTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 372.881.161.1

MEDIATEXT AS A DIDACTIC UNIT IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

Maxim Y. Rassokhin

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, Moscow, Russia

myurassokhin@mail.ru

Abstract. The article discusses the didactic potential of using media texts in Russian language lessons. It is shown that the inclusion of various types of media texts (news articles, advertising messages, social media posts, podcasts, and video blogs) in the educational process contributes to the development of students' communicative competence, critical thinking, and information processing skills. It is noted that media texts serve as an effective teaching tool that allows for the integration of all types of speech activity. The article concludes that it is necessary to systematically include media texts in the practice of teaching Russian, taking into account their genre and stylistic diversity.

Keywords: media text, media education, communicative competence, critical thinking, information work, media text genres

For citation: Rassokhin M. Y. Mediatext as a didactic unit in russian language lessons // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 196–206. (In Russ.).

Введение

Современное языковое образование в школе переживает период активной трансформации, обусловленной не только сменой образовательных парадигм, но и глубинными изменениями в коммуникативных практиках подрастающего

поколения. Как отмечает Е. А. Купирова, сегодня актуальным становится «создание и системное функционирование в образовательном учреждении образовательного медиапространства, способствующего личностному развитию обучающихся, формированию функциональной грамотности, осуществлению профессиональных проб медианаправленности» [3, с. 2]. Включение медиатекстов в процесс обучения русскому языку отвечает этой задаче, поскольку позволяет приблизить учебную деятельность к реальным коммуникативным ситуациям.

Термин «медиатекст» был введён зарубежными исследователями Теуном Ван Дейком и Аланом Беллом, которые рассматривали его как разновидность текста, рассчитанного на массовое потребление. В отечественной науке фундаментальные исследования в этой области принадлежат Т. Г. Добросклонской, которая акцентирует внимание на дидактическом потенциале медиатекстов, отмечая их воздействующую функцию и возможность использования в образовательном процессе, так как тексты данной направленности помогают формировать взгляды и поведение учащихся [1, с. 56].

Исследовательские результаты и их интерпретация

Особую роль в развитии коммуникативных навыков играет школьный курс русского языка. Именно на уроках русского языка формируются навыки смыслового чтения, анализа текста, аргументации, логического построения высказывания и грамотного выражения собственных мыслей. Медиатекст как дидактическая единица обладает уникальными свойствами: он актуален, аутентичен, разнообразен по жанрам и стилям, что делает его незаменимым материалом для формирования всех видов речевой деятельности. В научной литературе существуют различные подходы к определению понятия медиатекста. А. В. Федоров понимает под медиатекстом «сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа» [8, с. 24]. И. В. Жилавская определяет медиатекст как «интегративный результат функционирования

средств массовой информации, обладающий специфическими признаками и характеристиками» [2, с. 78]. Применительно к обучению русскому языку наиболее продуктивным представляется подход, рассматривающий медиатекст как материал, позволяющий формировать у учащихся умения понимать, интерпретировать и создавать тексты различных жанров, функционирующие в медиасреде. Исследователи выделяют несколько ключевых признаков медиатекста, значимых для дидактики. Т. Г. Добросклонская отмечает такие характеристики, как массовость аудитории, интеграция вербальных и медийных средств, жанрово-стилистическое разнообразие, ориентация на конкретную целевую аудиторию [1, с. 62]. Н. Д. Десяева подчёркивает, что медиатекст обладает воздействующим потенциалом и позволяет формировать не только языковые, но и коммуникативно-прагматические навыки учащихся [4, с. 45].

Классификация медиатекстов может быть построена на различных основаниях. По каналу передачи информации выделяют печатные (газеты, журналы), аудиальные (радиопередачи, подкасты), аудиовизуальные (телепередачи, видеоблоги) и цифровые (интернет-издания, посты в социальных сетях) медиатексты. По жанровой принадлежности различают информационные (заметка, репортаж, интервью), аналитические (статья, комментарий, рецензия) и художественно-публицистические (очерк, эссе, зарисовка) жанры. По функциональной направленности выделяют медиатексты, ориентированные на сообщение информации, воздействие, развлечение или убеждение.

Дидактический потенциал медиатекстов на уроках русского языка раскрывается в нескольких направлениях. Прежде всего, работа с медиатекстами позволяет формировать навыки смыслового чтения. Учащиеся учатся выделять главную мысль, определять тему и идею текста, находить ключевые слова, понимать подтекст и имплицитную информацию. Особую ценность представляют задания на сопоставление различных точек зрения, представленных в разных медиаисточниках, что способствует развитию

критического мышления. Как отмечает А. С. Морярович, работа с медиатекстами может включать разнообразные виды упражнений: подбор заголовка, отражающего основную мысль просмотренного новостного или рекламного ролика; определение стилистической принадлежности текста и выявление его особенностей; анализ специфики используемой лексики; выявление средств выразительности; поиск орфографических или пунктуационных ошибок [5, с. 5–6]. Значительный потенциал медиатекстов связан с развитием аналитических навыков. Анализ рекламных сообщений позволяет выявлять языковые средства воздействия на аудиторию, определять целевую аудиторию, оценивать эффективность использованных приёмов. Работа с новостными материалами формирует умения отличать факты от мнений, выявлять информационные искажения, определять достоверность источников. Исследователи подчёркивают, что медиатексты могут использоваться для развития критического мышления. Л. Мастерман, идеи которого развиты в отечественной педагогике Л. С. Зазнобиной и А. А. Журиным, отмечал, что медиапросвещение должно не столько передавать готовые знания, сколько формировать у ученика устойчивую установку на сомнение, поиск скрытых целей медиатекста, выявление идеологических, коммерческих и политических подтекстов [6, с. 112]. Учащиеся учатся задавать вопросы: кто создал этот текст? с какой целью? на какую аудиторию он рассчитан? какие языковые средства используются для достижения цели?

Важным направлением является использование медиатекстов для развития продуктивных речевых навыков. На основе анализа образцов учащиеся создают собственные медиатексты различных жанров: посты для школьного сайта, новостные заметки, репортажи, интервью, комментарии. Такая работа способствует развитию умений отбирать языковые средства в соответствии с коммуникативной задачей, учитывать целевую аудиторию, выстраивать логичную структуру текста.

В современной педагогической практике накоплен значительный опыт использования медиатекстов в обучении русскому языку. В рамках проекта «Медиакласс в московской школе», реализуемого с 2021 года, медиатексты различных жанров становятся основой для формирования коммуникативной компетенции учащихся. Как отмечает Е. А. Купирова, в школьных медиacentрах создаются условия для анализа и создания медиапродуктов, что способствует развитию функциональной грамотности и профессиональной ориентации школьников [3, с. 4]. Опыт медиacentра ZOOM школы «Дмитровский» показывает, что системная работа с медиатекстами различных жанров позволяет формировать у учащихся устойчивые навыки анализа информации и создания собственных текстов. Учащиеся работают с новостными материалами, учатся различать информационные и аналитические жанры, создают репортажи, интервью, заметки для школьного журнала [7, с. 3]. Такая деятельность обеспечивает не только развитие языковых навыков, но и формирование медиакомпетентности, необходимой для жизни в современном информационном обществе.

В практике обучения русскому языку могут использоваться различные типы заданий с медиатекстами. Классификация таких заданий представлена в таблице.

Особого внимания заслуживают мультимедийные медиатексты, объединяющие словесный ряд с визуальными элементами. По наблюдению К. Е. Агафоновой, применение аудиовизуальных материалов создаёт предпосылки для более качественного восприятия учебного материала и усиливает заинтересованность обучающихся [1, с. 3]. Разбор видеосюжетов, выполнение заданий по следам прослушанных подкастов, обращение к инфографике – всё это помогает вырабатывать у школьников умения осмысленно воспринимать и интерпретировать информацию, закодированную различными способами. Весьма продуктивным представляется обращение к

медиа-текстам при обучении аргументации. Анализируя публицистические материалы (статьи, заметки и т. п.), школьники получают возможность на конкретных примерах увидеть, как выстраивается доказательная база, в чём заключаются достоинства и уязвимые места предлагаемых доводов. Подобная работа не только развивает логическое мышление, но и вносит вклад в становление коммуникативной компетенции. Не менее существенно и то, что медиа-тексты отличаются актуальностью и наглядностью: обсуждение свежих новостей, разбор рекламных обращений, обращение к записям в социальных сетях превращают обучение из абстрактного процесса в занятие, тесно связанное с повседневной жизнью. Тем самым учащимся становится очевидно, что владение языком – это инструмент, необходимый для ориентации в окружающем мире и полноценного общения.

Таблица

Типы заданий с медиа-текстами на уроках русского языка

Тип заданий	Примеры	Формируемые навыки
Аналитические	Определить тему и идею текста, выявить авторскую позицию, найти языковые средства воздействия	Смысловое чтение, аналитическое мышление
Сравнительные	Сопоставить освещение одного события в разных источниках, сравнить жанровые особенности	Критическое мышление, умение сопоставлять информацию
Трансформационные	Перевести текст из одного жанра в другой (заметку в репортаж, интервью в статью)	Понимание жанровых особенностей, стилистическая компетенция
Продуктивные	Создать собственный медиа-текст заданного жанра (пост, заметку, подкаст)	Речевые навыки, умение учитывать адресата
Редакторские	Найти и исправить ошибки в медиа-тексте, улучшить его	Навыки редактирования, самоконтроль

В специальной литературе подчёркивается важность последовательного, системного подхода к включению медиа-текстов в преподавание русского языка. По мнению И. А. Фатеевой, медиаобразование призвано не столько транслировать готовую информацию, сколько вооружать учащихся способами самостоятельного добывания знаний, позволяющими раскрывать подчас скрытые смыслы медийных сообщений [6, с. 118]. Реализация такой установки

предполагает, что учитель владеет соответствующими методиками и способен выстроить систему упражнений, постепенно формирующих необходимые компетенции. При этом нельзя упускать из виду и возможные сложности. Изобилие информации в интернет-пространстве и преобладание развлекательных форматов могут прививать учащимся привычку к поверхностному, скользкому восприятию. В такой ситуации на педагога ложится обязанность выработать у школьников внятные критерии оценки медиапродуктов и добиваться, чтобы они не ограничивались пассивным потреблением, а осваивали аналитические процедуры. Крайне важно, чтобы взаимодействие с медиатекстами не исчерпывалось чтением или просмотром, а включало в себя элементы исследования и самостоятельного творчества.

Заключение

Развитие функциональной грамотности сегодня по праву считается одной из приоритетных образовательных задач. Её становление невозможно без формирования у учащихся способности опираться на полученные знания при решении практических задач, критически оценивать информацию и убедительно излагать собственную точку зрения. Медиатекст, как дидактическая единица, открывает в этом отношении исключительно широкие возможности, позволяя охватить разные виды речевой деятельности и воспитать навыки, востребованные в современном мире. Как свидетельствует анализ научной литературы, уроки русского языка обладают значительным потенциалом для развития коммуникативной компетенции, и обращение к медиатекстам существенно расширяет арсенал доступных педагогу средств. Грамотное использование медиатекстов помогает совершенствовать умения работать с информацией, формировать критическое мышление и повышать общую речевую культуру школьников. Достижение ощутимых результатов здесь напрямую зависит от продуманности организации учебного процесса и разумного сочетания заданий, нацеленных на анализ, интерпретацию и самостоятельное создание медиатекстов.

Список литературы:

1. Агафонова К. Е. Использование аудиовизуальных средств подачи лингвострановедческого материала в обучении русскому языку как иностранному // Учебный центр русского языка МГУ. 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=futixx&ysclid=mmwdmeqbe861435825>. (дата обращения: 03.03.2026).
2. Десяева Н. Д. Академическая коммуникация: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2022. 151 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ, 2020. 362 с.
4. Жилавская И. В. Медиаобразование молодёжи. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. 214 с.
5. Купирова Е. А. Медиа технологии в образовательном процессе // Инфоурок. 2025. URL: <https://infourok.ru/statya-mediatehnologii-v-obrazovatelnom-processe-8086756.html> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Медиациентр ZOOM школы «Дмитровский»: опыт работы в проекте «Медиакласс в московской школе» // Московский центр качества образования. 2025. URL: <https://mcko.ru/articles/mediatsentr-zoom-shkoly-dmitrovskiy-opyt-raboty-v-proekte-mediaklass-v-moskovskoy-shkole> (дата обращения: 03.03.2026).
7. Морярович А. С. Организация работы школьников с медиатекстами на уроках русского языка с помощью информационно-коммуникационных технологий // Всероссийская педагогическая конференция «Использование ИКТ в образовательном процессе». М.: Академия педагогических проектов Российской Федерации, 2025. С. 1– 8.
8. Фатеева И. А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2007. 270 с.
9. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону: ЦВВР, 2001. 708 с.

References:

1. Agafonova K. E. Ispol`zovanie audiovizual`ny`x sredstv podachi lingvostranovedcheskogo materiala v obuchenii russkomu yazy`ku kak inostrannomu // Uchebny`j centr russkogo yazy`ka MGU. 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=futixx&ysclid=mmwdmeqbve861435825>. (data obrashheniya: 03.03.2026).
2. Desyaeva N. D. Akademicheskaya kommunikaciya: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2022. 151 s.
3. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: teoriya, metody`, napravleniya. M.: KDU, 2020. 362 s.
4. Zhilavskaya I. V. Mediaobrazovanie molodyozhi. M.: RICz MGGU im. M. A. Sholoxova, 2013. 214 s.
5. Kupirova E. A. Mediateknologii v obrazovatel`nom processe // Infourok. 2025. URL: <https://infourok.ru/statya-mediatehnologii-v-obrazovatelnom-processe-8086756.html> (data obrashheniya: 03.03.2026).
6. Mediacentr ZOOM shkoly` «Dmitrovskij»: opyt` raboty` v proekte «Mediaklass v moskovskoj shkole» // Moskovskij centr kachestva obrazovaniya. 2025. URL: <https://mcko.ru/articles/mediatsentr-zoom-shkoly-dmitrovskiy-opyt-raboty-v-proekte-mediaklass-v-moskovskoy-shkole> (data obrashheniya: 03.03.2026).
7. Moyarovich A. S. Organizaciya raboty` shkol`nikov s mediatekstami na urokax russkogo yazy`ka s pomoshh`yu informacionno-kommunikacionny`x tehnologij // Vserossiyskaya pedagogicheskaya konferenciya «Ispol`zovanie IKT v obrazovatel`nom processe». M.: Akademiya pedagogicheskix proektov Rossijskoj Federacii, 2025. S. 1– 8.
8. Fateeva I. A. Mediaobrazovanie: teoreticheskie osnovy` i praktika realizacii. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo gos. un-ta, 2007. 270 s.
9. Fedorov A. V. Mediaobrazovanie: istoriya, teoriya i metodika. Rostov-na-Donu: CzVVR, 2001. 708 s.

Информация об авторе:

М. Ю. Рассохин – аспирант, Московский городской педагогический университет

Information about the author:

M. Y. Rassokhin – graduate student, Moscow City Pedagogical University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 05.03.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

К рассмотрению принимаются статьи учёных, аспирантов, докторантов, соискателей, отражающие новые научные взгляды, значимые результаты и достижения в области гуманитарных наук и междисциплинарных предметных областей по следующим основным направлениям:

- вопросы теоретической и прикладной лингвистики (разделы «Общие вопросы языкознания», «Сравнительно-сопоставительные исследования»);
- проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе (раздел «Лингводидактика»), а также рецензии (4–5 стр.) и сообщения из научной жизни (хроника совещаний, симпозиумов, конференций, семинаров и др. – до 6 стр.).

Предпочтительный способ предоставления статьи – онлайн через сайт Журнала (<http://philology-asu.ru>), где заполняется форма сведений об авторах и прикрепляются все необходимые файлы, полностью соответствующие требованиям к формату и именам файлов. Также заявку можно отправить по электронной почте ephilolvestnik@asu-edu.ru. Вне зависимости от способа подачи к заявке должен быть прикреплен файл со сведениями об авторах на русском и английском языках.

Все предоставляемые материалы подлежат обязательной проверке на наличие некорректных заимствований и рецензированию. В качестве рецензентов могут выступать как члены редакционного совета, так и внешние эксперты из числа признанных специалистов по тематике рецензируемых материалов и имеющих в течение последних 3 лет публикации по заявленной тематике. При оценке статьи рецензентом учитывается актуальность для отрасли науки, научный уровень рукописи, научная новизна, теоретическая и/или практическая значимость. При рекомендации рецензента о доработке статьи автором вносятся необходимые правки, после чего редакционным советом принимается окончательное решение о публикации.

Адрес электронной почты, предоставленный автором, будет размещён в журнале и станет общедоступным. Номер телефона может быть использован только для связи представителей редакции с автором статьи.

Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Оплата публикации материалов

Стоимость публикации материалов исчисляется из расчёта 150 руб. за полную/неполную страницу текста с учетом НДС.

Оплата осуществляется **только после** положительного заключения рецензента и внесения в текст статьи всех рекомендованных правок.

Гонорары авторам не выплачиваются.

По всем возникающим вопросам авторы могут связаться

с ответственным секретарем журнала

Татьяной Владимировной Дымовой

по тел.: 8 (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89270766442 (Ммх) и

e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Все стороны, принимающие участие в издании Журнала – автор, редактор, рецензент и издатель – должны неукоснительно соблюдать нормы этического поведения. Журнал руководствуется этическими правилами и принципами, изложенными в:

- рекомендациях Комитета по этике публикаций – Committee on Publication Ethics (COPE) и Кодексе этики научных публикаций;
- положениях, принятых на II Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);
- рекомендациях Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- части IV Гражданского кодекса Российской Федерации.

Журнал не приемлет плагиат и любые проявления недобросовестного проведения исследований.

Редакция журнала призывает авторов придерживаться следующих этических принципов при подготовке и подаче материалов для публикации:

- предоставление оригинальных, достоверных, обоснованных и верифицируемых результатов собственных научных исследований;
- оформление заимствованных фрагментов ранее опубликованных научных работ (включая собственные работы автора (-ов)) с обязательным указанием автора и первоисточника;
- цитирование публикаций, оказавших существенное влияние на формирование авторского взгляда на решаемую проблему;
- минимизация цитирования публикаций, не имеющих прямого отношения к содержанию представляемой статьи;

- недопустимость указания в качестве соавторов лиц, не принимавших участия в получении научных результатов, о которых идёт речь в представляемых материалах;
- обеспечение отсутствия конфликта интересов, могущего оказать влияние на объективность и/или достоверность излагаемых в статье научных результатов.

Редакция «Евразийский филологический вестник» оставляет за собой право ретракции уже опубликованных статей в том случае, если будет установлено, что в результате публикации были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2026

ВЫПУСК 1 (13)

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.). **ISSN 2949-4419**

Учредитель:

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Главный редактор Г. В. Файзиева

Редактирование, компьютерная правка

Т. В. Дымова

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89608656847 (Max) и
e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru
